

Педагог

Книги первая, вторая, третья. Заключение

[Книга первая](#)

- [Глава 1.](#) Чему, открыто наставляя в том, обещает научить Педагог
- [Глава 2.](#) О том, что Педагог из-за грехов наших имеет попечение о нас
- [Глава 3.](#) О том, что человеколюбив Педагог
- [Глава 4.](#) О том, что Логос является Педагогом и мужей, и жен
- [Глава 5.](#) О том, что все, ищущие истины, суть чада Божий
- [Глава 6.](#) Против полагающих, что наименование «детьми» и «младенцами» означает первоначальную ступень обучения
- [Глава 7.](#) О лице нашего Педагога и Его воспитательном методе
- [Глава 8.](#) Против полагающих, что благодать и правосудие взаимно себя исключают
- [Глава 9.](#) О том, что дело одной и той же власти благодетельствовать и правосудно наказывать и еще (продолжение) о воспитательном методе Логоса
- [Глава 10.](#) О том, что один и тот же Бог через посредство одного и того же Логоса и удерживает от грехов угрожая, и спасает человечество ободряя
- [Глава 11.](#) О том, что Логос воспитывает через закон и пророков
- [Глава 12.](#) О том, что Педагог, согласно с отеческим своим образом мыслей, в отношениях к нам проявляет как строгость так и благодать
- [Глава 13.](#) О том, что нравственно доброе разуму (Логосу) соответствует, грех же разуму (Логосу) противен

[Книга вторая](#)

- [Глава 1.](#) Правила относительно пищи
- [Глава 2.](#) Как должно вести себя в отношении питья
- [Глава 3.](#) О дорогой домашней утвари
- [Глава 4.](#) О поведении какого следует держаться на пиршествах
- [Глава 5.](#) О смехе
- [Глава 6.](#) О неблагопристойности в речах
- [Глава 7.](#) О благопристойном поведении во время пиршеств и в обществе
- [Глава 8.](#) Об употреблении духов, помад и венков
- [Глава 9.](#) О сне
- [Глава 10.](#) О благочестном в христианском браке рождении детей и против роскоши в одеждах
- [Глава 11.](#) Об обуви
- [Глава 12.](#) О том, что не должно заботиться об украшении себя драгоценными камнями и золотом и удивляться таким украшениям

[Книга третья](#)

- [Глава 1.](#) Об истинной красоте
- [Глава 2.](#) Против искусства наведения красоты
- [Глава 3.](#) Против модничанья мужчин
- [Глава 4.](#) О добром и дурном сообществе

[Глава 5.](#) О поведении в банях

[Глава 6.](#) Христианство есть истинное богатство

[Глава 7.](#) Умеренность – вот верные на жизненном пути расхожие деньги христианина

[Глава 8.](#) О том, что главная сила истинного и здравого учения в образцах и примерах

[Глава 9.](#) Побуждения для пользования банями

[Глава 10.](#) О том, что посещение гимнастических школ относится к разумному образу жизни

[Глава 11.](#) Краткий очерк наилучшего (идеального) образа жизни

[Глава 12.](#) Дальнейший очерк наилучшего (идеального) образа христианской жизни, составленный на основании различных мест священного Писания

[Заключение](#)

[Гимн Христу Спасителю *](#) Посвящение творения

Книга первая

Глава 1

Чему, открыто наставляя в том, обещает научить Педагог

Если в (нравственном) человеке различать такие три сферы как: склонности воли, (внешние) действия и страсти, то склонности воли будут относиться к области действий увещающего Логоса. Он учит Богопочтению и, как (бы) в корабле килевой брус, определяющий собою его строение, закладывает основания в здании веры; побуждаемые им мы отрекаемся от старых заблуждений; вследствие восприятия новых спасительных истин духовно молодеем и присоединяем и свой голос к пророческому пению: **«Как милостив Бог Израилев к правым сердцем»** (Пс.72:1).

Всей областью человеческих действий заправляет законы постановляющий Логос.

Страстей же врачом состоит целящий Логос. В сущности все это один и тот же Логос – Он освобождает человека от рабства мирским обычаям, которыми мы до того довольствовались и воспитывает нас для единственно возможного спасения в Божественной вере. Нашему небесному наставнику Логосу, так как Он зовет нас к спасению, собственно говоря, прилично имя увещающего Логоса; но, подобно тому, как именем части иногда обозначается и все целое, называется Он этим именем и вообще. Потому что увещательный характер имеет все христианское нравственное учение, пробуждая в душе прирожденное ей страстное желание истинной жизни как по эту, так и по ту сторону гроба. Если же этот Логос есть в одно и то же время и целящий, и законы постановляющий, (то и то, и другое) относится к Его задаче: ведь Он остается при своей программе, обещая нам и от страстей исцеление. Для удобства мы будем называть Его одним словом «Педагог». Область Педагога – практика, а не теория; не обучение, а нравственное улучшение – вот Его цель; жизнь мудреца, а не ученого Он хочет начертать перед нами. Отчасти Логос является, конечно,

и учителем, но это не главная при сем Его цель. Дело Логоса как учителя состоит, собственно, в раскрытии и объяснении положений веры. Но так как Педагог наш есть практик, то прежде всего занимается Он порядками нравственной жизни. Поэтому, с одной стороны. Он приглашает к исполнению обязанностей, сообщая наичистейшие понятия о нравственности; с другой стороны. Он указывает современному поколению на нравственные образы времен прошедших. И то и другое весьма полезно. Первым: изображением обязанностей – имеется в виду достигнуть послушания им; вторым: указанием нравственных примеров – имеется в виду усилить впечатление подобным же образом: частью поощрить к подражанию добру, частью отпугнуть от зла. В итоге, благодаря силе убедительного содержания таких примеров, получается через это также исцеление от страстей. Педагог укрепляет душу кроткими законами как смягчающими лекарствами и подготавливает больных к полному выздоровлению для истины. Потому что не одно и то же, ведь, (духовное) здоровье и гнозис. Последний есть плод учения, первое же есть следствие целебного искусства. Никто из больных душой не может сделать интеллектуальных приобретений прежде выздоровления; и ученика учащегося, и ученика больного, ведь, не одним и тем же пользуют, но стараются одного возвысить до гнозиса, другого довести до выздоровления. Как при телесной болезни требуется врач, так и душевная немощь требует Педагога, чтобы Он наши страсти укротил; только уже позднее требуется учитель, который мог бы душу ввести в чистый гнозис, с принятием которого она в состоянии была бы проникнуть и в тайны христианского учения. Поскольку теперь Логос, будучи всесторонним другом людей и постепенно приводя их к спасению, стремится давать нам воспитание вполне совершенное, то поступает Он прекрасно и весьма хозяйственно; сначала Он состоит Увещателем, потом – Педагогом и, наконец, – Учителем.

Глава 2

О том, что Педагог из-за грехов наших имеет попечение

о нас

Наш Педагог, любезные мои, подобен Богу, Своему Отцу, которому Он является Сыном. Он безгрешен, безупречен, Его душа совершенно свободна от страстей. Это – всецело Бог, лишь в человеческом образе; это – исполнитель воли Отчей, Бог Слово (Логос), сущий в Отце, сидящий одесную Его, Бог в видимом образе. Таков безукоризненный наш идеал; к духовному с Ним сходству считаем мы своей обязанностью изо всех сил стремиться. Но Он безусловно свободен от человеческих страстей и поэтому является нашим Судьей, ибо только Он один без греха; мы же должны стремиться к ограничению своей греховности по возможности шире и полнее, доводя склонность к ней почти до ничтожества. Потому что ничего не следует добиваться с большей настойчивостью, чем освобождения себя от душевных болезней и страстей: это необходимо прежде всего. Потом остерегаться надо того, чтобы не впадать в грехи с легкостью и по привычке. Высшей же степенью совершенства оказывается свобода от недостатков всякого рода. Это свойственно уже одному Богу. Ближайшим же к этому совершенством

является не грешить добровольно; это и свойственно мудрецу. Дальнейшая степень совершенства состоит в том, чтобы не позволять себе недостатков (т. е. грехов) добровольных; это свойственно тем, кто пользуется превосходным руководством Педагога. Низшая ступень совершенства состоит в том, чтобы не оставаться в грехе упорно. И из этого состояния возможен еще выход к спасению через изменение чувств и расположении и (через) вступление в борьбу с грехом. Прекрасно, думается мне, говорит Педагог устами Моисея: «Если же умрет при нем кто-нибудь вдруг, нечаянно, и он осквернит тем голову назорейства своего, то он должен остричь голову свою» (Чис.6:9). Грех недобровольный Педагог называет здесь внезапной смертью; Он говорит об осквернении, потому что оно пятно оставляет в душе; потом тотчас предлагает Он и целебное средство, советуя немедленно остричь голову. Под волосами, которые должны быть острижены. Он имеет в виду волосы доведения, затеняющие рассуждение; освободившись через обрителие их как бы из лесной какой чащи и глуши, рассуждение, которое имеет свое седалище в мозгу, производит изменение чувств и расположении. Далее и ниже говорится: А «дни предшествовавшие неразумны» (Чис.6:12). Отсюда очевидно, что здесь идет речь о грехах, имеющих корнем недостаточность благоусмотрения. Момент несвободы воли намечен словом «вдруг», а момент совершения греха словом «неразумны». Поэтому- то, то есть чтобы охранять нас от грехов неведения, Логос и принял на Себя должность стража. Лишь стоит для этого обратить в Писании внимание на дальнейшее выражение: «Посему так говорит Господь». Что в предшествующем шла речь о грехе, доказывается словом «посему», через которое вводится осуждающий приговор. Открывается это ясно и из слов пророческих: «Если бы ты не согрешил, то не была бы высказана и угроза эта»; и еще: «Посему так говорит Господь»; и еще: «И посему вот говорит Господь». Через «посему» изрекается пророчество (или награждающее, или наказующее), смотря по тому, изрекается ли оно по поводу послушания или непослушания; одним совершается наше спасение, другое указывает на необходимость присутствия с нами Педагога. – И теперь далее; Со своими советами Педагог состоит врачом по душевным нашим болезням (страстям). В собственном смысле под врачебным искусством разумеется помощь при телесных болезнях: оно есть плод человеческой мудрости. Слово же Отчее (Логос) состоит единственным пэонийским врачом душевных немощей и небесным заговаривателем больной души. «Спаси, Боже мой, раба Твоего», – говорит Псалмопевец, – «уповающего на Тебя. Помилуй меня. Господи, ибо к Тебе взываю каждый день» (Пс.85:2-3). Врачебным искусством, по Демокриту, исцеляются телесные болезни, мудрость же освобождает душу от страстей. Наилучший же Педагог – Мудрость, Слово Отчее (Логос), Творец человека, заботится о создании своих рук во всей его полноте и целостности; состоя главным врачом человечества. Спасителем, Он исцеляет и тело людей, и душу. «Встань», – говорит Он к расслабленному, – «возьми носилки», да «коих ты лежишь и иди в дом свой» (Мк.2:11). И к умершему говорил Он: «Лазарь, иди вон» (Ин.11:43). И умерший вышел из гробовой пещеры в таком состоянии, в каком он был до болезни. Душу же, взятую саму по себе, исцеляет Он заповедями и благодатными дарами. С предъявлением ей заповедей Он даже и не особенно торопится, благодать же

на нее (тотчас) изливает в изобилии. «**Прощаются** тебе грехи» (Мф.9:5; Мк.2:5), – говорит Он, обращаясь к нам, грешникам. Согласно с Его домостроительством, мы состоим чадами Его и между делами Его творческого всемогущества занимаем место почетнейшее и безопаснейшее. Творческой Его силой творится ведь и здание сего мира, и небесный свод, и диск солнечный; потом занята Она путями и прочих звезд из-за человека; далее же промышляет Она и о самом человеке, на которого усердие Ее обращено полной мерой; его считает Она за величайшее свое дело; его душу Она образовала по правилам разума и мудрости, а тело – по закону красоты и соразмерности. Следя за действиями человечества и правильностью их, Она вдохнула в него и свое собственное начало благоупорядоченности.

Глава 3

О том, что человеколюбив Педагог

Являясь и человеком, и Богом, Господь во всем помогает человеку и всем радуется ему. Будучи Богом, прощает Он грехи; являясь человеком, Он воспитывает его до безгрешности. Потому с правом человек любезен Богу, (потому) что он есть творение рук Божиих. Все остальные вещи Бог произвел Своим всемогущим словом, а человека сотворил собственноручно и вдохнул в него нечто такое, что одному Ему, Богу, свойственно. Человек, рукой Божией и по образу Божию сотворенный, самим Богом созданный, собою представляет, значит, существо Богу любезное или из-за самого себя, или же он создан из-за чего-либо другого. Если человек любезен Богу из-за самого себя, то безусловно благой Бог решил относительно человека в Своем совете, значит, нечто доброе, и очарование любви в человеке, значит, есть нечто такое, что мы называем дыханием Божиим. Если же предположить, что человек любезен Богу из-за чего-либо другого, то Бог, значит, и сотворил человека не из-за чего другого как из-за этого чего-то; значит, творение без человека не могло быть совершенным: потому что тогда оно не могло бы дойти до мысли о своем Творце. Без людей Бог не создал бы и тех вещей, которые Он сотворил ради людей. Первоначально сокровенную в Нем одну волю Свою Бог выполнил в совершенстве через внешний акт творческого Своего всемогущества, так что человек сам в себе, значит, состоит причиной своего бытия. И Бог видел, кого имеет в человеке; и человек стал тем, чем сделать его благоволил Бог. Нет ничего такого, чего Бог не мог бы привести в исполнение. Следовательно человек – творение Божие, любезен Богу непременно из-за самого себя. Но этим сказывается, что и вообще любезное кому-либо достойно расположенности к нему и любви. Если же не существует ничего достолюбезного, что вместе с тем не составляло бы собой предмета любви Божественной, а человек, как показано, есть существо любви достойное, то, значит, он и любезен Богу. Да и каким образом он не был бы любим Богом, когда ради него послан был долу из самых недр Отца едиnorodный Сын Божий, Слово (Логос), предмет, преизобильный источник нашей веры, Господь, который сам ясно исповедует и объявляет: «**Сам Отец любит вас**, потому что вы возлюбили Меня» (Ин.16:27); и опять: «**и возлюбил их**, как возлюбил Меня»? (Ин.17:23) Итак, чего же хочет от нас Педагог? О чем проповедует Он и словом, и

делом? Он дает заповеди и запрещения; одни – ясно – для исполнения, другие – в предупреждение с нашей стороны деяний, противоречащих тем заповедям. Но столь же несомненно, что есть еще и другой род слова, учительное слово; оно обращено к интеллектуальной способности, излагает тонкости, содержанием его служит созерцание тайн. Однако же на сей раз мы не будем говорить об этом слове. – Но прилично, чтобы и мы, со своей стороны, самым делом свидетельствовали любовь к Тому, который столь любвеобильно ведет нас стезей совершенства; – чтобы мы жили по предписаниям Его заповедей, чтобы заповеданное мы не только творили, а запрещенного избегали, но и примерами нравственной жизни частью себя предостерегали, частью ободряли; таким образом мы будем уподобляться в своем образе действий Педагогу, а слово Его об «**образе и подобии**» (Быт.1:26) по возможности будет исполняться. Живя, блуждаем мы как бы в густой какой тьме; поэтому необходим нам верный и сведущий путеводитель по жизни. Но лучшим путеводителем является, конечно, не кто-либо из слепых, который, по выражению Писания, слепых заведет в яму, но Логос, имеющий глаз пронизательный и презирающий в сердце. – Как нет света, который не светит; как нет ничего подвижного, что не двигалось бы; – никакой любви, которой не была бы вызываема любовь: так не существует и ничего нравственно доброго, что не было бы полезно и спасительно. Итак, последуем заповедям, которые Господь своей жизнью возвещает; потому что Логос, видимой плотью облекшийся, наставлял то той, то иной добродетели вместе и словом, и примером. Если Логос будет принят нами за закон, то узнаем мы, что Его законы и заповеди – пути к небу кратчайшие и ближайшие. Это – законы любви, а не устрашения.

Глава 4

О том, что Логос является Педагогом и мужей, и жен

Объемля это благое руководство Любви любовью же все полнейшей и сильнейшей, доверимся – цепляясь за столь крепкий канат веры – Господу в убеждении, что добродетель эта должна составлять дело в равной мере как мужей, так и жен. Потому что если у них обоих Бог один и тот же, то, значит, оба они имеют и одного и того же Педагога; значит, они имеют и церковь единую; значит, один и тот же существует для них закон меры, тот же естественный стыд, та же пища, те же брачные отношения, те же дыхание, зрение, слух, рассуждение, надежда, христианская любовь; все это должно быть им равно свойственно. Но если все условия жизни для них общи, то они участвуют в равной степени, значит, и в благодати, один и тот же для них путь спасения, одинаково ценна для них христианская любовь; а потому подлежат они, значит, и одному и тому же и воспитанию их Логосом. «**Чада века сего**», – говорится, – «**женятся и выходят замуж**» (Лк.20:34). Здесь (на земле) существует различие между мужским полом и женским; а по ту сторону гроба этого различия нет. Награда за святую здесь, на земле, участливую жизнь обещана не мужу или жене, а человеку вообще, награда там, где половые влечения, собою здесь разделяющие два людских пола, исчезнут. Существует и общее название для мужа и для жены, это – слово «человек». Подобным же образом

аттики словом (παῖδαριον) (дитя) называли существо не только мужского пола, но и женского; в свидетели этого можно выставить комика Менандра, который в своем произведении «Заушенная» говорит: Доченька моя; любезное дитя, От природы оно сложено весьма нежным. Точно так же (αρνῆς) (овцы) есть имя обоюдное для овец и мужского пола, и женского. – Так Господь есть (общий) наш Пастырь во веки. Аминь. Без пастыря же не может ни овца жить, ни вообще другое какое животное. Так и дети не могут жить без Педагога, домочадцы без Хозяина.

Глава 5

О том, что все, ищущие истины, суть чада Божий

Что педагогика есть доведение детей до чего-то, открывается из самого этого слова. Рекомендуются им, следовательно, детей, о которых говорится в Писании, из виду не терять, и потом приставить к ним Педагога. Дети – это мы. Писание часто называет нас этим почетным именем; еще чаще оно выражает это простое религиозное понятие символически, попеременно употребляя для этого различные другие слова. Так, в Евангелии говорится: «**Стоя** на **берегу** Господь воззвал к ученикам», которые довили рыбу: «**дети!** есть ли у» – вас «**какая пища?**» (Ин.21:4-5) Мужей, состоявших на положении учеников, называет Он «**детьми**». – Говорится также, что «**приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил** на них руки, и помолился; ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф.19:13-14). Что Господь хотел сказать этим, истолковал Он сам в словах: «**если не** обратитесь, и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф.18:3). Не о возрождении иносказательно говорит Он здесь, а рекомендует нам для подражания простоту детского чувства. – И Дух пророческий нас именует детьми. «**Дети**», – говорит Он, – «**срывали с маслин и с пальм ветви и, идя навстречу**. Господу восклицали: Осанна сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне» (Мф.21:9; Ин.12:13), т. е. «**свет, слава** и хвала со смиренною мольбою Господу», ибо таково значение слова «**Осанна**» в переводе. И мне кажется, что через напоминание в этом месте пророчества Писание хочет сделать упрек легкомысленным. «**Разве вы никогда не читали: “из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу?”**» (Мф.21:16; Пс.8:3) Побуждая учеников быть внимательными к Нему, так как Он к Отцу хочет возвратиться; сообщением, что вскоре Он разлучится с ними, пробуждая в слушателях ревность к тому, чтобы они тем в большем изобилии запасались плодами с древа истины, с него срывали их во множестве как никогда еще до тех мгновений. Господь опять при этом случае их называет в Евангелии «**детьми**. **Дети!**». – говорит Он, – «**недолго** уже быть Мне с вами» (Ин.13:33). И опять Он сравнивает Царство Небесное с детьми, которые сидят на улице и говорят: «**Мы на** свирели вам играли, и вы не плясали; мы пели вам песни плачевные и вы не печалились»; и еще нечто подобное Он присовокупляет. И не Евангелие только думает так, но и Давид говорит: «**Хвалите** Господа, дети, хвалите имя Господне» (Пс.112:1). И через Исайю говорит Господь: «**Вот я и дети, которых дал мне Господь**» (Ис.8:18). Ты удивляешься, слыша, что мужи в возрасте, и,

притом, из язычников, называются Господом **«детьми?»** Но оказывается, что ты плохо, значит, знаешь аттический диалект, в котором красивые и цветущие девочки, и именно свободные, называются παῖδες, а принадлежащие к рабскому сословию παῖδες κατὰ; пока они еще девочками остаются, до тех пор с отношением к цветущему состоянию детского возраста они называются этим лестным и почетным именем. И когда Господь говорит: **«Агнцы да станут одесную Меня»** (Мф.23:33), под этим словом Он имеет в виду детей с их простым умом, потому что по своей природе дети суть агнцы, а не мужи и не овцы. Агнцам же оказывает он предпочтение, высоко ценя в людях невинность и простоту ума, незлобливость их природы. И опять говоря о питающихся еще молоком тельцах (Ам.6:4), Он имеет в виду нас; и, говоря о бесхитростных и незлобливых голубях (Мф.10:16), Он имеет в виду нас же. Через Моисея (Лев. 15:29; Лев.12:8; Лк.2:24) Он повелевает приносить в жертву двух молодых голубей или пару горлиц, чем хочет сказать, что Богу приятны невинность этих нежных творений, бесхитростность, способность прощать, свойственная этим молодым животным. Столь же приятными для Бога людей, подобных сим животным, делает их примирение с Ним через очищение грехов. Далее, своей боязливостью горлица символически изображает и природу греха, внушающую к себе ужас. А что и под **«птенцами»** Он разумеет нас же, об этом свидетельствует Писание, говоря: **«как птица собирает птенцов своих под крылья»** (Мф.23:37). Следовательно, мы птенцы Господни. – Удивительным и таинственным образом простоту души Господь обозначает через детский возраст. Он называет нас, то **«детьми»**, то **«птенцами»**, иногда **«младенцами»**, в ином месте **«сынами»**, часто и **«юношами»**, и **«молодым народом»**, или **«новым народом. Моим рабам»**, – говорит Он, – дано **«будет имя новое»** (новое, т. е. юное, небесное, не употреблявшееся, простое, детское, истинное имя), **«которое будет благословляемо на земле»** (Ис.63:15). Опять Он образно называет нас **«жеребятами»**, не носившими ярма греховного, свободными от уз зла; в простоте чувства устремляющимися к Отцу; не конями, ржущими на жену ближнего (Иер.5:8), но свободными и новорожденными; играющими от радости веры, скачущими вперед к истине; быстро движущимися по пути к спасению, ногами попирая и круша вещи сего мира. **«Ликуй от радости, дочь Сиона; торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле»** (Зах.9:9; Быт.49:11). Не удовлетворился выражением **«на осле»**, но прибавил **«на молодом»** и указывает этим на помолодение человечества, произведенное Христом, и на никогда не стареющее небесное бытие простых чувством.

В качестве таких жеребят, следовательно, в качестве малых воспитывает нас наш Божественный Укротитель **«жеребят»**. И если и молодое животное, о котором говорит Писание, есть осел, то тем более им является осленок. **«Он привязывает к виноградной лозе осленка своего»**, говорится; т. е. простой, в детстве находившийся народ. Он привязывал к Логосу, который символически называется виноградной лозой. В виноградной лозе течет вино, во Христе – кровь. Оба служат для человека напитком, наделяющим его жизнью; вино – для тела, кровь – для духа. Что Господь называет нас и агнцами, этому достоверным свидетелем у пророка Исайи является Дух Святой: **«Как пастырь Он будет пасти стадо Свое и агнцев будет брать на руки»** (Ис.40:11).

Овец еще нежных делает Он символом простоты нравов.

Поэтому и мы в наименование прекраснейших и высших из благ жизни привносим слово дети и называем их «учением дитяти» παιδεία) и «воспитанием детей» παιδαγωγία. Воспитанием детей мы считаем сдружение их с добродетелью от младенчества.

Яснее смысл наименования **«детьми»** раскрыл нам Господь по поводу происшедшего между апостолами спора, кто из них больше (т. е. властнее). Тогда Господь поставил между ними дитя и сказал: **«Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном»** (Мф.18:3). Имя **«дети»** употреблял Он, следовательно, не для обозначения несовершеннолетнего возраста, как полагали некоторые; и слова Его: **«Если не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»** не как вздор какой нужно понимать; потому что мы не маленькие дети, которым свойственно валяться на земле; и мы не ползаем по ней змеями, как делали то некогда, извиваясь всем телом для достижения цели безрассудных желаний; напротив, с чувством, обращенным вперед, отвращаясь от мира и грехов, лишь краями одежд своих касаясь земли, как если бы мы только видимым образом принадлежали земному миру, стремимся мы к мудрости священной, которая лишь людям, изощрившимся во зле (Пс.51:4), кажется глупостью (1Кор.2:14). Поистине дети, следовательно, суть те, которые признают единого Бога Отцом, состоя людьми простыми, невинными и чистыми почитателями Единорога. К движущимся вперед в Логосе (Слове) взывает Он и говорит, что не должны они заботиться о вещах земных и приглашает их лишь к Отцу обращаться, подражая детям. Потому и говорит Он в последующем: **«Не заботьтесь** о завтрашнем дне: ибо завтрашний день будет заботиться о своем» (Мф.6:34). Отстраняя таким образом от себя заботы жизни, должны мы, согласно с заповедью Его, единственно к (небесному) Отцу тяготеть. И кто эту заповедь исполняет, тот как перед Богом так и перед миром поистине есть как бы малое дитя; перед миром он является таким потому, то здесь его глупцом считают; перед Богом – потому, что он любим Богом. Но если **«один есть Учитель»**, Учитель Небесный, как утверждает Писание (Мф.23:8), то с последовательностью и все люди на земле могут быть названы учениками, ибо в действительности дело обстоит так: совершенство заключено в Боге, Постоянном Учителе; детское же и несовершенное свойственно нам, постоянно состоящим на положении учеников. Поэтому и во многих местах пророческих писаний совершенное обозначено словом **«муж»**. У Давида говорится о дьяволе: **«Мужа кровей гнушается Господь»** (Пс.5:6). Называет дьявола мужем, потому что он совершенен во зле. И Господь именуется мужем, потому что Он совершенен в правде. Так апостол в Послании к Коринфянам говорит: **«я обручил вас единому мужу, дабы представить вас Христу чистою девою»** (2Кор.11:2), т. е. как детей и посвященных единому Господу. Но всего прекраснее объясняет он существенное понятие в Послании к Ефессянам, говоря: **«доколе все придем в единство веры и познания»** Сына Божия, в **«мужа совершенного, в меру полного возраста Христова: дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения, но истинною любовью все возвращали в Того, который есть глава, Христос»** (Еф.4:13-15).

Это говорит апостол для созидания тела Христова, **«который есть глава»** (его) **«и муж»**, един только совершенный в правде. Мы же – малые дети, которые должны беречься надмевающих ветров лжеучений (Кол.2:18; Еф.4:14) и не имеют права тем верить, которые хотят внушить нам иное, нежели то, чему учили нас наши отцы; совершенства достигаем мы, образуя церковь, главой же ее признавая Христа.

Здесь будет уместно объяснить и слово *νηπιος* малютка. Оно вовсе не тождественно слову «глупый»; такое значение свойственно слову *νηπιτιος*; *νηπιος* же равно *νηπιος*, а *ηπιος* – значит тонко чувствующий; *νηπιος*, слово это собой означает, следовательно, новорожденного, душой кроткого, тихого, нежного.

Особенно ясно так объяснил это слово блаженный Павел сказав: **«Мы могли явиться как Апостолы Христовы; но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими»** (1Сол.2:7).

Дитя, следовательно, тихо; и, в особенности, нежно, мягко и просто, бесхитростно и нелицемерно, прямодушно и искренне, а эти черты суть основы простоты и правдивости. **«На кого»**, – говорится, – **«Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом»?** (Ис.66:2) Такова речь девственная; она нежна и непритворна. Потому и невесту обыкновенно называют «нежною» и отрока «мягкосердечным» («Илиада», VI, 400). Мягкосердечны же мы, если не упорствуем, отказываясь слушаться уговоров, – если обнаруживаем готовность творить добро, – если не питаем в своем сердце ненависти, – если чувство свое не пятнаем злобой и лживостью. Древнее поколение было **«лживо и жестокосердно»** (Деян.2:40; Флп.2:15; Мф.12:39; Мк.8:38), хор же детей, т. е. мы, **«новый народ»** (2Кор.3:17), нежны как дитя. Чистосердечными детьми апостол в Послании к Римлянам восхищается; и он дает так сказать определение детей в словах: **«Но я желаю, чтобы вы были мудры на добро, и просты на зло»** (Рим.16:19). Мы связываем ведь со словом *νηπιος* смысл не отрицательный, хотя мальчики под руководством грамматиков и говорят о *νη privatium*, хотя хулители детства и называют нас безумцами. Но вы смотрите, как этим они оскорбляют Господа, за безумцев считая в Боге ищущих себе прибежища. А когда они – вот это стоит того, чтобы в то вслушаться, – считают детей простодушными, то мы радуемся этому определению. Простодушны души новорожденные, после древнего безумия лишь недавно став разумными, в юном виде явившись в соответствие Новому Завету; лишь недавно только мы Бога научились познавать по пришествии Христовом. Потому что **«Отца не знает никто кроме Сына и кому Сын хочет открыть»** (Мф.11:27; Лк.10:22). Юн **«народ новый»** в отличие от древнего; научился он познавать новые блага. И мы достигаем полного возраста, никогда не стареющей добродетели. Постоянно наше познание зрело, постоянно мы юны, постоянно нежны, постоянно новы. Тем людям, которые примкнули к новому Логосу, и свойственно быть новыми. Но что в вечном принимает участие, тому свойственно быть и бессмертным. Поэтому выражение «детский возраст» для нас равно весне жизни, ибо истина в нас не стареет и наши нравы насыщаются (дышат) истиной. Истина цветет вечно, постоянно она равна себе самой, никогда она не меняется. Говорится: Дети! **«На руках будут носить вас и на коленях ласкать**. Как утешает кого-либо мать его, так утешу Я вас, и вы будете

утешены в Иерусалиме» (Ис.66:12-13). Мать подзывает детей к себе: подобным образом и мы отыскиваем мать нашу, церковь. Всякое слабое и нежное творение, по причине своей слабости, нуждающееся в помощи, представляет собой нечто приятное, достолюбезное и прекрасное; и обыкновенно все с готовностью помогают такому малому существу. Как (земные) родители с особенной радостью смотрят на своих питомцев: лошадь – на своего жеребенка, корова – на своего теленка, львы – на своих львят, олени – на своих оленят, человек – на свое малое дитя; подобно этому и Небесный всех Отец принимает прибегающих к Нему и вследствие возрождения их Святым Духом видит в них благоговейных своих чад, любит их, поддерживает, защищает их и из-за этого называет каждого из них чадом. По моему мнению и имя Исаак имеет отношение к детству. Исаак значит «смех». Любопытный царь увидел его играющим со своей женой и помощницей, Ревеккой (Быт.26:7). Царь, – его звали Авимелех, – мне думается, означает небесную мудрость, снисходящую на таинственную игру детей. Ревекка по истолкованию означает «терпение». Вот поистине разумная игра детей: смех поддерживается терпением! И царь смотрит на эту игру, как дух чад Христовых, проводящих жизнь в терпении, радуется. Подобным образом Гераклит представляет и своего Зевса, занимающимся играми. Ибо для совершенного мудреца что приличнее как не играть и при терпении и добром образе жизни оставаться радостным, своей жизнью как бы какое торжество праздничное справляя вместе с Богом (и подобно Ему)? Можно намек пророка и иначе понимать, так именно, что мы, подобно Исааку, радуемся и смехом приветствуем наше спасение. И тот смеялся, будучи спасен от смерти (Быт.26:7; и далее); он шутил и ликовал со спасительницей, своей невестой. Невеста – это наша помощница в достижении спасения: церковь. Ей дано имя, означающее твердость; названа она «терпение», Ревекка, или потому, что только она одна вековечна при постоянной радости, или потому, что она состоит из терпеливых верных – это из нас, членов Христовых. Она есть живое свидетельство о существовании людей, терпящих до конца и представляет собой в лице их радостную благодарность Богу (за жизнь). Церковь, следовательно, есть таинственная игра детей и наделяющая священным утешением помощница в спасении. – Царь, далее, есть Христос, свыше взирающий на наш смех. И «**смотря через окно**», как говорит Писание, приникает Он в благодарность и похвалы, в радость и торжество, а также взирает на терпение и потом на соединение всего этого в своей. Ему только принадлежащей церкви. Он показывает ей свое лицо, что для нее необходимо, ибо через царственного своего Главу она и совершенства достигает. А что это за окно, через которое Господь является? Это – плоть, в которой Он явился. – Господь и сам есть Исаак (потому что можно дело и так понимать). Исаак был прообразом Господа; (человеческим) дитятей будучи, был он сыном Авраама, как Христос – Сыном Божиим. В качестве Господа Он есть жертва; но, будучи Господом, не погиб Он при этом. Исаак нес дрова для жертвоприношения: подобно этому Господь нес крестное древо. Но Он таинственным образом смеялся, предрекая что Он радостью исполнит нас, спасенных от гибели Его кровью. (Лишь в том несходство, что) Исаак не страдал, начатки страдания уступив Господу и через то, что не был он принесен в жертву, символически изобразив Божество Господа, ибо после

погребения Господь восстал, как если бы не страдал Он, оставшись, подобно Исааку, не тронутым смертью.

Могу я в подтверждение вышеизложенного привести и другой важный момент. Самого Господа Дух Святой именует младенцем, так о Нем предрекая через Исаию: «**младенец родился нам; Сын** дан нам, владычество на раменах Его» (Ис.6:9). Кто такой этот младенец? Это – тот, по образу которого и мы – дети. Через того же самого пророка Дух так возвещает Его величие: «**Чудный** Советник, Бог крепкий. Отец вечности, Князь мира. Умножению владычества Его и мира» нет «**предела**» (Ис.9:6). О Боже великий! О Младенче совершенный! Сын в Отце и Отец в Сыне! И не должно ли после этого быть совершенным воспитание детей через этого Младенца, который, руководя нас, своих малых детей, состоит общим нашим достоянием? Он распростер свои руки к нам. О сем Дитяти и Иоанн, пророк «**величайший из рожденных женами**» (Лк.7:28), свидетельствует: «**Се Агнец Божий**» (Ин.1:29, 36). Поскольку Писание малых детей называет агнцами, то и Бога Логоса (Слово), нас ради вочеловечившегося и во всем нам стать подобным восхотевшего, назвало «**Агнцем Божьим**», т. е. Сыном Божьим, Дитятей Небесного Отца.

Глава 6

Против полагающих, что наименование «детьми» и «младенцами» означает первоначальную ступень обучения

Вдобавок да будет позволено нам показать неправоту унижающих эти наименования. Писание именует нас «детьми» и «младенцами» с отношением не к детскому состоянию у нас учения и малоценности его, какими чертами ложно характеризуют его кичащиеся своим знанием (1Кор.8:1). С возрождением мы тотчас достигаем и совершенства, к которому стремимся. Ибо в крещении мы воспринимаем в свою душу свет Богопознания. Но тот не может быть назван несовершенным, кто познает совершенное; и пусть никто не порицает меня за утверждение, что я Бога знаю. Это выражение любезно Логосу, а Он свободен (Ин.8:35-36). Тотчас после крещения прозвучал над Господом голос с неба, свидетельствуя о Нем как о возлюбленном: «**Ты Сын Мой возлюбленный; Я ныне родил Тебя**». Теперь спросим мы этих разумников: Христос, о котором Писание говорит, что Он ныне «**(воз)рожден**». Он совершенен или, – что весьма несообразно, – не совершенен? Если несовершенен, то должен был Он кое-чему учиться. Но Ему нечему было учиться, потому что Он – Бог. Нет существа больше Логоса; для единственного Учителя нет учителя. Не должны ли они, следовательно, против своей воли сознаться, что Логос произошел совершенным из совершенного Отца и что Он по предустроению нашего спасения возрожден вполне и совершенно? Но будучи совершенным, для чего же Он, совершенный, крещение принял? Отвечают, что Он должен был вполне удовлетворить Им воспринятой на Себя форме жизни в образе человека. Совершенно верно. Соглашаюсь с этим. Следовательно, крещение от Иоанна Его тотчас делает совершенным? Очевидно. Ему нечему, следовательно, было учиться от Иоанна? Нечему. Совершенства Он достигает, следовательно, в простом омовении и освящается через нисхождение на Него Святого Духа? Так. То же самое происходит и с

нами, первообразом для которых состоит Христос. Через крещение мы залучаем свет в душу, со светом получаем право на сыновство, с сыновством – совершенство, с совершенством – бессмертие. **«Я сказал»,** говорится, **«вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы»** (Пс.81:6). Этот акт именуется различно: благодатью, просвещением, совершенством, омовением. Омовением называется он потому, что в крещении омываются наши грехи; благодатью – потому, что в нем освобождаемся мы от наказания за грехи; просвещением – потому, что в нем усматриваем мы небесный спасительный свет, т. е. Бога познаем. Совершенством называем мы отсутствие всякого недостатка; но чего же недостает тому, кто Бога познает? Подлинно было бы делом бессмысленным нечто, не имеющее полной степени совершенства, именовать даром Божиим. Будучи совершенным, Бог и дары расточает, конечно, совершенные (Иак.1:17). Как по Его слову все происходит, так и за Его благодатной волей следует совершенный дар. Что должно только еще произойти с нами, то в крещении всемогуществом Божественной воли упреждается. – Далее: оставление грехов нам есть уже начало нашего, спасения. Следовательно, кто целей жизни достигает, тот уже совершенен. А кто смерти избегнул, тот жив. Спасение состоит, следовательно, в последовании Христу. Ибо **«что произошло в Нем, то жизнь** есть. Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Ин. 5:24). Следовательно, лишь вера и возрождение представляют собой совершенство в жизни. Потому что Бог не творит ничего плохого. Как воля Его есть уже действие и усматривается нами в виде этого мира, подобным образом ту же волю Божию представляет собой и спасение человека и именуется она церковью. Богу ведомы Им призванные. Им спасенные. Но призвание и спасение для Бога есть одно и то же. **«Вы сами научны Богом»,** говорит апостол (1Сол.4:9). Но непозволительно считать то несовершенным, чему учит сам Бог. Учение это есть учение о вечном спасении, посредствуемом вечно сущим Спасителем, которому хвала во веки. Аминь. С понятием о человеке, возрожденном и просвещенном, неразрывно связывается понятие и о человеке, выведенном из тьмы; это дано уже буквальным смыслом тех слов: во свете те люди ходят с того самого момента (просвещения и возрождения). Как сон отряхнувшие со своих вежд тотчас становятся душевно бодрствующими; или лучше сказать: как те, кто силятся прояснить свое ослабляемое подтеком зрение, помогают глазу не привлечением в него света извне, а удаляют препятствие из глаза, освобождая таким образом глазной зрачок: подобно этому и мы, при помощи Духа Святого омыв в крещении подернутый туманом и закрытый тьмой греха глаз своего духа, после того имеем его чистым, здоровым и светлым. Бога познаем мы потому только, что (в крещении) изливается на нас с неба Дух Святой. Привходит в наш глаз небесный луч, сообщающий ему способность видеть небесный свет. Подобное и дружит с подобным; святое дружит со своим первоисточником, а этот по преимуществу именуется светом. **«Вы были некогда тьма, а теперь» – «свет в Господе»** (Еф.5:8). Потому-то и человек, полагаю я, называется светом, φως.

Но, – возражают, – крещенный получает дар еще несовершенный.»
– Допустим; но он ходит в свете, и тьма не объяла его (Ин.1:3); а между светом и

тьмой нет какого-либо состояния промежуточного.

Верным, – возражают далее, – предстоит совершенство в воскресении. Но совершенство это не есть достижение какого-либо особенного блага, а не что иное, как осуществление полученного (в крещении) обетования. Но нельзя же допустить, чтобы в одно и то же время могли существовать совместно и достижение цели, и надежда на то. Не одно и то же – время и вечность; следовательно, не может быть отождествляема и цель со стремлением.» – Несомненно. Действительно, иное дело цель, к которой кто-либо стремится и которой он достигает, и иное дело лицо, к ней стремящееся и ее достигающее. Стремление есть, так сказать, вера этой жизни, цель же есть исполнение обетования в вечности. Но сам Господь ясно отождествляет оба эти момента в спасении словами: «**Водя Пославшего Меня есть** та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин.6:40). Мы веруем поэтому в свое совершенство, насколько оно возможно в этой жизни. Миг этот Он понимает под выражением «**последний день**», до наступления которого он будет «**сохраняться**» (ср. 2Пет.2:4, 9; 2Пет.3:7; где «**сохраняться**» означает существовать) и с наступлением которого он разрушится. Вера есть совершенство учения; потому и говорит Он: «**Верующий в Сына** имеет жизнь вечную» (Ин.3:36). Поэтому, если вследствие веры свойственна нам жизнь, что иное в последующее время предстоит нам, как не наследование жизни в небесной ее форме? Вера не есть нечто недостаточное; она по самому существу своему есть нечто совершенное, и ей свойственна полнота (совершенства). Если вере свойственен какой-либо недостаток, то значит она не вполне совершенна; вере несвойственны какие-либо недостатки, и она делает верующих ожидающими (исполнения обетования) не только по отшествии из этого мира, но уже и здесь, на земле, всех их без различия наделяет залогами (осуществления обетования). О чем через веру мы наперед знаем, что то в будущем станет нашим достоянием, то самое по воскресении получим в свое обладание действительно; и тогда исполнится над нами слово: «**По вере** пашен да будет вам». (Мф.9:29). Где вера, там и обетование; но исполнение обетования есть успокоение (в Боге). Гнозис состоит, следовательно, в просвещении, цель же гнозиса есть покой, последний предел достижимого. Как вследствие опытности неопытность исчезает; как с изобилием недостаток прекращается: так вследствие просвещения тьма должна исчезать. А под тьмой должно разуметь неведение, вследствие которого мы в грехи впадаем, оставаясь слепыми для истины. Гнозис есть, следовательно, то просвещение, которым прогоняется неведение и в котором нам даруется орган зрения. Но уже и в оставлении худшего содержится познание лучшего. Ибо, что неведением держится в болезненно связанном состоянии (Ис.58:6), то познанием славно разрешается. Оковы эти быстро разбиваются верой человека и Божественной благодатью, которая в крещении в Логоса как бы через какую пэонийскую траву, от грехов нас исцеляет. Все наши грехов крещении) омываются, и тотчас же мы перестаем ходить путями зла. Благодатное действие просвещения состоит, следовательно, в том, что мы оставляем по омовению прежние нравы. Но так как с просвещением восходит над нами солнце гнозиса, озаряя наш дух, то мы, (до тех пор) неведущие, тотчас слышем «учениками», осведомленным» в учении. А если так, то когда

же мы слушали учение? Подлинно, нельзя определить с точностью момента эти. Катехизическое оглашение только ведет к вере; значит, в самом крещении научает нас Дух Святой. Что вера составляет общее для всего человечества спасительное средство и что Бог, правосудный и людей любящий, одинаково благоволит ко всем, об этом ясно учит апостол словами: **«А до пришествия веры мы заключены** были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере. Итак закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою; по пришествии же веры мы уже не» под руководством **«детоводителя»** (Гал.3:23-23). Слышите ли? Мы не состоим более под законом, зиждущемся на начале страха, а руководимы Логосом, Педагогом свободы. Потом апостол присовокупил изречение, в котором ничего нет о предпочтении некоторых лиц. **«Ибо все вы»,** – говорит он, – **«сыны Божий по вере во Христа Иисуса; все вы»,** во **«Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника», «нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе»** (Гал.3:26-28).

Не так, следовательно, нужно дело понимать, что одни в Логосе суть, гностики (одаренные познанием), а другие остаются людьми **«душевными»** (которым свойственна жизнь лишь общая со всеми одушевленными существами), но так, что все мы, по оставлении плотских пожеланий, имеем равное достоинство перед Господом, все **«духовны»**. В другом месте апостол пишет: **«Ибо все мы одним Духом крещены в одну чело.** Иудеи или Эллины, рабы или свободные; и все напоены одним Духом» (1Кор.12 :13).

Не неприлично использоваться и собственными словами (наших) противников. «Мысль о лучшем» называют они «продуктом отцеживания духа» βυβλισμός, потому что с мыслью о лучшем связано-де оставление худшего». – Но мысль о лучшем с необходимостью следует за раскаянием в дурном. Итак, наши противники должны, значит, признать, что и к раскаянию приводит дыхание того же самого Духа. Но у нас так именно и есть. Через крещение мы очищаемся и возвращаемся к свету, в качестве чад приближаемся к Отцу, предварительно раскаявшись во грехах и клятвенно отрекшись от повторения их. Оттого, возрадовавшись в духе, Иисус говорит: **«сдаблю Тебя, Отче, Господи»** (Лк.10:21; Мф.11:25) **«неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам»** (Лк.10:21). Называет нас Педагог и Учитель **«младенцами»**, потому **«что»** они расположеннее к спасению, чем мудрецы этого мира, которые, **«вообразив себя мудрецами, обезумели»** (Рим.1:22). И Он, радуясь и торжествуя, как бы воспевая вместе с детьми, говорит: **«Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение»** (Лк.10:21). То, следовательно, что скрыто от мудрых и разумных этого мира, открыто младенцам. По справедливости мы называемся чадами Божиими, мы, отложившие **«прежний образ жизни ветхого человека»** (Еф.4:22), совлекая с себя одежду, **«которая осквернена плотию»** (Иуд.1:23; 2Кор.5:4), облекшиеся **«в бессмертие»** Христа (1Кор.13:33), дабы возрожденным в новый святой народ нам сохранить в себе незапятнанным **«(нового) человека»** (Еф.4:24). И младенец (этот) как вскормленник Божий чист от беспутств и злодеяний.

Но предоставим дальнейшее изложение этого предмета лучше Павлу, нас освобождающему от этого изложения, потому что в Первом

Послании к Коринфянам он пишет так: «**Братья, не будьте дети** умом: на злое будете младенцы, а по уму будьте совершеннолетия» (1Кор.14:20). А то слово: «**Когда я был младенцем, то по-младенчески** говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал» (1Кор.13:11) означает его жизнь под законом, когда он, не желая быть простецом, безрассудно преследовал церковь Божию, мысля по-младенчески. Говоря безрассудное, поступал он нечестиво против Логоса. Двоякий смысл имеет слово «младенец». «**А как** стад мужем», говорит Павел опять, «**то оставил младенческое**» (1Кор.13:11). Он понимает здесь не несовершеннолетний возраст и вообще не период времени определенный, а также и не высшее таинственное учение, назначенное для мужей, – потому что состояние детства он простирает далее границ его, он, о себе утверждающий, что возвещает о Божием признании нас за чад, – но под младенцами понимает он бывших подчиненными закону, страшившихся, как дети чучела страшатся; под мужами же он понимает повинующихся Логосу, имеющих право на самоопределение. Мы, верующие, достигаем спасения, выбирая оное по свободе; страх отличается в нас разумным характером, а не неразумным. Свидетельствует об этом сам апостол, называя Иудеев наследниками по Ветхому Завету, а нас – наследниками обетования. «**Еще скажу**», пишет он, «**наследник, доколе** в детстве, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего: он подчинен попечителям и домоправителям до срока, отцом» назначенного. «**Так и мы, доколе были в детстве, были порабощены** вещественным началам мира. Но когда пришла полнота времени. Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам подучить усыновление» (Гал.4:1-5). Обрати внимание: рабов страха и греха апостол наименовал здесь детьми, верующих же назвал сынами и признал их совершеннолетними, в отличие от детей, состоящих под законом. «**Посему ты уже не раб**», говорит он, «**но сын**; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа» (Гал.4:7). (Но чего еще недостает сыну по вступлении в права наследства?) Место это: «**Когда я был младенцем**». – всего лучше, следовательно, объяснить так: «когда я иудеем был»; ранее апостол был евреем. «**Тогда по-младенчески мыслил**», потому что следовал я закону; «**а как стал мужем, то оставил младенческое**», т. е. о том что говорит закон, но о том мыслю, что говорит муж, т. е. Христос, которого Писание, как мы выше показали, называет единым мужем; «**оставил я младенческое**». – Детство во Христе, по сравнению с законом, есть совершенство. Мы должны здесь наше детство под защиту взять.

Необходимо истолковать и последующее изречение апостола: (Как младенцам во Христе) «**Я питал вас молоком, а не твердую** пищу, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах» (1Кор.3:2). Это изречение, как мне кажется, уже не может быть истолковано по отношению к иудейству, если противопоставить ему другой текст Писания: «**Я выведу вас в землю, где течет молоко и мед**» (Исх.3:8, 17; и во многих других местах). Размышляющий внимательнее об этих местах Писания наталкивается здесь на значительную трудность. Если начальным фазисом веры во Христа состоит питающийся молоком младенческий возраст (веры) и если фазис этот равнозначен несовершенству ее, то как же тогда блаженный покой христианина, познанием одаренного (гностика) и совершенного, наступающий уже по вкушении этой (твердой)

пищи, опять называется молоком, т. е. пищей младенческого возраста? Нельзя же думать, что это место содержит нечто противоречивое; оно, конечно, весьма точно и должно быть читаемо примерно так: «Я питал вас молоком во Христе». Теперь присоединим к этому стоящее через некоторый промежуток другое выражение: «как младенцам». Такое сочетание отдельных выражений дает следующий смысл: через устное изложение перед вами учения о Христе я питал вас простой питательной и соответствовавшей вашему возрасту духовной пищей. Ибо именно такими свойствами отличается истекающее из любящей груди молоко, которым питается все живое. Следовательно, в целом то слово апостола надлежит понимать таким образом: как кормилицы питают молоком новорожденных детей, подобно этому и я питал вас молоком Христовым, Божественным словом, вливая в вас по каплям эту духовную пищу. Выходит, таким образом, что молоко далеко не представляет из себя пищи несовершенной, и есть пища совершенная, так как она ведет к вечному блаженству. Поэтому-то и в месте покоя нам обетованы те же самые молоко и мед. Столь естественно Господь здесь вновь обещает праведникам молоко, дабы этим обетованием и о том, и о другом сказать ясно, и об альфе, и об омеге, о начале и о конце (Откр.1:8; Откр.21:6; Откр.22:13), ибо под образом молока иносказательно говорится о Логосе. О том же поет и Гомер. Состоя невольным пророком, он называет праведных «галактофагами» (млекоедами).

Но можно это место Писания и так понимать: «я не мог говорить» с вами «братья как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе» (1Кор.3:1). Под людьми «плотскими» и под «младенцами во Христе» нужно разумеать еще недавно оглашенных; к тем, которые уже веруют во Святого Духа, апостол обращается как к людям «духовным», а к новооглашенным как к людям «плотским» и еще не очищена (св. крещением). Этих, почти как язычников, еще по всей справедливости он называет людьми «плотскими», потому что они проникнуты были расположениями еще плотскими. «Ибо если между вами: зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? и не по человеческому ли» обычаю «поступаете»? (1Кор.3:3) «Потому», говорит он, я поил «вас молоком», я пролил в вас познание (гнозис), огласил вас учением, должным поддерживать в вас жизнь вечную. Но и выражение «я поил вас» указывает на совершенство сообщения; потому что слово «пить» употребляется по отношению к взрослым, о детях же когда говорится, употребляется «сосать. Кровь Моя», говорит Спаситель, «истина, есть питье» (Ин.6:53). Под выражением «я поил вас молоком» не разумеет ли поэтому апостол ту полноту радости, которая содержится в молоке Логоса, а именно познании истины?

В дальнейших словах: «а не» (твердою) «пищею питал, ибо вы были» еще не в «силах», (твердая) «пища» может означать должное наступить в будущей жизни снятие покрывала, зрение лицом «к лицу». Потому что «теперь мы видим как бы» сквозь тусклое «стекло, гадательно», говорит тот же апостол, тогда «лицом к лицу» (1Кор.13:12). Поэтому он прибавляет: Но «вы еще и теперь не в силах, ибо вы еще плотские», мыслите плотски, несвободны от плотских пожеланий, склонны к любви чувственной, к страстности, к гневу, к зависти (ср. Гал.5:19-21).

«Но мы уже не во плоти» (Рим.8:9), утверждают некоторые,

ибо и с плотью, но с лицом подобным ангельскому зрим мы обетование лицом к лицу. – Но если действительно это есть созерцание того обетования, которое исполнится лишь по смерти, если это созерцание того, чего «не видел глаз, и не приходило» то «на сердце человеку» (1Кор.2:9), то как же это они в состоянии это обетование уже теперь созерцать, когда они не духовному наитию внимая, но через учение то узнали, чего никакое другое ухо когда-либо не слыхало, кроме как ухо того, кто «восхищен был до третьего неба» (2Кор.12:2-4) и там получал повеление о том молчать? Если же это собой кичащееся познание (гнозис) – и на это следует обратить внимание – есть человеческая мудрость, то насчет ее есть заповедь Писания: «да не хвалится мудрый мудростью свою, да не хвалится сильный силою своею. Но хвалящийся хвались тем, что разумеет и знает Меня» (Иер.9:23). Мы же «научены Богом» (1Сол.4:9) и хвалимся этим во имя Христово.

Так мы понимаем слово апостола о «молоке младенцев»; и почему бы не понимать его так? Если мы, предстоятели церкви, состоим пастырями по примеру доброго Пастыря (Ин.10:11, 14), а вы – овцы, тогда не должно ли допустить, дабы сравнение осталось вполне выдержанным, что и о плоти Господней и крови мы можем говорить под образом молока стада? Такое иносказание совершенно согласуется с вышеприведенными словами апостола: «Я поил вас молоком, а не» (твердой) «пищей питал».

Под (твердой) «пищей», о которой речь идет после молока, мы должны разумеать не что иное как в существе дела то же самое. Потому что учение остается одним и тем же без различия будет ли оно предложено в форме безыскусственной и простой, в виде молока, или в форме в одно целое упорядоченной и связной, в виде (твердой) пищи. Но поистине, если таков смысл этих слов апостола, то можно под молоком разумеать и проповедь, всюду разлившуюся, а под пищей веру, которая по прослушивании огласительного учения упрочняется до фундамента и которая будучи много надежнее огласительного учения уподобляется пище, какую душа ассимилирует своему телу.

О пище этого рода в других местах Евангелия Иоаннова Господь говорил символически и иным образом: Ешьте Мою плоть и пейте Мою кровь (Ин.6:54). Очевидно, Он говорит здесь иносказательно о вере и обетования, и которых церковь, подобно человеку состоящая из многих членов, получает свои жизненные соки и по силе которых растет. Но вера сложена и связана из двух составных частей: из тела, т. е. собственно веры, и из души, т. е. надежды, подобно тому как и Господь состоит из плоти и крови. В самом деле надежда есть кровь веры; надеждой вера удерживается в согласии сама с собой, как бы оживляющей душой. Если же надежд, подобно вытекающей крови, испаряется, то потухает и живость веры.

А когда некоторые все еще желали бы ревниво на своем настаивать, что молоком называются начатки христианского учения, так сказать, первоначальное питание; твердой же пищей называется-де высшее духовное знание хвалящихся своим гнозисом: то пусть они уразумеют, что разумея под твердой пищей питание непременно лишь твердыми элементами, через это самое они путем собственного, собой столь кичащегося знания могли? бы добраться до понимания той простой истины, что под «МОЛОКОМ» апостол (1Кор.

3:2) понимает плоть и кровь Христа, (а не элементарное христианское учение). Кровь является жизненным ядром в человеке, почему некоторые решались и самое существо души ставить от нее в зависимость Эта кровь, теперь вследствие естественного процесса пищеварения обращающаяся (в живых), по забеременении матери вследствие естественной некоторой симпатии, начинает цвести и зреть, дабы дитя уже не боялось за себя. И как кровь есть более жидкая часть плоти и представляет собой даже ту же самую плоть лишь в более жидком виде, так молоко представляет собой сладкую и более нежную часть крови. Это прежде всего кровь через пуповину доставляет питание плоду, содержащемуся в материнской утробе; это кровь, будучи затрудняема в движении по своим каналам и в качестве месячных очищений не в состоянии будучи находить себе исхода, разливается естественным образом по телу и по устройству питателя всех и рода виновника Бога устремляется к грудям, отчего эти полнеют; испытывая же здесь под влиянием теплого дыхания некоторое превращение, кровь становится желанным для дитя питанием. Таким образом, (в молоко) не иное что превращается как кровь, потому что груди более всех других членов тела имеют соотношение с маткой. Поэтому как скоро по окончании родов послед, через который кровь доставляла питание плоду, выходит изнутри при посредстве выжимания оттуда, нормальное обращение крови хотя и восстанавливается, все-таки она получает направление уже к грудям; и когда оной притекает сюда довольно, они полнеют, а кровь обращается здесь в молоко, аналогично тому как при ранении она обращается в гной. Это кровь из расположенных в грудях вен, открывающихся по окончании беременности, принимается в естественное пещеристое существо грудей, соприкасается здесь с дыханием, идущим из соседних артерий, и, разливаясь здесь волнами, становится, не изменяя при этом процессе однако же собственного своего существа, белой подобно подвижным волнам воды. Вследствие такого соприкосновения с дыханием кровь обращается в род пены. Нечто подобное этому и с морем происходит; точно так же вследствие возбуждения ветрами оно, по выражению поэтов, «выплевывает соленую пену» («Илиада», IV, 423, 426), хотя в остальных отношениях и удерживает свою субстанцию.

Подобным же образом, «шипя, пенятся» (αφροίς πορρῖς 959; οσι) и речные волны, при стремительности течения вздымаемые сильным притоком окружающего воздуха («Илиада», V, 596). И в нашем рту влажность под влиянием дыхания обращается в белую слюну.

Что это за упрямство, следовательно, не допускать, что под влиянием дыхания кровь может превращаться в светловатую и белую жидкость? Этому превращению она подвергается ведь только по качеству, а не по своей субстанции. Ничего нет питательнее молока, ничего слаще, ничего белее. Как похоже оно на духовную пищу! И эта духовная пища точно так же питательна, потому что приносит с собой жизнь; и эта духовная пища точно так же сладостна, потому что представляет собой благодать; бела эта духовная пища, потому что это день Христов.

И кровь Логоса оказывается молоком. Мы изложили выше, как еще во время беременности, целесообразности соответствуя, начинается у матери молочный процесс, а потом, по рождении ее ребенка, как образуется

для него и самое молоко; и груди, перед тем на мужа смотревшие, обращаются затем к ребенку; и как будто по какому от него внушению удобнейшим образом доставляют ему питание, приготовленное природой для сохранения его бытия. Потому что не так груди молоком наполняются, как источники: не в готовом виде до втекает в них, а в них самих через превращение приготавливается эта пища, потом всасываемая в себя дитем. Нища эта, для новорожденных столь приличная и полезна, приготавливается, следовательно, самим Богом, Отцом и Питателем новорожденных и возрожденных. Подобно этому и древним евреям манна была подаваема с неба; оттого она называется пищей небесной и ангельской. Кормилицы поэтому и поныне жидкую молочную пищу, первоначально даваемую детям, называют именем этой небесной пищи манной. По разрешении от бремени женщины, став матерями, сочатся молоком. Однако же Господь, плод Девы, не материнскую грудь назвал блаженной и не ее признал питательницей (Лк.11:28). Послав Логоса как дождь некий на землю, любвеобильный и человеколюбивый Отец сам духовной пищею питает людей добродетельных. О, таинственное чудо! Один Отец у вселенной, о дин и Логос у вселенной, един и Дух Святой вездесущий; едина и мать: с приятностью я называю этим именем единую церковь. Молоко есть у этой матери, но оно произошло не из нее только одной, потому что и женой (роящей) она состоит не сама по себе; она есть вместе и мать, и дева; чиста она и свята как дева, а любовь ей свойственна материнская. Зовет она чад своих к себе и питает их молоком священным, вечно юным Логосом. Потому я и сказал, что молоко этой матери не из ее только существа произошло. Ее молоко есть само это прекрасное, к себе дружественно располагающее Дитя, тело Христово, собой доводящее новорожденное человечество до меры более зрелого возраста. Оно рождено Господом среди телесных скорбей; сам Он обвил его пеленами, оросил Своей драгоценной кровью О, рождение святое! О, пелены священные! Логос для этого новорожденного человечества является всем: отцом, матерью, воспитателем. Ешьте Мою плоть, – говорит Он, – и пейте Мою кровь (Ин.6:53). Столь соответственной здоровью пищей снабжает нас Господь. Он предлагает нам свою плоть и изливает в нас свою кровь, способствуя через то росту своих чад. О, дивное таинство! Он повелевает нам оставить прежние плотские увлечения, равно как и прежнее потаканье им, следовать же другому. Его Христа, образу жизни, – Им, насколько то возможно, внутренне проникаясь, Его в себе самих воспроизводя. Спасителя в груди нося, чтобы через то могли мы обуздывать желания свой плоти.

Или, может быть, ты хочешь все это не так понимать, но конкретнее? Выслушай же от меня изложение этого предмета и с этой стороны. Под образом плоти иносказательно говорится о Святом Духе, ибо плоть Им создается. Кровь картинным образом означает собой Логоса, потому что как кровь с собой несет жизнь, так и Логос богатеишую разливает жизнь по миру; смешение же обоих. Господь (таинство Евхаристии, преподаваемое церковью), есть нища детей. Этим словом – Господь обозначается конкретно вместе и Дух Святой, и Логос. Нашей пищей является Господь Иисус; это значит, питаемся мы Логосом Отца и вместе воплощенным Святым Духом, священной небесной плотью. Это наша пища есть молоко Отца: вот для нас, малых детей Его, единственная пища. Друг наш и питатель Логос, Он пролил за нас кровь свою,

собой жертвуя для блага человечества. Он научил нас веровать в Бога; через Него мы к Отцу имеем доступ, к самой груди Его, «заботы утишающей» («Илиада», X, 84), ибо Логос и есть грудь Отца. Естественно поэтому, что единственно Он нам, детям, молоко своей любви изливает; отсюда происходит, что только мы, из этой груди молоко сосущие, только мы одни блаженны. Потому и говорит Петр: **«отложив всякую злобу и всякое коварство, и лицемерие, и зависть, и всякое злословие»** и как новорожденные младенцы возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти: вам во спасение, ибо вы вкусили, что благ Господь» (1Пет.2:1-3).

Но если бы кто-нибудь, уступая нашим противникам, захотел вместе с ними допустить, что молоко, о котором апостол упоминает наряду с (твердой) пищей, есть нечто другое (а не тело и кровь Христа): тот этим самым, обнаружив недостаток естественнонаучных сведений, сделал бы равнозначное тому, как если бы собственные их, наших противников, копья помог им в самих себя вонзить. В зимнее время, когда все мерзнет и когда скрытая в нас теплота (вследствие сжатия пор) от холода меньше из нас выходит, пища подогревается и варится и в таком виде поступает (в организм), становясь в жилах кровью. Жилы же, не проникаемые вдыханием теплого воздуха, наполняются более, полнеют и бьются усиленной. Поэтому-то и кормилицы около этого времени молоком обильнее. Но незадолго перед этим мы показали, что у беременных молоко образуется из крови через превращение, не задевающее субстанции крови. Подобным образом русые волосы у стариков обращаются в седые. Летом же, когда телесный организм бывает слабее, пища в него вводится более легкая, оттого и молоком он изобилует меньше, а отсюда и кровью, потому что и пища в нем не (всегда) вся удерживается. Итак, если пища в кровь перерабатывается, а кровь в молоко может обращаться, то, значит, кровь собой представляет материал для молока, подобно тому, как молоко представляет собой материал для образования телесного организма в том же роде, как косточки виноградной ягоды содержат в себе весь материал для образования виноградной лозы.

Итак, тотчас по рождении мы питаемся молоком, нищей, имеющей соотношение с Господом; а по возрождении тотчас мы почетного дара удостоиваемся, обетования о вечном покое, должным некогда стать нашей долей, надежды на блаженство в небесном Иерусалиме, где, по Писанию, молоко и мед текут. Так под образом материальным мы получаем заверение о должном некогда стать нашей; долей небесном литании. Пища, ведь, упразднится, как сам апостол говорит (1Кор.6:13), молоком же питание вместе с нами взойдет на небо, вскормив из вас небесных граждан и участников хоров ангельских.

Но поскольку Логос есть источник жизни приснотекущий (Откр.21:6; Откр.22:1; Ин.7:38; Иак.3:11); поскольку Он называется и рекой масла, то, говоря о Нем Иносказательно и называя Его молоком, Павел естественно мог присовокупить и такое выражение: **«Я поил вас»** (1Кор.3:2). Логос – содержание всего истинного – именно пьется. Во всяком случае, напитком называется только жидкая пища. Но один и тот же питательный материал может быть и пищей, и напитком, смотря по тому, в каком состоянии он будет находиться. Так, например, сыр есть конденсация молока, или

конденсированное молоко, как хотите назовите, у меня нет охоты гоняться за словами; я хочу только сказать, что по существу своему один и тот же питательный этот материал в пищу может быть предлагаем в том, и в другом виде. Но детям, питающимся материнскими сосцами, довольно и молока одного; оно может быть для них и напитком, и пищей.

«У меня есть пища», говорит Господь, «которой вы не знаете. Моя пища есть – творить волю Пославшего Меня» (Ин.4:32, 34). Здесь вы имеете дело с другой пищей, которую точно так же как молоко нужно понимать в переносном смысле; это воля Божия. – Но и полнота собственных Его страданий в несобственном смысле называется «чашею» (Мф.20:22; Мк.10:38; Ин.18:11), поскольку лишь выпить ее и опорожнить до дна было Его обязанностью. Так исполнение воли Отчей для Христа было Его пищей, а для нас, Его чад, Он сам служит питанием; мы всасываем в себя оное из небесного Логоса. Отсюда понятие «искать» (стремиться, желать, домогаться) в греческом языке передается через (μαρτερεῖν) (к груди тянуться), потому что младенцам, стремящимся к Логосу, молоко в обилии источают человеколюбивые груди Отца.

Кроме того, Логос сам себя называет и небесным хлебом. «Не Моисей», говорит Он, «дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру. Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ин.6:32, 33, 31). Здесь через присоединенный знак обозначено таинство (евхаристического) хлеба, и потому что хлебом Господь плоть свою называет, говоря о ней, что она при сгорании мира воскреснет, подобно тому как пшеница всходит из посева и тления. Но что в качестве хлеба при посредстве огня должно быть приготовлено для церкви торжествующей, то значит, как хлеб должно быть испечено.

Но это обстоятельнее мы изложим в книге «О воскресении». А как так Господь сказал: «Хлеб, который Я дам, есть плоть Моя»; так как далее плоть кровью орошается и так как кровь иносказательно и вином называется, то должно следующее иметь в виду: как хлеб, в смещение (вина с водой) в раздробленном виде опущенный, вино в себя поглощает, водянистых же составных частей в себя не принимает, подобным образом и плоть Господа (Дух Святой, церковь), состоя хлебom небесным, всасывает в себя кровь, т. е. небесных из людей, воспитывая их до бессмертия; и лишь с плотскими пожеланиями она не имеет деда, предоставляя им гибнуть.

Таким образом о Логосе под различными чувственными образами говорится. Называется Он пищей, плотью, питанием, хлебом, кровью, молоком; всем этим Господь состоит для нас, в Него верующих, дабы мы возрастали в Нем.

Никому поэтому пусть не кажется странным наше уверение, что это о крови Господней говорится под образом молока. Не о ней ли же иносказательно говорится и под образом вина? «Он моет в вине одежду свою, и в крови гроздов одеяние свое» (Быт.49:11). Это место означает, что в Его (Святом) Духе тело Логоса (церковь) достигает красоты и славы, подобно тому как и Он сам своим Духом питает тех, которые страстно добиваются общения с Ним.

А то, что и кровь собой означает Логоса, свидетельствует

«**кровь праведного Авеля**» (Быт.4:10; Евр.12:24), к небу вопиющая. Кровь никогда не может издавать голоса; иное дело если под кровью разуместь Логоса. Праведник древнего времени есть прообраз нового Праведника; и вопиющая кровь древняя вопиет с отношением к крови новой. Вопиет же эта кровь к Богу не сама по себе, но вопиет под образом ее Логос, так как ею предзнаменован был Он, должный пострадать. Но и плоти самой, и обращающейся в оной крови молоко, в котором они как бы ответ некий на свою любовь встречают, доставляет освежение, и оно содействует собой их приумножению.

Развитие зачаточного плода далее происходит вследствие того, что примешивается семя к оставшимся чистым последкам месячного очищения. Сила семени делает то, что кровь сгущается, подобно тому как от молочной закваски молоко свертывается, и начинается (новый) образовательный процесс. Более или менее успешный ход этого образовательного процесса зависит от более или менее полного смешения; соприкосновение же семени с кровью, поверхностное для произведения плода, ненадежно. Подобным образом из земли, если выпадет слишком много дождя семя уносится; вследствие же сухости почвы высыхает и семя; влага же удобрительная, несколько клейкая, семя удерживает и способствует его произрастанию. Некоторые же утверждают, что животное семя по своему существу есть не иное что, как пена крови. Вследствие естественной при соитии горячности мужского пола кровь, придя в состояние возбужденное, волнуясь, пенится и отлагается в семенных проходах. Отсюда-то, как говорит Диоген Аполлониат, и любовные дела называются по-гречески αφροβόια. Из всего этого теперь становится ясным, что кровь есть субстанция человеческого тела. И чтобы ни было в материнской утробе, все это сначала остается млековидной влажной массой, а потом это, будучи ассимилируемо кровью, обращается в плоть; конденсируется же это в утробе вследствие естественной теплоты, поддерживаемой дыханием; под влиянием ее образуется и зародыш, развиваясь все далее и полнее. Но и по рождении младенец той же кровью питается, потому что потоки крови становятся волнами молока, а молоко становится для него питательным родником. Тот же самый молочный процесс служит и ясным доказательством того, что жена действительно родила и состоит матерью; он же побуждает мать делиться с дитем и волшебным напитком материнской своей любви. Поэтому-то Дух Святой в лице апостола, пользуясь образностью речи Господа, говорит таинственно: «**Я питал вас молоком**» (1Кор.3:2). Потому что, если мы возрождены во Христе, то Тот, кто возродил нас, значит, питает нас Логосом, этим своим молоком. Всякой родильнице свойственно стремление тотчас же по рождении доставлять рожденному питание. Но как возрождение человека есть духовное, так аналогично этому и питание должно быть духовным же. Таким образом, как во всех других отношениях мы со Христом поддерживаем общение, так и Божественной Его природы делаемся участниками через принятие в себя крови Его, Им пролитой в искупление наше; в страданиях Его мы участвуем через принятие в себя пищи, предлагаемой нам Логосом; бессмертия становимся мы участниками вследствие своего образа жизни, согласного с Его заповедями.

А и между смертными людьми кормление детей часто развивает

большую любовь, чем их произведение на свет. Кровь и молоко, друг Другу по субстанции равные, следовательно, суть символ страданий и учения Господа. Мы, Его чада, можем, следовательно, хвалиться Господом и говорить:

Горжусь я тем, что происхожу,
От отца славного и крови таковой же («Илиада», XIV, 113).

Что молоко через превращение образуется из крови, это теперь, следовательно, ясно. Но то же самое может быть наблюдаемо и на стадах овец и коров. В то время года, которое мы называем весной, когда воздух становится сырее, когда и трава, и пастбища в полном соку и влажны, животные эти скорей и легче наполняются кровью, что можно бывает наблюдать на их напряженных и переполненных кровяных жилах; из крови и молоко тогда выделяется у них обильнее. Летом процесс превращения крови в молоко опять останавливается, потому что поглощается теплом, под влиянием его испаряясь; оттого животные тогда становятся менее молочными. Молоко имеет, следовательно, некоторое сродство и с водой, основывающееся на самой их природе, подобно тому как очистительная баня духовная имеет сходство с питанием духовным. Поэтому те из христиан, которые вместе с молоком, (принятием веры в Логоса), о котором мы говорили выше, принимают в себя и несколько освежающей воды (разумеется покаяние), тотчас обретают себе спасение. Ибо смешение с водой не позволяет молоку высохнуть, что происходит, однако же, не вследствие некоторой их противоположности, а именно вследствие того, что образуется полная смесь с водой. И какое родственное отношение существует между Логосом и крещением, такое же отношение существует и между молоком и водой. Потому что из всех жидкостей оно переносит смешение лишь с водой, вследствие чего оно становится чище, подобно тому, как крещение служит очищению от грехов.

И молоко легко переносит добавление меда; этот содействует очищению его и вместе с тем придает сладость ему, ощущаемую при вкушении. Логосом исцеляются страсти, так как Он проникнут человеколюбием, вместе с тем Он очищает от грехов. И гомеровское это слово о Несторе» Сладше меда текло его слово («Илиада», I, 249), мне кажется, сказано с отношением к Логосу, который есть мед. Во многих местах и пророчество ставит Его «**сладше** меда и капель сота» (Пс.18:11; Пс.118:103).

И с сладким вином молоко переносит смесь. И такое подмешивание к молоку вина для молока полезно. Страсть этим добавлением как бы низлагается для целей нетления. Молоко от подмешивания вина к нему превращается в сыворотку, оно свертывается; и, какие есть в нем добавки, те выводятся из него как бы через канал какой. Такое же действие в человеке, одержимом страстями, производится духовным общением с верующий в Логоса; оно очищает его от плотских пожеланий, вечно удерживает его при Божественном, делает его бессмертным.

Жирными частями молока, так называемым маслом, многие пользуются для освещения. В этом они Имеют весьма ясное на то указание, что в Логосе много значит масла, ибо поистине Он только детям и питание дарует и росту, и просвещенности их содействует. Поэтому Писание говорит о Господе: «**Он кормил их произведениями полей**; и питал его медом из камня и елеем из твердой скалы; маслом коровьим и молоком овечьим и туком агнцев» и т. д. (

Втор.32:13-14). И рождение Божественного младенца возвещая, пророк говорит: «Он будет питаться молоком и медом» (Ис.7:15).

Мне остается лишь только подивиться тому, как это некоторые осмеливаются называть себя совершенными и гностиками, в своей надменности и гордости себя даже выше апостола ставя. Павел сам признается: Говорю так «не потому, чтобы я уже достиг или усовершенся; но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус. Братия, я не почитаю себя достигшим, а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе» (Флп.3:12-14). Он считает себя, следовательно, совершенным, поскольку от прежней жизни отказался и к лучшей стремиться стал, а не потому он считает себя совершенным, чтобы действительно совершенен был в гнозисе, потому что он к совершенному еще стремился. Поэтому он присовокупляет: «Итак, кто из нас совершен, так должен мыслить». (Флп.3:15). Ясно, следовательно, что он понимает под совершенством отречение от грехов, возрождение для веры и единого Совершенного, равно как забвение грехов, позади нас остающихся.

Глава 7

О лице нашего Педагога и Его воспитательном методе

Мы показали, что всех нас Писание именует детьми; и не только детьми оно называет нас, последователей Христовых, но и неопытными младенцами, потому что только Отец вселенной совершенен: в Нем – Сын, а в Сыне – Отец.

Теперь наблюдая в ходе мыслей последовательность, мы скажем о том, кто состоит нашим Педагогом. Имя ему Иисус. Но иногда Он называет Себя и пастырем и говорит: «Я есмь пастырь добрый» (Ин.10:11). В метафорическом сем выражении, взятом от пастырей, вожатых стад, под пастырем нужно разуметь «Педагога», т. е. заботливого руководителя детей, рачительного пастыря существ неопытных. Дети бывают умом просты; поэтому образно они называются овцами. И «будет», говорится, «одно стадо и один Пастырь» (Ин.10:16). Логос, приводящий нас детей к спасению, по всей справедливости поэтому состоит Педагогом. Он и сам весьма ясно о Себе сказал через Осию: «Я есмь воспитатель ваш». (Ос.5:2). Педагогика же Его состоит в Божественной религии, в наставлении, как должно служить Богу, в обучении приводящем к познанию истины. Вот руководство подлинно верное, потому что оно движется по направлению к небу.

Слово «Педагогика» употребляется в различных значениях. Под ним разумеется воспитываемый и обучаемый; потом – воспитывающий в обучающий; им обозначается, в третьих, сам акт воспитания; в-четвертых, передаваемые учения, например, заповеди. Согласно же с волей Божьей педагогика состоит в усмотрели истины по прямому направлению (κατευθυνσις) к Богу, в неустанном впечатлении на себе дел вечно ценных. Как полководец через то держит армию в порядке, что заботится о здоровье солдат; и как кормчий правит кораблем, имея в виду сохранить жизнь пассажирам: подобным образом и Педагог наш, в любвеобильной своей заботливости о нас, своих детях, учит нас такому образу жизни, который ведет

к спасению. Но и вообще чего без ущерба для справедливости мы просим у Бога, то при Послушании Педагогу дается нам. Подобно тому теперь как кормчий не всегда по ветру лавирует, но иногда, ставит корабль передней его частью против сох толчков ветра: подобным образом и Педагог наш не соображает с нравами и обычаями, дующими в мире, и не предоставляет им своего питомца на произвол как какую-нибудь лодку. Педагог не позволяет, чтобы Его питомец Сиянием мирских нравов увлечен был к жизни животной беспутной, но внушает ему чтобы правильными своими веслами, т. е. своим разумением, держался он твердо единственно ветра истины, доколе – не потерпев никакого вреда – бережно взлелеянным дитем не войдет он в гавань небесную. Потому что так называемые у язычников «отеческие нравы», это вещь преходящая; Божественное же воспитание есть сокровище вечно ценное.

Воспитателем Ахиллеса, говорят, был Феникс; воспитателем сыновей Креза – Адраст; воспитателем Александра – Леонид; воспитателем Филиппа – Навсифой. Но один, а Именно Феникс, был женоугодником; другой, а именно Адраст, изгнанником; Леонид не сумел смирить гордости Александра, а Навсифой так и не вылечил от запоев царя из Пелл. Фракиянин Зопир не мог обуздать беспутств Алкивиада; да и был-то он приобретенным покупкой рабом. Воспитатель сыновей Фемистокла, Сикинн, был слугой ветреным; он был изобретателем пантомимных танцев и особенно сатирического танца. Итак, называемые у персов царские педагоги нам не известны. Персидские цари по четверо выбирают их из знатнейших между всеми персами и приставляют их воспитателями к своим сыновьям. Но князьки царские научаются от них лишь стрельбе из лука; в мужской же возраст прийдя, живут со своими сестрами, матерями, бесчисленным количеством своих жен, то законных, то наложниц и отдаются половым отношениям подобно боровам. Наш же Педагог свят; им является Божественный Иисус, Логос, руководитель всего человечества; Сам Он, человеколюбивый Бог, есть наш Воспитатель. Где-то в одной: похвальной песне Святой Дух говорит о Нем: Он **«нашел его а Пустыне, в степи печальной»** и **«дикой; ограждал его, смотрел за ним, хранил его, как зеницу ока Своего. Как орел вызывает гнездо свое; носится над птенцами своими, распростирает крылья свои, берет их на перьях своих: так Господь один водил его, и не было с Ним чужого Бога»**. (Втор.32:10-12). Писание, думаю я, здесь ясно указывает на Педагога, изображая исходившее от Него воспитание. Но и сам Он признает Себя Педагогом, собственными своими устами говоря о Себе: **«Я Господь Бог твой. Который вывел тебя из Египта»** (Исх.20:2). Но кто имеет власть вводить и выводить? Не Педагог ли? Он явился Аврааму и говорил: **«Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен»** (Быт.17:1, 2). И совершенно педагогично Он располагает к Себе питомца, говоря: **«И поставлю завет Мой между Мною и тобою и между потомками твоими после тебя в роды их»** (Быт.17:7). Здесь устанавливается уже дружество с Воспитателем.

Но весьма ясно открывается (из Писания), что Логос был Воспитателем и Иакова. Он говорит к нему: **«И вот, Я с тобою; и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в сию землю; ибо Я не оставлю тебя, доколе, не исполню того, что Я сказал тебе»** (Быт.28:15). Рассказывается также, что Он с ним боролся. **«И остался»**, говорится, **«Иаков одна. И боролся Некто с ним»** (это Педагог) **«до появления зари»** (Быт.32:24). Боровшийся здесь был Сын

человеческий – Руководитель и Промыслитель; и боровшегося с Ним Иакова Он ободрил на борьбу со злом. А что подготовитель Иакова к этой борьбе со злом Логос, был Педагогом и человечества, открывается из следующего: «Спросил и Иаков, говоря: скажи (мне) имя Твое. И Он сказал:» да «**что ты спрашиваешь** о имени Моем?» (Быт.32:29) Свое новое имя сохранял Он и для народа нового, для народа чад. Тогда Господь Бог был почитаем еще без имени, потому что в то время Он еще не принял вида человеческого (Ин.1:14). Все же нарек Иаков имя месту тому: Пэнуэл; ибо, говорил он, я видел Бога лицом к лицу и сохранилась душа моя (Быт.32:30) Но лицо Божие есть Логос, в котором Бог является и познается (Ин.14:9). И получил тогда Иаков имя «Израиль», так как он видел Бога Господа. Явившимся был Бог Слово (Логос), Педагог, опять к Иакову говоривший позднее: «**не бойся идти** в Египет» (Быт.46:3). Обращай внимание (т. е. в последующем рассказе книги Бытия), как последовательно Педагог дело ведет, борца выучивая и ему показывая, как он противнику должен ногу подставлять.

И Моисея Педагог научил, как должно руководить детьми. Потому что Господь говорил к Моисею: «**кто согрешил предо Мною, изглажу** из Моей книги. Итак, иди, (сойди), веди народ сей куда Я сказал тебе» (Исх.32:33-34). В этом месте Господь оказывается Учителем педагогики. И в самом деле через личность Моисея Господь был Педагогом ветхозаветного народа; лично же, лицом к лицу, Он состоит Руководителем новозаветного народа; потому что «**вот**», говорит Бог Моисею, «**Ангел Мой пойдет пред тобою**» (Исх.32:34). В образе доброго Ангела и Руководителя, во главе ставится власть Логоса; но при этом Логос сохраняет достоинство и величие Властителя. В «**день**», говорит Он, ко«**гда я испытывать** их буду, наведу Я» на «**них грех их**», т. е. в День, когда явлюсь Я Судьей, воздам отмщение им за их грехи. Потому что в качестве Педагога и Судьи вместе с тем Логос и судит Ему непослушных. Человеколюбивый Логос не потакает грехам людей непослушных, но осуждает их за них, чтобы они исправились, потому что Господь хочет лучше обращения грешника, чем смерти (Иез.18:23). Нас же, – подобно детям, знающим грех лишь по слуху, – должен удерживать от подобных преступлений уже страх перед угрозой, что и с нами поступят точно так же. Какое же было преступление издревле непослушных? Что они во г«**неве своем убили мужа и по прихоти своей перерезали** жилы тельца. Проклят гнев их» (Быт.49:6). Итак, кто же мог бы воспитать нас человеколюбивее Господа? Ранее древний народ имел ветхий завет; законом народ древний был воспитываем в страхе (Рим.8:15), и Логос был простым Ангелом. Народу же новому и юному дарован и завет новый и юный; пришел в мир Логос, страх превращен в любовь, и прежний таинственный Ангел рождается в образе Иисуса. Педагог говорил некогда: «**дабы ты боялся Господа**» (Втор.6:2); и Он же нам напоминает: «**Возлюби Господа Бога твоего**» (Мф.22:37). Потому же нам и такие заповеди Он дает: «**Отстаньте от дел наших**» (т. е. от старых грехов) (Ис.1:16); «**научитесь делать добро**» (Ис.1:17); «**Уклоняйся от зла и делай добро**» (Пс.36:27); «**ты возлюбил правду и**» вознена«**видел беззаконие**» (Пс.36:8). Вот новый Мой завет, написанный буквами ветхого». Нельзя, следовательно, на Логоса пенять, что Он юн; уже у Иеремии Господь говорит: «**не говори: «я молод»; прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал** тебя; и прежде, нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя» (Иер.1:7, 5).

Место это из пророка может быть к нам отнесено, к нам вера которых познана еще прежде сотворения мира Богом (Еф.1:4; 1Пет.1:20). Ныне же мы называемся чадами в отношении к воле Божией, лишь недавно приведенной в исполнение. В отношении к нашим призванию и спасению мы действительно новорожденные. Поэтому и прибавлено: «Пророком для народов я тебя поставил»; в том т. е. смысле это сделано, дабы пророк возвещал, что название «нового завета» не составляет какой-либо укоризны для тех, кто называются чадами. Закон есть древняя благодать, данная Логосом через Моисея; потому и говорит Писание: «Закон дай чрез Моисея» (Ин.1:17); не Моисеем, но Логосом через Моисея, Его слугу; поэтому приличествовало закону быть и временным. Вечные же «благодать и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин.1:17). Обращайте внимание на слова Писания. В отношении к закону говорится только: «дан был»; истиной же, которая есть благодать Отца, состоит вечное дело Сына; и о ней не говорится, что она «дана была», но что она «произошла» через Иисуса (Ин.1:17), без которого «ничто не произошло» (Ин.1:3). Поэтому ни мало не медля, Моисей, предвидя в духе пришествие совершеннейшего Педагога, Логоса, самосознательно отступает на задний план и наперед говорит народу как об этом Педагоге последних времен и Его воспитательном методе, так равным образом заповедует народу и слушаться этого Педагога. «Пророка», говорит он, «из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господи». (Втор.18:15), через Иисуса, сына Навинова, указывая на Иисуса, Сына Божия. Имя «Иисус», предвозвещенное в законе, было именно предызображением Господа. Потому Моисей и дает полезный совет народу, говоря: «Его послушайте»; а тому, кто этого пророка не слушает (Деян.3:23), грозит он. Таково имя, возвещаемое нам Моисеем в качестве имени Педагога, приносящего с Собой спасение. Поэтому пророчество дает Ему и жезл (прут) в руки, жезл воспитания, господства, власти, дабы кого не уврачует через убеждение, того Педагог этот мог исцелить угрозой; а кого не исцелит жезл (прут), того пожрет огонь. Говорится: «Произойдет жезл» (розга, прут) от «корня Иессеева». Наблюдай заботливость, мудрость и власть Педагога, «будет судить не по взгляду очей Своих», – говорится, – «и не по слуху ушей Своих решать деда. Он будет судить бедных по правде и деда страдальцев земных решать по истине». (Ис.11:3-4). И устами Давида говорит Он: «Строго назад меня Господь, но смерти не предал меня». (Пс.117:18). Потому что от Господа быть наставляемым и воспитываемым, это – спасение от смерти. У того же пророка говорится еще: «Ты поразишь их жезлом» (прутом) «железным сокрушить их, как сосуд горшечника». (Пс.2:9). С отношением к этому пишет и апостол в Послании к Коринфянам: с «жезлом (с прут) прийти к вам», или с л«любовью и духом кротости»? (1Кор.4:21) И у другого пророка говорится: «Жезл» (прут) «силы Твоей пошлет Господ с Сиона» (Пс.22:4). Эти Твои педагогические ж«езл» (судейский) и «посох» (пастырский) – они успокаивают «меня», сказал опять некто другой (Пс.22:4), т. е. нашел я утешение в этой власти Педагога достопоклоняемой, утешительной, спасительной.

Глава 8

Против полагающих, что благодать и правосудие

Есть еще некоторые, утверждающие, что (судейский) жезл, угрозы и устрашения собой исключают благодать Божию. Но, очевидно, они плохо понимают Писание, в одном месте так говорящее: «**боящийся** Бога обратится» (Сир.21:7) и не думают о величественнейшем доказательстве Божия человеколюбия, а именно о том, что ради нас Господь человеком стал. Пророк обращается к Нему с таким молением в задушевном тоне: «**вспомни о нас, потому что пыль мы**» (Пс.102:14), т. е. тронься сожалением о нас, потому что слабость плоти Ты на самом себе испытал. О полнейшей Господа, нашего Педагога, благодати и о том, что в этом отношении Он в высшей степени достохвален, свидетельствует то, что от полноты человеколюбия относится Он сострадательно к слабой природе каждого человека в частности. «**Не существует ничего такого, что Господу было бы ненавистно**» (Прем.9:23). Ибо невозможно, чтобы что-либо Он ненавидел, и однако же восхотел существования того, что Ему ненавистно. И опять не может Он хотеть, чтобы нечто не существовало; но вместе с тем, чтобы Он был виновником бытия того, существования чего Он не желает. Невозможно далее, чтобы существование какой-либо вещи Он не хотел и чтобы, несмотря на то она существовала. Оттого, если Господь что-либо ненавидит, то, значит, хочет Он, чтобы то не существовало. Но не существует ничего такого, бытия чего рог не был бы причиной; следовательно. Богу все существующее отнюдь не ненавистно, а также и Логосу; ибо и Тот, и Другой суть едино, оба существа Божественные, как о них говорится: «**Вначале было Слово и Слово было у Бога и Слово было**» Дог (Ин.1:1). Но если ничто из того, что волей Божией произошло. Богу не ненавистно, то остается признать, что все то Ему любезно. Более же всего другого Богу любезен человек; и естественно; потому что человек есть прекраснейшее из Его творений и существо способное любить Бога. Следовательно, Бог человеколюбив; человеколюбив, соответственно, и Логос. Но если кто к кому-либо любовь питает, тот желает тому и пользы; а пользу приносящее во всяком случае лучше бесполезного. Лучше же доброго ничего нет; следовательно, доброе полезно. Но и то, что Бог благ (Мф.19:17), после этого должно считать несомненным; следовательно. Бог и полезному благоприятствует. Доброе, потому что оно не иному чему как доброму способствует, полезно. Полезному Бог способствует, следовательно, прежде всего. Если же Он пользе человека не благоприятствует, то, следовательно, и не озабочивается о нем, не промышляет о нем. Лучше то, если кто-либо пользу нам приносит из благорасположенности к нам, нежели то, когда кто-либо содействует нашей пользе из неблагорасположенности к нам. Но ничего нет прекраснее Бога. И из благосклонности к кому-либо содействовать пользе того, это не иное что значит как о том человеке заботиться. А что о человеке Бог заботится, это Он свидетельствует самым делом, дав вам в Педагоги Логоса, истинного Сопомощника Богу в Его человеколюбии. Существенный признак в понятии добра не тот, что оно есть часть добродетели. Потому и правосудие не потому есть нечто доброе, что отчасти оно осуществляет собой добродетель, – оно, ведь, и есть сам» добродетель, – но потому, что оно из-за себя самого и само по себе есть нечто доброе. С другой стороны, и полезное называют

добрым не потому, что оно приятно, но потому, что оно полезно. Но все это применимо к правосудию; оно есть нечто доброе, потому что представляет собой добродетель; оно есть нечто доброе и потому еще, что из-за сущности своей желательно, а не из-за того, что оно приятно; потому что не льстиво оно судит, но воздает каждому по его заслуге; полезное в нем обусловливается полезной его сущностью. Всеми составными частями понятия добра определяется, следовательно, и понятие правосудия. Оба понятия равномерно принимают участие в одинаковых атрибутах. Но вещь, которые характеризуются одинаковыми атрибутами, являются и равными, и подобными Друг Другу. Следовательно, правосудие есть нечто доброе.

Говорят: «Может ли Господь быть человеколюбивым и благим, когда Он гневается и наказывает»? – Здесь уместным нахожу, по возможности вкратце, это разъяснить. Метод строгий для правильности воспитания детей полезен; он имеет значение необходимого в воспитании вспомогательного средства. Многие из страстей искоренимы лишь при посредстве наказаний, объявлением строжайших заповедей и преподанием некоторых (строжайших) умозрительных основоположений. Так например, порицание для страстей душевных есть некоторого рода хирургическая операция. Страсти суть гнойные наросты (на теле) истины: через порицание как бы через надрезание они бывают вскрываемы. Порицание походит на лекарство, затверделые наросты страстей разжижающее и неприглядность некоторых сторон жизни от грязи очищающее; что заросло слишком и обросло плотик» высокомерия, то порицанием выравнивается и смягчается; человека оно вновь оздоравливает и обновляет. Подобным образом и увещание на душу больную действует как бы диетическое правило; оно советует, что ей должно в себя принимать; но оно и запрещает, указывая, чем не должна она питаться. Но и порицанием, и увещанием имеется в виду доставлять нам спасение и вечное здоровье. И полководец – денежные штрафы налагая или же телесным наказаниям подвергая, лишаящим честного имени, как-то: заключению в темнице и большому бесчестию, некоторых иногда даже и смертью наказывая, – имеет в виду при этом добрую цель: он делает это для устрашения своих подчиненных. Подобным образом и наш великий Полководец, Владыка вселенной, Логос, поступает с теми, кто сбрасывает с себя узду Его закона. Он обращает их к священному миру с (церковным) обществом, напоминает им о необходимости господствовать над душевными страстями и через то освобождать себя от рабства врагу, блуждания в области греха и уз противника.

Как увещание и приглашение естественны для Логоса советующего, так порицание, упрек и укоризны свойственны Логосу похваляющему. Ему свойственно особое искусство в порицании. Порицание есть признак благорасположенности, а не ненависти. И друг, и враг порицают; но враг это делает со злорадным хохотом, а друг – от сердечной благорасположенности. Не из ненависти Господь обращается к человеку с упреками, – Он мог бы всех людей ведь и смести с лица земли за их грехи, – но Он за нас даже страдал. Педагог, именно потому, что Он благ, весьма искусно предлагает увещание в форме упрека; человека ленивого Он побуждает поношением как бы бичом. Иногда старается Он подействовать на известного человека и сменой формы увещания. На кого похвала не действует, того понуждает Он порицанием; а

кого порицание не приводит на путь спасения, те как бы трупы какие бывают пробуждаемы для истины поношением. Потому что «наказание же и учение мудрости приличие всякому времени» (Сир.22:6-7). «Поучающий глупого то же, что склеивающий черенки иди пробуждающий спящего от глубокого сна». (Сир. 22:6-7); почему и прибавлено ясно: «пробуждающий спящего от глубокого сна», потому что спящий больше всего на мертвого похож. Господь и сам, беря за пример землю, разные виды представляющую и при уходе за ней разные выгоды доставляющую, иносказательно, но очень ясно говорит о самом Себе: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой виноградарь» (Ин.15:1). И потом далее Он прибавляет: «Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода. Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода» (Ин.15:2). Виноградная лоза, если ее не подрезать, разрастается в ветви (уходя в них всей своей силой): так и человек. Логос, являясь как бы каким садовым ножом, отсекает размножающиеся на человеке наросты, принуждая его своими чувствами не в страсти вдаваться, а плод приносить. Но упреки, обращенные к грешникам, имеют ту же самую спасительную цель; потому что Логос сообразуется в них с особенностями каждого человека; то кнут употребляет он при этом, то узду. Весьма ясно потому сказано устами Моисея: «Не бойтесь; Бог (к вам) пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили» (Исх.20:20). Прекрасно оттого и слово Платона, говорящего из опыта так: «Всем наказываемым поистине оказывается через то великое благодеяние. А именно: через заслуженное ими наказание оказывается душе их та польза, что дается ей возможность стать лучше». Если теперь так наставляемые каким-либо правдивым человеком от него получают в том благодеяние, то добро это по Платону вместе с тем есть и справедливость. Самый страх приносит, значит, пользу людям и способен улучшать их. Ибо «Дух боящихся Господа поживет; ибо надежда их – на Спасающего их» (Сир.34:13). Тот же самый Логос, который налагает на нас наказания. Он же есть и наш Судья. О нем говорят Исаия: «Господь возложил на Него грехи всех нас» (Ис.53:6), на Него, т. е. как на исправителя нашего и освободителя нас от грехов. По этой-то причине Он только один может и прощать грехи. Он, от Отца поставленный нам в Педагога; Он только может отличать послушание от непослушания. Но кто грозит, тот не имеет неперменного желания свой гнев насытить и угрозу выполнить, но, приводя в страх, через то отрезает в нас склонность к греху; человеколюбие Его обнаруживается и в том, что Он медлит и показывает, что последует, если бы кто остался в грехе. Не как жалящая змея. Он не тотчас ранит. Бог благ; и прежде, чем до дела у Него дойдет. Господь долго увещевает. «Соберу на них бедствия, и истощу на них стрелы Мои», – говорит Он, – будут «истощены голодом, истреблены горячкою и лютою заразою; и пошлю на них зубы зверей и яд ползающих по земле. Извне будет губить их меч, а в домах ужас» (Втор.32:23-25). Божество следовательно не так гневается, как некоторые думают, но в большей части случаев Оно хочет людей обуздать, постоянно их увещевает и им объясняет, что надлежит им делать. Но это искусство в нас страх вселять, дабы мы не грешили, есть доброе искусство, потому что «страх Господень отгоняет грехи; не имеющий же сего страха не может оправдаться» (Сир.1:21), говорит Писание. Наказание Бог посылает не от гнева, но исходя от

правосудия, потому что на нас же самих отозвалось бы дурно, если б из-за нас наказания были налагаемы. Каждый из нас сам же напрашивается на наказание, потому что сам он по своей доброй воле грешит. Виновником наказаний состоит, следовательно, тот, кто их на себя накликает; Бог в них не виновен. «Если же наша неправда открывает Правду Божию, то что скажем? не будет ли Бог несправедлив, когда изъявляет гнев? – говорю по человеческому Рассуждению. Никак» (Рим.3:3-6). Грозя говорит Он так: Когда «изострю сверкающий меч Мои, и рука Моя примет суд», «то отомщу врагам Моим и ненавидящим Меня воздам, удою стрелы Мои кровью, и Мой меч насытится плотью, кровью убитых и пленных» (Втор.32:41-42). Здесь ясно написано, что кто истине не враг, тот против Логоса ненависти не питает и не состоит ненавистником своего собственного спасения, что он свободен будет и от наказания, а вражду, (ибо ее не имел). «Венец премудрости», как говорится в книге Премудрости, «страх Господен» (Сир.1:18) Через пророка Амоса Логос довольно ясно изобразил свой воспитательный метод, говоря: «Производил Я среди вас разрушения, как разрушил Бог Содом и Гоморру, и Вы были выхвачены, как головня из огня, – и при всем том», вы не «обратились ко Мне, говорит Господь» (Ам.4:11). Обращайте внимание, как Бог в своей благодати ищет исхода в сожалении и как в воспитании через угрозы скрывается Его человеколюбие. «Сокрою лице Мое от них», – говорил Он – (и) «увидишь, какой будет конец их» (Втор.32:20). Куда Господь обращается своим лицом, там мир и радость; а откуда отвращает его, туда начинает прокрадываться зло. Бог же не хочет зреть на зло, потому что Он благ. Если же Он откуда-либо отвращает свое лицо, то делает это из-за людского неверия, и там развивается зло. «Итак видишь», – говорит Павел, – «благодать и строгость Божию: строгость к отпадшим, а благодать к тебе, если пребудешь в благодати» Божией (Рим.11:22), т. е. в вере во Христа. Добру по самой его природе свойственна ненависть к злу. Поэтому, пожалуй, еще может быть допущено, что неверующих Бог наказывает, – наказание служит, ведь, во благо и к пользе наказываемого; оно есть исправительное средств против упорных; – но нельзя того допустить, что Бог мстителен. Мщение есть воздаяние за зло, происходящее в интересе того, кто отомщает за себя. Но Кто учит нас молиться за врагов (Мф.5:44), тот, конечно, не жаждет мести. Впрочем, что Бог благ, это признают все, а что тот же самый Бог и правосуден, об этом не будет нужды больше рассуждать, если я приведу евангельское Господне слово. Господь называет Бога «единым: да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе», так «и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут» едино, «как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино» (Ин.17:21-23). Бог есть единое и более чем единое, нечто высшее даже чем само единство. Словечко «Ты» имеет здесь значение указательное; им указывается на Бога, который один только в собственном смысле существует, «который еси и был и грядешь» (Откр.11:17). Этими тремя измерениями времени обнимается одно понятие, а именно понятие сущего. А что действительно этому единому Богу присущи оба свойства, и единство, и правосудие, об этом свидетельствует Господь в том же Евангелии: «Отче, которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде

основания мира. Отче праведный! и мир Тебя не познал, а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня. И Я открыл им имя Твое и открою» (Ин.17:24-26). Это Тот, который наказывает «детей за вину отцов, до третьего и четвертого рода, ненавидящих» Его и который творит «милость до тысячи родов любящим» Его (Исх.20:5). Поскольку под ставящим одних справа, а других слева, разумеется благий Отец, то и называется Он по своему главному свойству благим; а поскольку Сын, являющийся Его Логосом, в Отце пребывает, дается Отцу эпитет «правосудный» по взаимоотношению обоих (т. е. Отца и Сына). Понятие всемогущества здесь измеряется равенством любви. «Он судит человека», – говорится, – «по дедам его» (Сир.16:13). Бог являет нам первообраз правосудия на одних и тех же весах, в лице Господа Иисуса, который, состоя как бы язычником весов сих. Бога познавать дает нам. О Нем и Божественная мудрость говорит ясно: «и милость и гнев – во власти Его; силен» Он «помиловать и излить гнев. Как велика милость Его, так велико и обличение Его» (Сир.16:12-13). Сожаление есть мотив порицания, а спасение того, к кому относится порицание, есть цель порицания. Все же что Бог, Отец Господа нашего Иисуса, благ, об этом может сказать нам и сам Логос. Он говорит о своем Отце: «Он благ и к неблагодарным и злым» (Лк.6:33). И далее: «будьте милосердны как и Отец ваш милосерд» (Лк.6:36). Он говорит даже прямо: «Никто не благ как только один Бог» (Мф.19:17) «на небесах» (Мф.5:12). Кроме того, в другой раз Он говорит: Отец Мой «повелевает своему солнцу восходить над злыми и добрыми» (Мф.5:45). Здесь нужно обращать внимание на то, что своего Отца, который благ, Логос вместе с тем называет и Демиургом (создателем и украсителем мира), а что Демиург правосуден, это не отвергается. И далее: «Мой Отец посылает дождь» на «праведных и неправедных» (Мф.5:45). Так как Он дождь посылает, то для царства вод и облаков, значит, состоит Он Демиургом, а так как оный посылает Он на всех, то, значит, разделяет Он его на основании совершенного равенства и справедливости; а поскольку Он благ, посылает Он дождь равномерно на праведных и неправедных. Следовательно, совершенно правильно мы заключаем, что об едином по числу и по существу Боге говорится в следующих выражениях Писания: «Когда взираю я» на «небеса Твои, дело Твоих перстов» (Пс.8:4) и в этом: «Живущий на небесах» (Пс.2:4). «Престол Его на небесах» (Пс.10:4; Пс.102:19), песнословит о Нем Дух Святой. А Господь и Сам говорит в молитве: «Отче наш, сущий на небесах (Мф.). 6, 9) Небо же есть собственность Того, кто мир основал. Теперь, следовательно, неопровержимо, что Господь есть Сын Творца мира (Демиурга). Если же теперь признается, что Творец мира по «Божия» преимуществу правосуден, а Господь есть Сын Его (Демиурга), то, следовательно, Господь есть Сын правосудного Бога. Поэтому и Павел говорит: «ныне, независимо от закона, явилась правда» (Рим.3:11). И опять, чтобы еще более поставить это дело в соотношении с Богом: «правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия» (Рим.3:22). И в качестве свидетеля истины далее добавляет Он еще: во время «долготерпения Божия, к показанию правды Его в настоящее время, да явится Он праведным и оправдывающим верующего в Иисуса» (Рим.3:26). А что апостолу тождество понятий «благий» и «правосудный» известно, это открывается из слов его: «Посему закон свят, и заповедь свята и праведна и добра» (Рим.7:12): один и тот

же субъект он характеризует обоим предикатами. Но никто не **«благ как только один Бог»** (Мф.19:17). Отцу Его, именно» единому, приписываются многие предикаты. И это Он понять словами: **«кто есть Отец»**, не знает никто **«кроме»** Сына (Лк.10:22; Ин.17:25), так что поистине ясным становится, что Бог вселенной один, что Он благ и правосуден, что Он есть творец (Демиург), Сын в Отце, которому слава во веки веков. Аминь.

Но и Логосу как Спасителю из заботливости о спасении некоторых не чуждо обращаться к ним с поношениями; потому что это представляет собой одно из спасительных средств Божеского человеколюбия; из него появляется красный цвет стыда и возникает страх перед грехом. Если можно порицать, то уместно и поносить. Бывают времена, что на душу, дошедшую до бесчувствия к печали, нужно раны наложить, но не смертные, а целебные, так как малая печаль предохраняет от вечной смерти. Велика мудрость Педагога в воспитании и Его метод в отношении цели многообразен. О людях добродетельных Педагог свидетельствует; призванных зовет Он к лучшему; тех, кто неправду хочет учинить, с самого начала Он отклоняет от того и приглашает их обратиться к жизни лучшей. Ибо ни один из этих моментов не остается не засвидетельствованным, между тем как другой засвидетельствован; изо всех же свидетельств исходит высшая благодать. И аффект гнева – если только предостережение Божие можно назвать гневом – имеет исходным началом человеколюбие, потому что Бог до страстного состояния нисходит из-за человека; ради него Божественный Логос и человеком стал.

Глава 9

О том, что дело одной и той же власти благодетельствовать и правосудно наказывать и еще (продолжение) о воспитательном

методе Логоса

Вполне властно, следовательно, применяя все способы своего мудрого искусства. Воспитатель человечества, наш Божественный Логос, заботится о спасении своих чад. Он внушает, укоряет, упрекает, обличает, грозит, исцеляет, обещает, дарует. Многими как бы удилами Он обуздывает неразумные стремления людей. Коротко: Господь поступает с нами точно так же, как мы с нашими детьми. **«Есть у тебя сыновья? Учи их»**, говорить мудрость, **«и с юности их шею нагибай. Есть у тебя дочери? Имей попечение о теле их и не услаждайся красотой лица их»** (Сир.7:25- 26). И однако же мы любим своих детей: сыновей и дочерей – более всего. А так как люди, которым нравится постоянно доставлять другим лишь удовольствие, не жалуют того, что человека может опечаливать, то они не отличаются и истинной любовью; напротив, практикующие благодетельную строгость хотя и причиняют временно горе, на будущее же время благодеяние оказывают: то и Господь не временное удовольствие имеет в виду, а радость вечную. Поэтому рассмотрим по пророческим свидетельствам воспитательный метод этого Человеколюбцу.

Внушение есть порицание проистекающее из заботливости и посредствуемое точным разумением дела. Таким Наставником выступает Подлог, говоря в Евангелии: **«сколько раз Я хотел собрать»** детей **«твоих, как птица собирает**

птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Мф.23:37). И опять то же внушение додержится в словах Писания: Они «**прелюбодействовали**» с «**деревом** и камнем» (Иер.3:9), «**кадили Ваалу**» (Иер.7:9; Иер.11:13; Иер.32:29). Величайшим доказательством любви Божией к человеку служит то, что, видя бесстыдство народа, брыкавшегося и закусывавшего удила, все-таки Бог зовет его к обращению и устами пророка Иезекииля говорит: «**сын человеческий, ты будешь** жить у скорпионов; не бойся их и не страшись лица их. И говори им слова Мои, будут ли они слушать иди не будут». (Иез.2:6-7). Но Моисею говорит Он: «**Иди к фараону и скажи ему, чтобы он** отпустил народ. Я знаю впрочем, что он не огласится отпустить его» (Исх.3:18-19). Здесь обнаруживает Он две стороны: Божественную – предвидя будущее, и человеколюбивую – достаивая одаренную свободной волей душу приглашения обратиться. И у Исаии «заботясь о народе» (Ис.1:3-6), Он обращается к нему с внушением, говоря: «**Этот народ приближается ко Мне устами**» своими «**и языком**» своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня» (Ис.29:13). А вот и чистое порицание: Н«**о тщетно чтут Меня, уча** учениям, заповедям человеческим» (Мф.15:9; Мк.7:7; Ис.29:13). Заботливость здесь проявится в том, что, избличая грех. Педагог через противопоставление ему указывает и целебные средства.

Укоризна есть порицание высказываемое по поводу чьего-либо постыдного поведения; цель такого порицания – возбудить нравственное чувство. Подобное нечто встречается у Иеремии: «**Это откормленные** кони; каждый из них ржет на жену другого. Неужели Я не накажу за это? говорит Господь», и «**не отмстит ли душа Моя такому** народу, как этот?» (Иер.3:8-9) Ко всему присоединяет Он устрашение, потому что «**страх Господень есть начало премудрости**» (Притч.1:7). Опять и у Осии: «**Не должен ли Я** наказать их, **поелику** они с любодейцами сошлись и с храмовыми из них жертвы приносили: и народ, до того времени бывший рассудительным, обнял любодейцу?» (Ос.4:14) Здесь грех народа Он избличает яснее и признает вместе с тем, что он рассудителен был, и, следовательно, впал в грех вполне свободно. Рассудок есть глаз души; поэтому и слово «Израиль» означает «того, кто Бога зрит», т. е. постигает Его своим рассудком.

Упрек есть порицание легкомысленным и нерадивым. Этой формой педагогического порицания пользуется Господь, когда говорит у Исаии: «**Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь** говорит Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня. Вод знает владельца своего и осел ясли господина своего, а Израиль не знает (Меня)» (Ис.1:2). Не ужасно ли, если ведущий Бога Его забывает? Вол и осел – животные ленивые, неразумные, знают своих питателей, а Израиль оказался неразумнее их. И у Иеремии, после сурового порицания, обращенного к народу, присоединяет Он: «**они оставили Меня**», говорит Господь (Иер.1:16). Обличение есть укоризненный выговор или порицание с присоединением укоризненных слов. Этим воспитательным средством Педагог пользуется у Исаии, говоря: «**Горе непокорным сынам, говорит Господь, которые делают** совещания, но без Меня; и заключают союзы, во не по духу Моему» (Ис.30:1). Как бы некую острую вытравляющую жидкость, в некоторых отдельных случаях применяет он устрашение, зажимая уста народу и обращая его на путь спасительный.

Подобно этому шерсть при окраске ее обыкновенно вытравляется, чтобы она приняла окраску на более продолжительное время.

Пристыживание есть публичный упрек за грех. В качестве необходимого воспитательного средства Бог применяет его, если вера в народе исчезает. Так Он говорит у Исаии: «**оставили Господа, презрела Святого Израилева**» (Ис.1:4). И у Иеремии: «**Подивитесь сему** небеса, и содрогнитесь, и ужаснитесь, говорит Господь. Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекла себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды» (Иер.3:12, 13). И опять у него асе: «**Тяжко согрешил Иерусалим**, за то и сделался отвратительным; все, прославлявшие его, смотрят на него с презрением, потому что увидели наготу его» (Плач. 1:8). Но жесткость и позор пристыживания Он смягчает через Соломона, молчаливо воспитательную свою любовь к детям возвещая словами: «**Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением** Его, ибо кого любит Господь, Тою наказывает и благоволит к тому, как отец сыну своему» (Притч.3:11-12; Евр.12:6; Откр.3:19), потому что «**только человек грешный уклоняется от обличения**» (Сир. 32:19). Совершенно последовательно поэтому говорит Писание: «**Пусть наказываем меня праведник: это милость; пусть обличает меня: это лучшие елей, который не повредит голове моей**» (Пс.140:5).

Вразумление, наставление на путь истинный, есть порицание, действующее на рассудок. И этого педагогического момента Бог не оставил без применения; Он говорит у Иеремии: «**К кому мне** говорить и кого увещевать, чтобы слушали? Вот ухо у них необрезанное» (Иер.6:10). О, блаженное долготерпение! И опять у того же пророка: «**все эти народы не обрезаны; а весь дом Израилев с необрезанным сердцем**» (Иер.9:26).

Посещение есть сильнодействующий упрек. Этой формой воспитания пользуется Господь в Евангелии: «**Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных** к тебе» (Мф.23:37). Двойным обращением выражается сила упрека. Потому что «кто» Бога знает, как он может преследовать служителей Божиих? «**Потому**», говорит Он, «**оставляется долг ваш пуст. Ибо** сказываю вам: отныне не увидите Меня, доколе не воскликните: Благословен грядый во имя Господне» (Мф.23:38-39). Не хотели вы принять Его любви, познакомьтесь с Его всемогуществом.

Поношение есть чрезвычайно гневное обращение. Поношением, как бы неким спасительным средством, пользуется Господь у Исаии в словах: «**Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные**» (Ис.1:4). И в Евангелии устами Иоанна говорит Он: «**Змеи, порождения ехиднины**» (Мф.23:33, 37; Лк.3:7).

Обвинение есть порицание творящих неправое. Это воспитательное средство применяется у Давида: «**народ, которого я не знал**, служит мне, по одному слуху о мне повинуются мне; иноплеменники ласкательствуют предо мною. Иноплеменники бледнеют и трепещут в укреплениях своих» (Пс.17:44-46). И у Иеремии: «**Я дал** ему разводное письмо и вероломный Иуда остался без плода» (Иер.3:8). И опять: «**ибо дом Израиле**» и **дом Иудин поступили** со Мною очень вероломно, говорит Господь. Они солгали на Господа» (Иер.3:11-12).

Жалоба (на судьбу) есть искусно скрытое порицание, прикровенно имеется в виду обратить этим на путь спасения. Бог пользуется им у Иеремии:

«Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! он стал, как вдова; великий между народами, князь над областями сделался данником. Горько плачет он ночью» (Плч.1:1, 2).

Насмешка есть осмеивающее порицание. И этим вспомогательным средством пользуется Божественный Педагог, говоря у Иеремии: «у тебя был лоб блудницы, ты отбросила стыд. Не будешь ли ты отныне взывать ко Мне: "Отец Мой! Ты был путеводителем юности моей!"» (Иер.3:3-4). И: «за многие блудодеяния развратницы приятной наружности, искусной в чародействии» (Наум.3:4). Весьма мудро здесь Он внушает деве благопристойность, называя ее развратницей.

Негодование есть правосудное пеняние, или выговор своевольничающим. Воспитателем такого рода был Господь у Моисея: «Но они развратились пред Ним, они не дети Его по своим порокам, род строптивый и развращенный. Сие ли воздаете вы Господу, народ глупый и несмысленный? Не Он ли Отец твой». Который «усвоил тебя»? (Втор.32:3-6) И у Исаии говорит Он: «Князья твои» – «законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гонятся за мздой; не защищают сироты» (Ис.1:23).

Вообще эти искусственные средства для пробуждения страха суть кладезь спасения. Но посредствовать спасению есть дело существа доброго. «Он обличает и вразумляет, и поучает, и обращает, как пастырь стадо свое. Он милует принимающих вразумление» и «усердно обращающихся к закону Его» (Сир.18:13-14). Таким водительством и спас Он 600 000 пеших мужей (Исх.12:37), вместе вышедших. Он бичевал их за их сердечную ожесточенность, ласкал, бил, исцелял по милосердию и в видах воспитания. «Ибо и милость и гнев – во власти Его» (Сир.16:12). Прекрасно не грешить, но хорошо и это, если грешник обращается; подобно тому как очень хорошо всегда здоровым быть, но прекрасно и выздоравливать после болезни. Так и устами Соломона повелевает Он: «Ты накажешь его розгою и спасешь душу его от преисподней» (Притч.23:14). И опять: «Не оставляй юноши без наказания; если накажешь его розгою, он не умрет» (Притч.23:13).

Пристыживание и упрек, как уже самое слово показывает, суть бичевание души, в наказание за ее грехи; они предохраняют ее от смерти, и позволивших себе вдаться в разнузданность они в чувство приводят. Так и Платон согласно с Логосом в пристыживающем порицании признает действительнейшую улучшающую силу и наилучшее очистительное средство, утверждая, что «кто в высшей степени греховен, тот до невоздержности и безнравственности потому дошел, что не был порицаем, тогда как для истинного счастья должно быть совершенно чистым и нравственным». Но если уже земные власти не отпугивают от дел добрых (Рим.13:3), может ли Бог, от природы благой, быть ужасом для того, кто грехов не творит? «Если же делаешь зло, бойся» (Рим.13:4), говорит апостол. Потому в некоторых случаях он и к общинам относится по примеру Господа строго. Так с полной откровенностью и видя духовную немощь своих слушателей, пишет он к Галатам: «Неужели Я сделался врагом вашим, говоря вам истину»? (Гал.4:16) Подобно тому как «не здоровые имеют нужду во врачах» (Лк.5:31), поскольку они чувствуют себя хорошо, а «больные» нуждаются во врачебном искусстве: подобно этому и для нас, в жизни болеющих постыдными пожеланиями,

предосудительной невоздержанностью и питанием в себе иных страстей, необходим Спаситель. Но Он пользуется не только «мягчительными целебными средствами» («Илиада», IV, 218), но и острыми. Горькие корни останавливают распространение гангренозных нарывов: подобным образом и страх спасителен, хотя и горек. Совершенно точно так же и, мы – так как больны мы – нуждаемся в Спасителе; так как мы заблуждаемся, то необходим для нас путеводитель; так как слепы мы, то необходим для нас руководитель; для нас, жаждущих, необходим живой источник, питье из которого жажду навеки утоляет (Ин.4:13-14); так как мертвы мы, то нуждаемся в жизни; так как овцы мы, то необходим для нас пастырь; так как дети мы, то необходим для нас Педагог. Вообще, все человечество нуждается в Иисусе, дабы, оставшись без руководства, не оказаться нам решительнейшими грешниками и не подпасть осуждению; отделенные же от сора, мы можем быть приняты в житницу Отца. Ибо «**лопата** в руке» Господа, которой Он отделяет от пшеницы солому, подлежащую огню (Мф.3:12; Лк.3:17). Стоит нам лишь захотеть, и высокую мудрость святейшего Пастыря и Педагога, Вседержителя и Отчего Слова (Логоса), мы можем узнать из слов, в которых образно Он называет себя пастырем овец (Ин.10:11, 14); но под этим образом Он рисует Себя в качестве воспитателя детей. Оттого, обращаясь к священникам и им предлагая, так сказать, превосходное образцовое письмо для правильного

прохождения их служения. Он говорит у Иезекииля: «**И что хромо, Я обвяжу и больное исцелю и заблудшее возвращу; и то буду Я на пастбище водить, на мою святую гору**» (Иез.34:14-16). Таковы обетования доброго Пастыря. Да, паси нас. Господи, нас чад Твоих; паси нас. Твоих овец; насыщай нас на нивах Твоего правосудия. Еще, Педагог, веди нас пастырски на Твою святую гору, к Твоей церкви, стремящейся в заоблачную высоту, в небо уходящую. «**Буду Я пасти вас**», говорит Он, «**и буду близок к вам**». (Иез.34:14-16) как близок хитон к поверхности тела (2Кор.5:2).

Он хочет мою плоть спасти, одеждой бессмертия ее облакая и мне кожу помазав. «**Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: «вот Я»** (Ис.8:9) Господи, Ты скорее услышал, чем ожидал я. «**И когда вы будете переходить**», говорит Он, «**то не поскользнетесь**» (Ис.43:2), т. е. мы не погибнем, когда будем переходить в вечность, ибо Он нас поддержит; сам Он говорит это; сам Он хочет этого. «**Не пришел Я, чтобы пользоваться услугами, но чтобы служить**» (Мф.20:28; Мк.10:45). Поэтому Он изображается в Евангелии «**утрудившимся**» (Ин.4:6), за нас труды переносящим, обещающим собственную, свою «**жизнь**» отдать для искупления многих» (Мф.20:28). Только такого пастыря Он признает добрым (Ин.10:11). Следовательно, щедролюбив Он, величайшим, собственной своей жизнью, за нас жертвуя. Он принес с собой людям спасение и человеколюбие, захотев быть человеком и назвавшись братом людей, хотя мог быть их Господом. До такой степени Он благ, что за нас Он даже умер. Но и правосудие Его при этом взывало: «Если вы ко Мне придете, будучи настроены искренне, то и Я буду расположен к вам; если же придете ко Мне с чувствами лживыми, то и Я окажусь по отношению к вам уклончивым, говорит Господь воинств». Упреки, обращенные к грешникам, названы здесь «путями кривыми»; – чувство же прямое и естественное символически обозначено в имени Иисуса йотою; Его благодать к уверовавшим

в Него по слуху о Нем неизменна и непоколебима: – Поелику Я звал вас, говорит Господь, и вы не послушались и все Мои совету отвергли и обличении Моих не приняли (Притч.1:24-25). Таким образом, пристыживание, от Господа исходящее, весьма полезно. В этом смысле говорит Он и устами Давида: «**Не быть подобными** отцам их, роду упорному и мятежное, неустроенному сердцем и неверному Богу духом своим. Они не сохранили завета Божия и отреклись ходить в законе Его» (Пс.77:8, 10). Вот причина гнева; вследствие чего приходит Судья, принося с Собою наказание не захотевшим избрать добрый образ жизни. Поэтому Он раздражается против них упреками, несколько сильнейшими, дабы видеть, нельзя ли будет их отклонить от их пути и предохранить от смерти. Через Давида Он возвещает потому и ясно этот мотив своей угрозы: «**Они** не верили чудесам Его. И погубил дни их в суете и лета их в смятения. Когда Он убивал их, они искали Его и обращались, и с раннего утра прибегали к Богу, и вспоминали, что Бог – их прибежище и Бог Всевышний – Избавитель их» (Пс.77:32-33). Так знает Он, что они из страха перед Ним обращались к Нему, перед тем презрительно относившись к Его благодати. Потому что доброе, если оно является постоянно в форме благодати, по большей части мало ценится; если же Бог к своему увещанию человеколюбиво присоединяет устрашение своим правосудием, тогда служат Ему. Есть два вида страха. Один соединен с благоговением. Такой страх питают граждане к дельным из своих властителей; такой страх питаем мы к Богу и разумные дети – к своим отцам. Потому что «**необъезженный конь бывает упрям**», – говорится, – «**а сын**, оставленный своей воле, делается дерзким» (Сир.30:8). Другой вид страха соединен с ненавистью. Такой страх питают рабы к своим суровым господам; такой страх питали евреи к Богу, считая Его властителем, а не Отцом. А различие большое, думаю, между служением Богу вынужденным и служением Ему добровольным, утверждающимся на свободном выборе; между тем и другим расстояние равно целому небу.

«**Но Он, милостивый**», – говорится, – «**прощал грех, и не** истреблял их; многократно отвращал гнев Свой и не возбуждал всей ярости Своей» (Пс.77:38). Обращай на то внимание, как правосудный элемент у Педагога обнаруживается в порицании, а благодостный – в милосердии! Потому поет Давид, или, лучше сказать, через Него Дух Святой, так: «**Правосудие и правда – основание** престола Твоего; милость и истина предходят пред лицом Твоим» (Пс.88:15). Оповещается здесь о тех же самых обнаружениях Божественной жизни, – о том, что свойственно Богу судить и благодетельствовать. И в том, и в другом из этих обнаружений Божественной жизни сказывается Божие всемогущество: в качестве правосудного Судьи Он различает противоположности; но, будучи правосудным. Судья этот и благ, состоя истинным Богом, который все и которым все, – Богом и именно единым Богом. И подобно тому, как человек некрасивый не может считать зеркало вещью дурной на том основании, что он видит в нем истинный свой образ; и подобно тому, как врач еще не может быть считаем больным за человека злого на том основании, что он признает в нем лихорадочное состояние (он не виноват, ведь, в лихорадке, а только устанавливает факт ее): подобно этому и тот, кто порицает нас, еще не является зложелателем для больной души: Он

ведь не влагает в душу грехов, а только указывает на присущие ей недостатки, чтобы отвратить ее от таких склонностей.

Бог, следовательно, сам по себе благ; правосуден же Он из-за нас; да и правосуден-то Он потому, что благ. И Его правосудие открыто нам Его Логосом, сошедшим свыше, – оттуда, где Отец. Потому что еще прежде, чем было что-либо сотворено. Бог уже существовал и Он был благ; потому-то Он восхотел стать и Творцом мира, и Отцом. Эта-то именно любовь и проникнутые ею Его отношения к миру сделали началом и правосудия Его, который Свое солнце возжег и Своего Сына послал. А Сын этот впервые возвестил о нисходящем с неба правосудии, сказав: **«и кто есть Сын не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец» не знает никто, «кроме Сына» (Лк.10:22).** Это знание Ими Друг Друга и есть символ вечного правосудия. Это правосудие потом низошло на землю к людям в виде буквы и плоти, в лице Логоса и в образе закона, вынуждая человечество к спасительному изменению расположения, потому что то правосудие было благим. Ты же не слушаешься Бога: вменяй поэтому себе самому в виду, что приближаешь к себе Судью.

Глава 10

О том, что один и тот же Бог через посредство

одного и того же Логоса и удерживает от грехов угрожая, и спасает человечество ободряя

Показав, что карательный элемент в воспитательном методе целесообразен и спасителен, что применение его со стороны Логоса необходимо и что он может имен следствием изменение образа мыслей и расположении и грехи собой сдерживать, теперь мы обратим внимание и во благость Логоса, ибо что правосуден Он это уже показано. Он зовет нас ко спасению, обращаясь к нам с особенно прекрасными к сему приглашениями; в них согласно с волей Отца Он охотно раскрывает нам частью нравственно прекрасное, частью полезное. При этом обрати внимание на следующее. Нравственно прекрасное составляет предмет речей похвальных, полезное же – предмет лишь советов. Виды совета суть поощрение и отговаривание; виды похвальных речей: (утвердительный) – похвала и (отрицательный) – порицание. В некоторых случаях совет излагается именно в форме поощрения, уговаривания, в других – отговаривания; равным образом и похвала добродетели, смотря по обстоятельствам, имеет вид или порицания, или (положительной) похвалы. В этом (последнем) тоне наш Педагог говорит особенно в качестве Судьи правосудного, имея целью наше спасение. Но так как о моменте порицания и отговаривания мы уже говорили ранее, то должны в настоящее время сказать нечто о моменте похвалы и поощрения, причем как бы на каких весовых чашах мы правосудию (в дальнейшем) противоположим благость.

Указывать на полезное Педагог благоволит через Соломона, говоря здесь: **«к вам, люди, взываю Я, и к сынам человеческим Я обращаю голос мой. Слушайте, потому что я буду говорить важное»** и т. д. (Притч.8:4, 6). Советует же Он здесь спасительное, потому что совет имеет целью или поощрение к какому-либо делу, или отклонение от него. Последнее Бог имеет

в виду, когда говорит через Давида: «Блажен муж, который не ходит» да «совет нечестивых, не стоит на пути грешных, не сидит в собрании развратителей; но в законе Господа воля Его» (Пс.1:1).

Совет может быть трояким. Во-первых, для него берутся примеры из времен прошедших; например, берется он от того, что постигло евреев после поклонения золотому тельцу, что постигало их после злодеяний и т. п. Во-вторых, пользуются для него наблюдаемым в настоящем, тем, что как бы руками можно осязать. Сюда относятся слова, сказанные к спрашивавшим Господа, «Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?: пойдите и скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают, и нищие благовествуют. И блажен, кто не соблазнится о Мне» (Мф.11:3-6). Значит, этим было то, что предвозвещено было Давидом в таких словах: «Как слышали мы, то и увидели» (Пс.47:9). На основании предвидения вещей будущих слагается третий род совета, в котором Бог грозит грядущими событиями. Поэтому Он говорит: Впавшие в грехи брошены будут «во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов» (Мф.22:13) и т. п. Отсюда становится очевидным, что Бог пользуется всякого рода воспитательными средствами лишь бы призвать человечество к спасению. Обращаясь с ободрением. Он отклоняет от грехов, с одной стороны, притупляя пожелания, с другой – вливая надежду спасения. Так Он говорит у Иезекииля: «Если вы обратитесь от всего сердца и скажете: Отец, то внимать вам буду как народу святому» (Иез.18:33). И опять говорит Он: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я успокою вас» (Мф.11:28); сюда относится и дальнейшее, говоримое Господом о своем лице. Всего яснее Он приглашает к доброму через Соломона в таких словах: «Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум!» (Притч.3:13). Потому что доброе бывает ищущим находимо и бросается оно в глаза ему (ср. Притч.2:4; Иер.2:24 и т. д.). И у Иеремии говорит Он о мудрости: «Счастливы мы, Израиль, что мы знаем, что благоугодно Богу» (Вар.4:4); известно же через Логоса, благодаря которому мы блаженны и мудры. Благоразумие же и разумение заповедуются у того же самого пророка, когда он говорит: «Слушай, Израиль, заповеди жизни: взимайте, чтобы уразуметь мудрость» (Вар.3:9). У Моисея Педагог по свойственному Ему человеколюбию обещает еще и награду ревностно ищущим спасения, ибо Он говорит здесь: «Я введу их в землю (добрую), как я клялся отцам их», (Втор.31:20). И далее через Исаию говорит Он: «Я приведу» да «святую гору Мою, и обрадую их» (Ис.56:7). Ест» у Него еще и другой род воспитания, убажнение. «Блажен». – говорит Он у Давида, – «который не стоит на пути грешных. И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет» (через это намекнул Он и на Воскресение); «и во всем, что ни делает, успеет» (Пс.1:1-3). Таковыми хочет Он иметь нас, дабы мы были блаженны. И опять, указуя на другую выравнивающую чашу весов, на правосудие, говорит Он: «Не так – нечестивые (и так); но они – как прах, возметаемый ветром (с лица земли)» (Пс.1:4). Указав на наказуемость греха, на летучесть и ветреность его природы. Педагог подал совет не лишать себя виной права на пользование всеми преимуществами свободного человека; а, пригрозив соответственным наказанием, Он обнаружил благодатную свою

благость, через то весьма искусно пригласив нас вместе с тем и к открытию красоты добра в себе самих, и к уразумению интереса свыкаться с ним. И к гнозису (высшей созерцательной мудрости и жизни) Он зовет нас у Иеремии словами: «Если бы ты ходил путем Божиим, то жид бы в мире во веки» (Вар.3:13). Указывая на награду за гнозис, Он приглашает мудрецов стремиться к ней. И даруя заблуждающемуся прощение, «Вразумись, Иерусалим, чтобы душа Моя не удалилась от тебя», – говорит Он, – «работай рукою своею, как обиратель винограда, наполняя корзины» (Иер.6:8-9). Усматриваешь ли благость в правосудии, советуя изменение расположению? И подходит Он у Иеремии к заблуждающемуся со светильником истины. «Так говорит Господь: Остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему и найдете покой душам вашим» (Иер.6:16). Ведет же нас Он к покаянию, желая нам спасения. Потому говорит Он: «и обрежет Господь, Бог твои, сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа» (Втор.30:6). Следует нам для защиты наших положений сослаться и на философов, которые утверждают, что только доброе достохвально, а дурное достойно порицания. Но так как некоторые о Существе блаженном учат превратно, якобы Оно ни само в себе не питает никакой благости, ни в отношениях к людям ее не обнаруживает и Его человеколюбия не признают, то ради этих людей и еще ради тех, которыми понятия «благий» и «правосудный» разделяются, присоединил я предыдущие замечания. Потому что, наблюдая последовательность, мы должны были бы далее то излагать, что уличающая и порицающая форма воспитания для человечества приличнейшая, поскольку, как говорят, все люди – глупцы. Бог только, говорится, мудр, и от Него исходит мудрость; Он только совершенен, и поэтому только Он один достохвален. Но я не решаюсь делать таких заключений, а утверждаю только то, что похвала и порицание или нечто похожее на похвалу и порицание, суть наинедобнейшие лекарства для людей. Люди, поддающиеся врачеванию угрозами, порицанием и пристыживанием, приводятся к поведению надлежащему, подобно как железо огнем, молотом и наковальней; а те, которые сами собой веры держатся, те состоят как бы автодидактами и как мужи свободной решимости поощряются похвалой.

Ибо будучи похваляема,
Добродетель подобно дереву возрастает.

И мне кажется, что, признавая истинность этого положения,
Пифагор Самосец предостерегал:

Дурное сделав – бойся,
Доброе же – веселись.

«Порицание» обозначается на греческом языке еще словом *πουθεται*. Этимология его такова: *πουφεται* *πουει* *φεισισμος* (привитие рассудка). Карательный воспитательный метод, следовательно, есть источник рассудительности. Между тем, изобретены бесчисленные другие способы приглашения к добру и для отпугивания от зла. «Нечестивым же нет мира», говорит Господь (Ис.48:22; Ис.57:21). В этом смысле устами Соломона Он повелевает своим чадам обращать на себя внимание. «Сын мой! если будут склонять тебя грешники, не соглашайся. Если будут говорить: “иди с нами, сделаем засаду для убийства, подстережем непорочного без вины, живых

проглотим их, как преисподняя» (Притч.1:10-12). Это место пророчески указывает, впрочем, и на страдания Господни. У Иезекииля далее Господь, жизнь наша, дает нам такие заповеди: «**Душа согрешающая, та умрет. Если** кто праведен и творит суд и правду, на горах жертвенного не ест, и к идолам дома Израилева не обращает глаз своих, жены ближнего своего не оскверняет и к своей жене, (во время очищений) нечистот ее не приближается, никого не притесняет, должнику возвращает залог его, хищения не производит, хлеб свой дает голодному, и нагого покрывает одеждою. В рост не отдает и лихвы не берет, от неправды удерживает руку» свою, «**уд человеку** с человеком производят правильный; поступает по заповедям Моим и соблюдает постановления Моя искренно: то он праведник», он «**непременно будет жив, говорит Господь**» (Иез.18:4-9, 15 и д.). В этих словах содержится очерк христианской общественной жизни и достойное внимания указание на счастливую жизнь, на награду блаженством, жизнью вечной.

Глава 11

О том, что Логос воспитывает через закон и пророков

Род и образ человеколюбия Логоса и воспитательного Его метода, насколько это было возможно, теперь Нами изложен. Открывается, что, знакомя со своей личностью, Логос прекрасно Себя уподобляет горчичному зерну (Мф.13:31; Лк.13:19), указывая тем на духовность и плодovitость своих посевов, равно как на величие и чистоту своего влияния, а также и на то, что полезна и сама горечь карательного и очищающего элемента в Его строгостях. Аллегорией о малом горчичном зерне намекает Он на спасение, в богатейшей мере Им доставляемое всему человечеству. Мед, как ни сладок он, выделяет желчь. Подобно этому (постоянная) благодать (благодетеля) порождает пренебрежение (к нему), и это становится источником греха. Горчица же уменьшает количество желчи, т. е. пожеланий, и отстраняет жар, т. е. гордость. Так Логос становится источником душевного здоровья, собой посредствует евкусию, вечно правильное смешение соков. Во времена древнейшие Логос воспитывал через Моисея, после того – через пророков. Впрочем, и Моисей пророк. Закон его есть воспитание разнузданных детей. «**Сел народ есть и пить**», – говорится, – «**а после** встал играть» (Исх.32:6; 1Кор.10:7). Безрассудное обременение себя пищей называется уже упитыванием себя, а не едой. Поэтому и древние евреи, неразумно до излишества наевшись, неразумно стала играть; вслед за тем по пятам последовал за ними закон и страх, отклоняя их от грехов, обращая к исполнению заповедей, приводя к повиновению истинному Педагогу, т. е. все тому же Логосу, настаивающему на исполнении закона, ибо «**закон был** для нас детоводителем ко Христу», как говорит Павел (Гал.3:24). Отсюда ясно, что Педагогом нашим является единый истинный, благий и правосудный Иисус, Сын по образу и подобию Отца, Божественный Логос. Ему Бог Отец передал нас, подобно тому как любящий и заботливый отец вверяет своих детей благородному воспитателю. Об этом Отец ясно возвестил: «**Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте**» (Мф.17:5). Этот Божественный Педагог вполне достоверен, тремя прекраснейшими свойствами будучи украшен: знанием, благоволением и нелицеприятием –

знанием, потому что Он является мудростью Отца: «Ибо Господь дает мудрость; из уст Его знание и разум» (Притч.2:6); нелицеприятием – потому что Он – Господь и Творец мира: «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть» (Ин.1:3); благоволением – потому что Он собой пожертвовал за нас; «пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Ин.10:11), и Он пожертвовал ею. Но благоволение есть не что иное, как желание добра ближнему ради него самого.

Глава 12

О том, что Педагог, согласно с отеческим своим образом

мыслей, в отношениях к нам проявляет как строгость так и благодать

По изложению доселе занимавшего нас предмета время было бы нашему Педагогу Иисусу нам истинную жизнь изобразить и воспитать действительно христианского человека. В самом деле характер Логоса вовсе не так ужасен (как рисуют его гностики), но не расплывается Логос и в благодати. Он дает заповеди, характерной же чертой их является их выполнимость. И мне думается, это Он человека из пыли образовал, а возродил его водой, укрепил же его, дух в него вдохнув; это Он воспитал его через свое слово до сыновства; через свои святые заповеди это Он указывает человеку правый путь к спасению, сына земли через свое пришествие (на землю) преобразуя в человека святого и небесного, и таким образом особенно точно исполняя Божественное слово: «Сотворим человека до образу Нашему и по подобию Нашему» (Быт.1:26). Христос есть воплощение этих слов Божиих. К другим людям имеет ближайшее отношение только выражение: «по образу»; мы же, чада благого Отца, питомцы благого Педагога, имеем волю Отца исполнять. Логосу внимать, в истинно спасительной жизни нашему Спасителю уподобляться, уже здесь на земле быть озабоченными жизнью небесной, в которой некогда обоготворимся; уже здесь на земле, обладая в жизни Христа яснейшим образом небесного бессмертия и Божественным Его стопам следуя, стараемся мы помазать себя миром, блещущим вечной радостью и распространяющим из себя чистейшее благоухание. Ему только, нашему Логосу, приличествует за тем наблюдать, – и это действительно является Его сердечным делом, – каким образом жизни людей дать здоровое направление. Но уже на земле Он подготавливает нас к будущей жизни, – когда мы ни в чем не будем нуждаться, – приученные уже здесь довольствоваться малым; уже здесь на земле Он подготавливает нас к путешествию в небесную жизнь через заповедь об одеждах, легко препоясываемых, и о ношах, мало обременительных, ибо Он учит, что каждый из нас есть Его собственная сокровищница. «Не заботьтесь о завтрашнем дне» (Мф.6:34), – говорит Он, чем хочет сказать, что тот, кто Христу себя препоручил, должен отдаться жизни, не имеющей сложных потребностей, удовлетворяющейся лишь самой собой, проводимой день за день. Потому что не в военное время, а во времена мирные совершается наше спасение. Война требует сложных приготовлений, жизнь раздольная требует больших издержек; мир же и чувство, проникнутое христианской любовью, простые и довольствующиеся малым братья не нуждаются ни в каком оружии и ни в каких сложных снаряжениях. Их пищей

является Логос, которому, поскольку Он – учитель и воспитатель, препоручено и воспитательное руководство нами, у которого мы научаемся довольству и беспритязательности жизни и вообще любви к свободе, человеколюбию, благородству стремлений. Но на ком лежит обязанность уподобляться общением добродетели единственно Божественному Логосу, тот уже не может впасть в беззаботность и легкомыслие. Итак, старайся и не утомляйся; ты в такой мере окрепнешь, на какую меру крепости и не надеялся, о какой не мог и мечтать. Иное образование получает философ, иное ритор, иное атлет: подобным образом и благородней образ жизни, плод христианского воспитания, собой обуславливает красоту желаний и стремлений. И что в деятельности воспитано, то отличную внешность имеет и в походке, и при сидении, во время принятия пищи, во время сна, спокойствия, в порядках жизни, во всем, что относится к воспитанности. Это руководство Логоса не является чем-либо неопределенным, но представляет собой полную упорядоченность. Потому Логос и называется «Спасателем»; Он ведь это для людей изобрел духовные лекарств в интересах их здоровья и спасения; Он охраняет их благобытие, указывает на вред, на причины страстей; Это Он отсекает корни неразумных желаний, предписывает Воздержание, назначает больным спасительные противоядия. Спасение человечества – вот подлинно величественнейшее, истинно царственное слово Божье. На врача больные гневаются, если он не дает им никаких советов относительно их здоровья. Но можем ли мы не быть обязанными Божественному Воспитателю величайшей за то благодарностью, что не молчит Он, что Он не сдерживает угроз своих гибелью, но и их высказывает, и страстные желания, приводящие к гибели, отсекает и преподаёт учения, устанавливающие правильный образ жизни? Несомненно, мы должны быть Ему весьма благодарны за это. Человек, творение разумное, не на Божественное ли только должен обращать внимание? Но должно, утверждаю я, человеческой природы требования иметь в виду; должно так жить, как естественность того требует. Мы должны и самому Педагогу весьма удивляться, и Его повелениям, где все одно другому соответствует и одно с другим согласуется; этому идеалу мы и сами должны подражать, слово и дело в действительной жизни в согласие одно с другим приводя.

Глава 13

О том, что нравственно доброе разуму (Логосу) соответствует,

грех же разуму (Логосу) противен

Все, что несогласно с здравым разумом (Логосом), все то есть грех. Поэтому философы главнейшие из страстей находят возможным определять следующим образом. Пожелание есть несогласимое с разумом (Логосом) стремление к чему-нибудь; страх – противоразумная (не одобряемая Логосом) расслабленность; удовольствие – неразумное (воспрещаемое Логосом) распадение души. Если теперь непослушание разуму (Логосу) есть источник греха, то послушание разуму (Логосу), которое называем мы верой, не необходимо ли есть источник так называемого соответствия обязанностям? Ибо и самая добродетель есть ведь не иное что, как порожденная разумом

(Логосом) гармоническая настроенность души, обнаруживающаяся во всем образе жизни; даже и самое возвышенное, сама философия, определяется так, что она является изучением здравости разума (Логоса); отсюда обо всем греховном по необходимости нужно, значит, думать так, что оно порождается уклонением от разума (от Логоса) и по справедливости называется «заблуждением». Потому о первом человеке, согрешившем и оказавшем Богу непослушание, говорится: Уподобился человек скоту (Пс.68:13, 21), поскольку он уклонился от разума (от Логоса). Будучи назван неразумным (лишенным Логоса), он потому ставится справедливости и на одной ступени с животными, потому и Премудрый говорит: «Распутный, – это конь охочий до припуска; прелюбодей походит на это неразумное животное» (Сир.33:6; Иер.5:8). Потому он продолжает: под всяким седоком он ржет. Не употребляет уже о нем выражения «говорит», какое должно было бы употребить о человеке, но – «ржет», как о животном, ибо кто погрешает против разума (Логоса), тот, значит, лишен его (Логоса); он – неразумное животное, преданное желаниям; сидят у него на шее всякого рода похоти. Образ деятельности здравый, согласный с разумом (Логосом), учению стойков называют проοηков (долгом, обязанностью) и καθηков (законом). Что законом предписывается, то я обязательно. Послушание же есть не что иное как повиновение заповедям. Но эти тождественны с увещаниями, имеют предметом истину, руководят к последней цели желания, к тому, что концом называется. Конец же проникновения страхом Божиим есть вечный покой в Боге; наш конец есть начало жизни вечной. Всецелое проникновение страхом Божиим осуществляет легальные обязанности на деле совершеннейшим образом, из мотивов нравственных. Это и вполне естественно, чтобы обязанности свои христианин исполнял не на словах, а на деле, ибо и образ мыслей душе христианской свойственен только один, деятельный. Деятельность же ее есть деятельность разумная, не отличающаяся от деятельности здоровой. Она состоит во всесторонне развитой рассудительности и в деятельности, способствующей достижению истины, осуществляемой при посредстве тела, принимаемого ею в союз с собой и при его содействующем участии. Обязанности христианина обуславливаются послушанием его воли Богу и Христу; известных добрых порядков жизни держится он потому, что надеется на продолжение ее в вечности. Жизнь, до какой нас воспитывает христианство, есть стройная совокупность (система) действий, проникнутых разумом (Логосом), т. е. состоит она свободным от падений исполнением того, что исполнять предписывает разум (Логос) и что мы называем верой. Но и самые заповеди Господни представляют из себя ту же стройную совокупность. Имея вид изречений Господа, напоминаний Духа Божественного, они были записаны нам в назидание; и исполнение их как для нас, так и для наших ближних вполне обязательно. Будучи сохранены людьми, слова те обращены к людям же, подобно тому, как отбитый мяч снова возвращается к играющему им. Оттого учение об обязанностях есть необходимая составная часть Божественного воспитания; учение о них открыто нам самим Богом, и нам предложено к исполнению как дело спасительное. И подобно тому как из предметов первой необходимости одни имеют соотношение с этой временной жизнью, обращение же с другими способствует окрылению, одушевлению для

жизни блаженной: точно так же и из обязанностей исполнение одних имеет значение для жизни вообще, исполнение же других для жизни совершенной. Законы, и для жизни язычника имеющие значение, общеизвестны; а что к совершенной жизни относится, из которой некогда разовьется жизнь на небе, это теперь нами должно быть рассмотрено в форме эскизов, которые мы набрасываем через сопоставление разных мест Писания.

Книга вторая

Глава 1

Правила относительно пищи

Преследуя предзаданную цель и выбирая в этот раздел своей Педагогики места из Писаний, имеющие особенно важное значение для практической жизни, мы изобразим теперь в главных чертах, каким во все дни ее должен быть и оказывается тот, кто носит имя христианина. Посему нам следует начать с изображения истинного нашего «я» и способов, какими можем мы поддерживать в себе гармонию. Имея в виду показать правильные отношения между составными частями нашей природы, нам следует прежде всего говорить о том, как каждый должен относиться к своему телу, или, лучше сказать, как он должен управлять им. Потому что если бы, кто-нибудь, будучи обращен Логосом от ложных своих воззрений на внешние вещи и особенно на уход за своим телом к рассудительному образу мыслей, составил себе добросовестно отчетливое представление об естественных процессах в человеке, он пришел бы к убеждению, что о внешних вещах хлопотать не стоит, а что следует ревностно заботиться о чистоте душевного глаза, откуда освещение должно распространяться и на тело. Очистившись же от того, что еще делает человека творением бранным, какой после этого орган для познания Бога человек мог бы иметь славнее, чем свое собственное существо?

Есть люди, которые для того только и живут, чтобы есть. Но это свойственно и неразумным животным, «все бытие которых сведено к чреву». Нам же Педагог заповедует есть лишь для того, чтобы жить. Еда не составляет задачи нашей жизни и удовольствие – не цель ее. Мы едим для поддержания нашей жизни на этой земле, во время пребывания на которой Логос нас воспитывает для бессмертной жизни; отсюда необходимость выбора и различения пищи. А она должна быть простой и неизысканной соответственно простоте и невзыскательности воспитываемых чад; жизнь их, а не невоздержанность в еде должна быть поддерживаема. Телесная же жизнь обуславливается двумя вещами: здоровьем и силой; а они в особенности зависят от умеренности в пище, чем телу облегчается ее усвоение. Отсюда возникает и здоровый рост, и телесная сила развивается нормальная, а не та неестественная, опасная и отяготительная, какая действует в атлетах вследствие принудительного питания. Разнообразия качеств кушаний поэтому мы должны избегать. От несоблюдения этого происходят различные вредные последствия: телесное недомогание и расстройство отправления желудка; чувство вкуса этим злосчастным, поваренным искусством портится и обессиливается; точно также на него действует и суетное это (кондитерское)

искусство приготовления послеобеденных пирожных и десерта. И после этого есть еще люди, которые эти изобретения чревоугодия, столь легко порождающие гнуснейшие из желаний, осмеливаются называть пищей! Делосский врач Антифан разнообразие кушаний называет единственной причиной болезней у тех из людей, которые от действительно питательных кушаний отказываются, которые из суетного желания разнообразно угодить чреву мудрой меры в жизненных потребностях не соблюдают и тщательно разведывают, не привезены ли разные заморские снеди. Что касается меня, то я сожалею о болезненном их состоянии, хотя сами они кушанья, особенно удовлетворяющие охочему до лакомств вкусу их, де стыдятся прославлять и в поэтических произведениях. Вот эти их любимые закуски: мурены из Сицилийского пролива, угри из реки Мэандра, Мелосские козлята, шилообразные рыбы с острова Скиафа, двустворчатые исполинские раковины, устрицы из Абидоса. Не забывают они и маленьких соленых рыбок с острова Липары и про Мантинейскую репу, ни про овощи из Аскры. Всюду ими разыскиваются гребенчатые раковины из Метюмны, аттическая камбала (кособок), морские дрозды (рыба) из Дафны и аттические смоквы. Из-за этих последних злосчастный царь персидский с целым полумиллионом войска пришел в Грецию. Далее оптом они скупают живность в Фазисе, рябчиков из Египта и мидийских павлинов. Такими приятностями раздражив чувство вкуса, эти невоздержанные люди затем жадно набрасываются на обеденные лакомые блюда. Что ходит посуше, что плавает в глубинах моря, что летает в неизмеримо широком воздушном пространстве, их жадность доискивается всего этого. Поистине весь мир готовы были бы опустошить эти алчные и беспокойные люди в удовлетворение своего сластолюбия; на целые окрестности слышится шипение их сковород; к ступке и пестику сведена вся их жизнь; огню, пожирающему лес, подобии они, эти всепожиратели. Самый хлеб, эту легчайшую Пищу, они оскопляют, отделяют от пшеницы истинно питательное, как если бы употребление в пищу действительно насыщающего могло быть обидой для их сластолюбия.

Безгранично чревоугодие у этого рода людей. Потому что далее они набрасываются на печенья, на сладкие пирожки и десертные блюда; они изобретают длинный лист утонченностей; они добывают себе разнообразнейшие сорта лакомств. И мне представляется, что такой человек весь обращается не в иное что как в челюсть. **«Не прельщайся»**, говорит Писание, **«лакомыми явствами его»**. (Притч.23:3): они являются признаками жизни лживой и постыдной. Этого рода люди пристращаются к лакомым кушаньям; но уже через короткое время это составляет содержание клоак (Мф. 15:17). Мы же, кто ищет хлеба небесного (Ин.6:1), должны господствовать над чревом, которое под небом; тем в меньшей зависимости мы должны находиться от того, что любезно чреву, потому что это вещи преходящие. **«Бог уничтожит и то и другое»**, говорит апостол (1Кор.6:13), осуждая этим по всей справедливости прихоти сластолюбцев. Эти тонкие кушанья суть **«пища для чрева»**, и с ними имеет связь жизнь Плотская и безнравственная.

Осмеливаются некоторые, не сдерживая своего нечестивого языка, имя вечера любви, (агапэ), дерзко давать тем мелким пиршествам, с которых разносится запах разных сортов жареного мяса и супов. Прекрасное и

спасительное учреждение Логоса, святую вечерю любви, через это жалким образом они сводят, значит, к вину, горшкам и супам.

Но эти сластолюбие и чад от приготовляемых кушаний суть хула на то имя. Обманываются эти сластолюбцы, надеясь такими пиршествами купить (Деян.8:20) обетование Божие. Если мы говорим о собраниях для целей удовольствия, то называем такие правильным их именем: обедами, ужинами, зваными собраниями. Господь такие собрания не называет вечерами любви. Он говорит в одном месте: «Если ты приглашен на брак, то не садись на первом месте, а на последнем» (Лк.14:8, 10). И в другом месте: «Если ты устроишь обед или ужин» (Лк.14:12, 13). И опять: «Если ты званное собрание составляешь, то зови нищих». И далее: «Некий человек учредил великое пиршество и звал многих» (Лк.14:16).

Но я догадываюсь, откуда взялась та прекрасная личина для такого рода пиршеств. «От глотки, как говорит комик, и ненасытимой мании к пиршествам». И, естественно, потому что «все всем тут предлагается в пищу». Они не знают, что Бог своему творению, человеку, приготовил пищу и питье, дабы он свою жизнь ими поддерживал, а не для того, чтобы сластолюбию предавался. Тело, ведь, вовсе не так устроено, чтобы многообразие и изысканность пищи могли ему впрок идти; совершенно наоборот. Те, кто простой и обыкновенной пищей довольствуются, бывают гораздо сильнее, здоровее и телесно сложенными лучше. Домашняя прислуга в этом преимуществует перед господами, работники и земледельцы – перед помещиками. И не только тело, но и дух при этом развивается лучше, как например, у философов (людей добродетельного, умеренного, резвого, мудрого образа жизни) по сравнению с людьми богатыми, потому что первые не выливают своего разума вместе с пищей и не вводят его в обман сластолюбием.

Но возвратимся к вечерам любви. Они суть пища небесная, пиршества значения духовного. «Любовь все покрывает, всему верит, всего надеется; все переносит» (1Кор.13:7, 8); блажен, кто «вкусит хлеба в Царствии Божием!» (Лк.14:15). Но тягчайшее из всех падений есть то, когда непреходящая любовь, эта жительница и дитя неба, бывает низвергаема с неба на землю, в суповые блюда. Понимаешь ли, что вечерами любви нельзя считать пиршества, которые будут отменены? «И если я раздам все имение мое, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы», говорит апостол (1Кор.13:3). Всецело на ней утверждаются закон (ветхий завет) и слово (Логос, новый завет). И если ты любишь Господа Бога твоего и ближнего твоего, то это праздничное и блаженное общественное собрание, имея свойства небесные, оно происходит уже как бы на небесах. Земное же столование называется только обедом, как из Писания следовало. Без сомнения и земными пиршествами предполагается любовь, но не они суть сама эта любовь; и это не вечера любви, а являются они лишь обнаружениями любвеобильного, щедродательного чувства. «Да не хулятся ваше доброе» (Рим.14:16)!

Ибо «Царствие Божие», говорит апостол, «не пища и питье», дабы ты не разумел, под оным приходящие вечера, но прав«едность, и мир, и радость в Святом Духе» (Рим.14:17). Кто, себе на счастье, сумеет принять участие в такой вечере, тот примет участие в наиблаженнейшем, в Царстве Божием, потому что он еще здесь на земле был озабочен участием в

священном собрании любви, (какое будет) в Церкви небесной. Итак, вечера любви суть нечто чистое и Богу угодное; цель их – помощь. Вся забота «**воспитания**» должна быть направлена **«на пробуждение любви»**, говорит Книга Премудрости; и о той же любви она свидетельствует: Любовь **«есть** хранение и законов премудрости» (Прем.6:18). Радости вечереЙ любви вследствие совместного принятия пищи на христианскую любовь действуют в некотором роде оживляющим образом; они суть предчувствие радостей вечных. Сущность вечереЙ любви потому заключается не в пиршестве; угощение есть акциденция их. **«Дабы сыны Твои»,** говорится, **«которых Ты, Господи, возлюбил, познали, что не** роды плодов питают человека, но слово Твое сохраняет верующих в Тебя» (Прем.16:26). **«Не одним хлебом живет человек»** (Втор.8:3; Мф.4:4).

Наш обед поэтому должен быть прост и благоприличен;
он должен способствовать ночному бодрствованию;
его кушанья не должны быть разнообразимы поваренным искусством.

Не без отношения к служению Педагога и эти замечания. Вечери любви суть

Прекрасная молодого народа воспитательница
(«Одиссея», IX, 27).

Если они сопровождаются наполнением карманов бедняков, удовлетворением этих, то ими превосходнейшим образом поддерживается чувство общности. Если на них пища раздается в правильных количествах, тогда телу сохраняется не только здоровье, но ближний, кроме того, еще (и на дом) получает нечто. Еда же или питье, превышающие границы умеренности, приводят человека в наихудшее состояние. Душа из-за этого становится недействительной и бессильной, тело недомогающим. Кроме того, эти удовольствия, состоящие в принятии в пищу изысканных и вкусно приготовляемых кушаний, требующих многих забот и хлопот, связаны и со многими другими беспокойствами и неудобствами. Они вредят хорошему о нас мнению, пятная нас позорными прозвищами. Потому что и сами эти удовольствия носят такие названия: сластолюбие, прожорливость, уписывание, ненасытимость, алчность. Мухам также свойственны они. А людям, к ним пристрастным, даются прозвания такие: коты, паразиты, гладиаторы и остальной пошлый род блюдолизов. Для удовольствий чрева одни жертвуют разумом, другие – дружбой, третьи – жизнью. На чреве (Быт.3:14) ползают они, эти животные в человеческом образе, по примеру отца своего (дьявола) (Ин.8:44), этого прожорливейшего животного. Те, кто впервые назвал их ασωτοί (сластолюбцами), мне кажется, намекнули на ожидающий их некогда конец; выпущена в этом их прозвании лишь буква ασωτοί; они состоят следовательно, потерянными для спасения.

Обремененные хлопотами около блюд и кропотливо приготовляемых кушаний, питающие в себе столь жалкий образ мыслей, не подобятся ли действительно эти несчастные тем тварям земнородным (осужденным на смерть преступникам), которым лишь один день еще прожить определено? На таких людей жалуется через Исаию уже и Дух Святой, у их пиршеств, (которые лишены были духовного значения), которыми они оскорбляли Логоса

(разум), некоторым сокровенным образом и тихо отнимая имя «вечеря любви». **«Но вот веселье и радость»**, говорит Он. **«Убивают волов, и режут овса: едят мясо, и пьют вино: «будем есть и пить, ибо завтра умрем»»** (Ис.22:13). И во свидетельство, что такие пиршества должны быть считаемы за грех. Он присовокупляет: **«не будет прощено вам это ваше** нечестие, доколе не умрете» (Ис.22:14). Пророк понимает здесь не освобождение от вины за грех через бесчувственное состояние смерти, а называет смертью праведное возмездие за грех через наказание (смертью вечной), лишением спасения. **«Не привязывайся к пиршествам»**, потому говорит книга Премудрости сына Сирахова (Сир.18:32).

Здесь должно упомянуть и о так называемых похоронных пиршествах, так как именно их нам заповедано избегать.

Нечистыми и гнусными оказываются эти жертвы,
на кровь которых слетаются из Эреба души отшедших мертвых
(«Одиссея», XI, 34).

«Но я не хочу», говорит апостол, **«чтобы вы были в общении с бесами»** (1Кор.10:20): не может быть одной и той же и спасаемых пища и гибнущих. Должно, следовательно, от участия в этих похоронных бражничаньях устраниваться; – не из страха, потому что нет в них никакой тайной силы; но для охранения чистоты нашей совести, которая свята; из-за отвращения к демонам, которым те бражничанья посвящены, мы должны их гнушаться. И, кроме того, не должны мы принимать в них участия ради тех людей, которые по своему легкомыслию многое в дурную сторону перетолковывают; **«и совесть их, будучи немощна, оскверняется»** (1Кор.8:7). **«Пища ее приближает нас к Богу»** (1Кор.8:8). **«Не то, что входит в уста»**, говорит Спаситель, **«оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека»** (Мф.15:11). Таким образом, употребление в пищу разного рода кушаний (в этом отношении) безразлично. **«Едим ли мы»**, говорит апостол, **«ничего не приобретаем; не»** сдам **«ли, ничего не теряем»** (1Кор.8:8). Но непристойно в трапезе, демонам посвященной (1Кор.10:20), принимать участие тем, которые удостоиваются питания Божественного и духовного (участия в агапах). **«Или не имеем мы права есть и пить»**, говорит апостол, **«и жен водить?»** (1Кор.9:4-5) Но именно только через господство над сладострастием мы в состоянии сдерживать и желания. **«Берегитесь однако же, чтобы эта свобода** ваша не послужила соблазном для немощных» (1Кор.8:9).

Итак, нам непозволительно по примеру сына евангельского богача, живя расточительно и беспутно, злоупотреблять дарами Отца. Мы должны пользоваться ими, как следует это господам не питая к ним страстной склонности. Потому что мы поставлены повелителями быть над пищей и господами, а не рабами ее. Представляет собою нечто славное и дело усилий достойное, обратив взор из дольного сего мира к истине, пристраститься душой к Божественной этой, яко горе, пище, наполняться ненасытимым созерцанием истинного Сущего, испытывая при этом удовольствие непреходящее, несомненное и чистое. Что так именно должно участвовать в вечерях любви (агапах), открывается это из того, что при этом принимаем мы тело Христово. Вообще неразумно, неприлично и человека недостойно, упитывая себя по образцу откармливаемого скота, готовить из себя жертву

смерти; – смотря на землю, наклонившись над уставленными земной пищей столами, проводить жизнь обжор, истинное счастье здесь на земле (высшее благо) некоторым образом в землю зарывая, променяв на жизнь (на лакомый стол), не имеющую будущности, только глотке угождая, из-за нее поваренного раба выше ценя, чем свободного земледельца. Мы не воспрещаем обхождения с кубками вокруг трапезующих, но относимся подозрительно к этому обычаю, как к обычаю сомнительного значения, и в качестве такого считаем оный дурным. Слостолюбия, следовательно, мы должны избегать, хотя в исключительно редких случаях и при настоятельной необходимости в этих нарочитых пиршествах мы и можем принимать участие. «И если кто-нибудь из неверных вас позовет и мы рассудим туда идти, –» ибо хорошо и не поддерживать отношений с людьми, себя ведущими неприлично (1Кор.3:9, 11; 2Сол.3:6, 11, 14), – то имеем мы дозволение «**все предлагаемое есть и в своей совести не беспокоиться**» (1Кор.10:27). Подобным же образом «**продаваемое на рынке**» апостол советует «**покупать**» без всякого беспокойства совести и без особенно тщательного, но бесполезного расследования. Не следует от разнообразных кушаний совершенно воздерживаться, но не должно и особенно серьезно ими интересоваться. Предлагаемое должно вкушать, как это и пристойно «**христианину**», из вежливости к хозяину, но только до некоторой невинной при сопребывании в одном и том же месте общительности, не превышающей границ умеренности. Внутренне нужно быть равнодушными к изысканности предполагаемых кушаний; не должно особенно важное значение предавать, им, через короткое время существовать переставшим. «**Кто ест**, не унижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест» (Рим.14:3). И несколько далее излагается и основание этой заповеди, ибо говорится: «**Кто ест, для Господа, ест**, ибо благодарит Бога. И кто не ест, для Господа, не ест и благодарит Бога». (Рим.14:6). Правое вкушение пищи, следовательно, есть благодарение.

Кто постоянно проникнут чувством благодарности к Богу, тот не может быть предан чувственным удовольствиям. Если же кого и из соугощаемых мы желали бы обратить к умеренности, то тем воздержаннее должно быть по отношению к лакомым блюдам нам самим, выставляя себя самих блестящим примером добродетели (умеренности), подобно тому, как сами мы такой имеем во Христе. «**Если пища** соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек», говорит апостол, «**чтобы не соблазнить брата моего**» (1Кор.8:13). Ничтожной воздержанностью я располагаю к себе человека. «**Или** мы не имеем власти есть и пить»? (1Кор.9:4) «**Мы знаем истину**», говорит апостол, «**и что в мире никаких нет демонов**», и что существует действительно только один Бог наш, из Которого все и одни Господь Иисус. Но от этого «**твоего знания гибнет**» немощный брат, за которого Христос умер. А оскорбляющие так немощных братьев против Христа грешат» (1Кор.8:6, 11, 12). Так в своей заботливости о нас апостол делает различие между пиршествами. «**Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, иди лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницей или хищником; с таким даже и не есть вместе**» (1Кор.5:11), будет ли это для простой беседы или для еды: апостол страшиться такого же бесславия от того, как от участия в языческих жертвенных пиршествах.

«Лучше не есть мяса, не пить вина» (Рим.14:21), таков совет апостола и пифагорейян. Есть нечто животное в том; тяжелые и нечистые пары, поднимающиеся от мясных кушаний омрачают душу. Впрочем, если кто и питается ими, не погрешает. Только пусть происходит это в меру; пусть тот не ставит себя в зависимость от этого рода кушаний, пусть он не становится рабом их, пусть не набрасывается на них с жадностью, потому что некий голос шепчет ему на ухо такие слова апостол: «Ради пищи не разрушай дела Божия» (Рим.14:20). Глупость это, вкусив от (духовных) наслаждений, нам предлагаемых Лог«осом», изумляться и приходить в оцепенение от предлагаемой на общественных пиршествах. Но представляет собой верх глупости следить глазами за каждым кушаньем с такой жадностью, как будто бы слугами обносимо было оно, само это ваше сладострастие. Ужели это прилично (для осмотра несомых кушаний) с лож приподниматься, лицом кушаний почти касаться, с ложа, как бы из гнезда какого, вниз наклоняться, чтобы, как обыкновенно говорят, «разносящиеся испарения носом обонять»? Ужели это не нелепо руками в лакомствах рыться, то к одному из них, то к другому их протягивать, уже не по образцу людей, отведывающих, себя удовлетворяя, но на манер грабителей неумеренно и неблагоприлично наслаждению предаваясь? Если посмотреть на людей этого рода (во время Принятия ими пищи), то из-за жадности их можно подумать, скорее, что видишь перед собой каких-то собак и свиней, а не людей; они так торопятся наедаться, что от пищи, принимаемой зараз на обе челюсти, раздуваются сразу обе щеки, жилы на лице набухают; от постоянного вследствие жадности судорожного смыкания челюстей выступает пот на лице, от изнеможения тяжело они дышат, пища при этом, втискивается в желудок с безрассудной поспешностью – как если бы это был провиантский какой мешок, а не пищеварительный орган. Неумеренность и во всех других отношениях дело дурное, в пище же неумеренность сопровождается особенно вредными последствиями. С отношением к оным жадность по-гречески называется οψοφαγία, она есть не что иное, как неумеренность в употреблении вкусной пищи; называется она еще обжорством, λαίμαργία, т. е. некоторого рода бешенством глотки; и – γαστριμαργία, неумеренностью в пище, которая, как самое это слово показывает, есть род чревного бешенства, потому что μαργος то же значит, что и бешеный. Тех, посему, кто особенно в пище обнаруживает свое нечестие, порицая, апостол говорит: «Всякий поспешает прежде» других «есть свою пищу», так что «иной» бывает «голоден», а «иной упивается. Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете неимущих»? (1Кор.11:21-22) Но наравне с домовладельцами и те, кто без всякого стеснения себя (на общественных вечерах) наедаются, ненасытимые в еде, самих себя при этом позорят. И те, и другие поступают дурно: одни обижая бедных, другие, обнаруживая перед богатыми свою неумеренность. Потому апостол счел за необходимое против потерявших всякий стыд и обнаруживавших на обедах свою жадность, против ненасытимых, для которых все еще мало было, снова и вторично возвысить свой недовольный голос: «Посему, братия мои, собираясь на вечерю, друг друга ждите. А если кто голоден, пусть ест дома, чтобы собираться вам не на осуждение» (1Кор.11:33-34).

Далеко себя держать должно, следовательно, от всякого рода действий низких и рабских и воздерживаться от всякой неумеренности; предлагаемых кушаний с благопристойностью касаться должно; остерегаться следует, как бы не запачкать рук, разостланной скатерти, подбородка; ни должно есть с жадностью, искажающей черты лица; ни другого никакого неприличия не позволять себе при питье и еде, руку к ним простирая скромно и с перемежками. Наблюдать должно, чтобы и не говорить с полным ртом, потому что звуки голоса, если они должны бывают проходить между наполненными щеками, не могут быть определенными и вразумительными; и язык, пищей обремененный и в своем естественном действии затрудненный, издает звуки сдавленные. Неприлично также зараз и пить, и есть: это знак величайшей невоздержанности, сливать в одно два действия совершенно различные. «**Едите ли, пьете ли, все делайте во славу Божию**» (1Кор.10:31), говорит апостол, указывая цель нашим стремлениям в действительной неприхотливости. На нее-то, как мне кажется, и Господь указал, благодарение Отцу принеся за хлебы и жареные рыбы, которые дал Он на обед своим ученикам, и нам в этом подав прекрасный пример питания простого и неизысканного. Потому и рыба, которую Петр по велению Господа изловил (Мф. 17:27), есть символ Богом подаваемой пищи легкой и простой. Рыбами, из воды вытаскиваемыми, Он напоминает нам, чтобы мы, идя на приманку праведности, оставляли невоздержанность сребролюбие, подобно тому, как рыбой была отдана монета. А чтобы мы оставляли суетное славолубие, к этому Он побуждает нас передачей статира сборщику податей: «**отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу**» (Мф.22:21) Может быть, это повествование Евангелия о статире объяснено еще и иным образом; но в настоящем случае нам, обращающимся мыслью к дальнейшим темам своего сочинения, входить в этот предмет нет времени, потому что относительно настоящего предмета (что должно соблюдать касательно пищи) сделанных напоминаний, совершенно согласных с цветами (с учениями) Логоса, вполне достаточно. Но так как и ранее обсуждаемую тему мы часто разъяснили местами Писания, то и теперь оросим это растение Логоса (обсужденный предмет) из того же источника (т. е. резюмируем сказанное, опять привлекая в свою речь места из Писания).

«**Все мне позволительно, но не все полезно**» (1Кор.10:23).

Делая все дозволенное, весьма часто приходят к тому, что начинают делать и недозволенное. Как из богатства не происходит справедливость и из роскоши – умеренность, так и в раздольной жизни не приобретается введение христианина. Потому что стол непорочности и святости ума и жизни на весьма большое расстояние удален от стола обставляемого кушаньями, потворствующими чувственности и возбуждающими сладострастие. Потому что хотя и все сотворено ради человека, но нельзя же из всего и во всякое время делать употребление; обстоятельства время, род и образ пользования, цель – все это для наставляемого(Логосом) имеет немалое значение в определении того, что именно для него полезно. Но этим пристойным является то, чем обуславливается его приличие и чему свойственно жизнь чреву сдерживать. Богатством же вызывается эта чреватая жизнь; не острым зрением оно смотрит на чревоугодие, но с глазами зажмуренными. В отношении же к необходимому никто не беден, ни один человек не забыт.

Один и тот же единый Бог постоянно пищу подает и тварям воздушным и водным – одним словом, всем же неразумным; и не имеют они недостатка ни в чем, хотя о пище и не заботятся (Мф.6:26). Мы же выше их, потому что состоим их господами; мы Богу более родственны, потому что разумнее их; и не для еды и питья мы созданы, а для познания Бога. «Праведник», говорится, «ест до сытости, а чрево беззаконных терпит лишение» (Притч.13:23), ибо он предан своим постыдным пожеланиям, которым нет конца.

Но так как богатыми устраиваются пышные и дорогостоящие пиршества не для своего только личного удовольствия, а имеют они общественное назначение, то должно на них воздерживаться от такого рода кушаний, которые и без голода в нас позыв на еду возбуждают, аппетит наш вводя в заблуждение некоторого рода обольщением и чародейством. Разве нельзя, и в простой пище наблюдая умеренность, находить множество таких родов ее, которые способствуют здоровью? Таковы: лук, оливы, разные сорта овощей, молоко, сыр, фрукты и множество других кушаний, приготовляемых без раздражающих приправ; если нужно, то включать можно в свой рацион и мясо в жареном виде или же в вареном. «Есть ли у вас здесь какая пища» (Лк.24:41-44), говорил Господь своим ученикам по Воскресении. Ученики же, наученные Господом жить просто, предложили ему часть жареной рыбы. «И, взяв, ел пред ними», говорит Лука, «И сказал им: вот то, о чем Я вам говорил». Кроме этих кушаний вкушающие в духе Логоса имеют право не отказывать себе в употреблении в пищу десертных плодов и медовых сот, потому что к числу кушаний, пригодных для нас, относятся особенно те, которые тотчас же, не разводя огня, можно съесть, так как скорее и легче могут быть приготовляемы. Во вторую группу входят более простые и обыкновенные кушанья, нами выше названные. При столах же тех, кто к прихотливым кушаньям имеют склонность, кто через то свои страсти питают, прислуживает демон злейшего сладострастия, которого я не затрудняюсь назвать демоном чревоугодия, потому что он действительно походит на так называемого чрево вещательного демона. Много лучше быть ευδαίμων (благоденствующим), нежели βαίρωνα εχέιν σπυριοίкον, нежели демона иметь своим сожителем; ευδαίμωνια же, (благоденствие) состоит в практиковании добродетели.

Апостол Матфей употреблял в пищу лишь хлеб, фрукты и огородные овощи без мяса. Иоанн (Креститель) постигал воздержанность далее и питался «акридами и диким медом» (Мф.3:4; Мк.1:6). Петр воздерживался от свиного мяса. Но «почувствовал он голод», как пишется в книге Деяний, «и хотел есть. Между тем, как приготовляли, он пришел в исступление и видит отверстое небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю; в нем находились всякие четвероногие земные, звери, пресмыкающиеся и птицы небесные. И был глас к нему: встань, Петр, заколи и ешь. Но Петр сказал: Нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного иди нечистого. Тогда в другой раз» был «глас к нему: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым» (Деян.10:10-15). Точно так же и мы все без различия можем употреблять в пищу, ибо не «входящее в уста оскверняет человека» (Мф.15:17-18), но греховное расположение к неумеренности. Создав человека, Бог сказал: «Все будет вам в пищу» (Быт.9:2, 3). И все же «лучше блюдо зелени, и при нем любовь, нежели откормленный бык,

и при нем ненависть» (Притч.15:17). Этими словами наминается о том, что ранее нам сказано, – что сущность вечери любви не в салатах (не в простоте кушаний), а в любви, какая должна проникать собою пиршество. Но если средний путь лучший во всем, то он должен быть наблюдаем особенно при устройении пиршеств; крайности опасны, а средние пути правильны; под средним же путем я разумею отсутствие недостатка в необходимом; необходимым же является все, что служит к удовлетворению естественных потребностей.

Воздержанность законом иудеев вменялась им в главнейшую обязанность. Несметное количество разных родов пищи Педагогом было запрещено иудеям через Моисея. Объявлены им были и основания того, отчасти сокровенные, духовные, отчасти же явные, плотские; в последние они еще и по сию пору верят. Воспрещено было одними из этих законов употребление в пищу животных, не имеющих раздвоенного копыта; другими – животных, не отрывающих жвачки; из водных животных – тех, которые не имеют чешуи (Лев.11:1; Втор.14:1), так что число животных, которых позволялось им употреблять в пищу, сводилось к очень ограниченному количеству. Но из числа и этих не позволено им было употреблять в пищу околевшее, принесенное идолам в жертву, задушенное; этого было запрещено им даже и касаться. Так как невозможно, чтобы получивший привычку к кушаньям, льстящим чувственности, отказался от употребления их, то Логос противопоставляет такому иной образ жизни, неослабно стараясь противодействовать даже и зарождению этой глубокой и кипучей склонности к удовольствиям. Слостолюбие часто приносит людям вред и зло; многоедение притупляет восприимчивость души, влияет на ослабление памяти и силы рассудка; говорят даже, что организм и малых детей при скудном питании складывается крепче и вырастает в высоту более, потому что дыхание, питающее собой тело, пронизает его, но и разливается тогда по нем с большей легкостью, между тем как излишек в пище стесняет его пути. Посему-то Платон, ревностнее всех остальных философов стремившийся к истине, блистая в своих творениях некоторыми искрами еврейской философии, осуждает жизнь людей изнеженных и преданных слостолюбию. «Когда я прибыл, говорит он, в Италию и в Сиракузы и познакомился с жизнью, там считаемой за счастливую и состоящую в постоянных пиршествах, то эта жизнь мне нисколько не поправилась. По дважды на день есть без меры и даже и ночью не спать одному и спокойно, таковы вместе с иными следствия такой жизни. Ни один человек под солнцем, обладай он от природы и отличнейшими дарами, не может быть благонравным и благоразумным, если с юности он так живет» («Platon», Epist. VII hand longe a principio). Платон, без сомнения, слышал кое-что о Давиде, как этот, поставив ковчег завета в скинии, среди отечественного своего города, всему перед этим преклонявшемуся народу устроил перед лицом Господним праздник, раздав всей массе Израиля, от мужа даже до жены, каждому по большому хлебу квасному, по куску жареного мяса и по одной лепешке (2Цар.6:17-19; 1Пар.16:1-3). Такова была простая пища израильская; языческая же – изысканна. Кто этой питается, тот не о том заботится, чтобы мудрым быть, а погребает тот свой разум в чреве и, таким образом, совершенно уподобляется той рыбе, которую называют ослом и

которая, по Аристотелю, одна только из всех животных носит сердце в чреве. Комик Епихарм называет ее толстобрюхом.

Таковы люди во чрево верующие. «Их – чрево, и слава их – в сраме: они мыслят о земном», апостол не предвещает им ничего доброго. «Их конец», говорит он, «погибель» (Флп.3:19).

Глава 2

Как должно вести себя в отношении питья

«Употребляй немного вина, ради желудка твоего» (1Тим.5:23), советует апостол своему ученику Тимофею, пившему одну воду. Весьма целесообразно человеку больному и сырому рекомендует он употребление средства, содействующего компактности организма. Но при этом апостол советует пользоваться им умеренно, «немного», давая понять этим, что употребление средства этого в дозе большей потребовало бы само для себя лекарства. Напитком естественным и поддерживающим трезвость, всего лучше утоляющим жажду, является вода. Именно этот напиток как единственно соединимый с умеренностью Господь даровал древним евреям, источив его из стремнистого утеса (Исх.27:1; Чис.20:1). В их кочевой жизни воздержанность была особенно благопотребна. Позднее священной виноградной лозой произведена была Пророчесственная Гроздь (т. е. Агнец). Она является знаменiem для тех, кто вследствие воспитательного влияния Логоса от блуждания (по распутьям) возвратились к покою. Знаменiem этим служит великая гроздь эта, Логос, который за нас был выжат. Кровь этой виноградной лозы, т. е. Логоса, восхотела растворенной быть водой, почему кровью Агнца и посредуется наше спасение. Две природы свойственны крови Господней: одна – телесная, через которую (при питье) мы от смерти освобождаемся (это кровь искупляющая, спасающая); другая – духовная, через которую (при питье) мы помазуемся (т. е. очищаемся: это кровь очистительная); а питье крови Иисуса равносильно принятию участия в Господнем бессмертии. Силой же Логоса (Агнца) является Божественный Дух, подобно тому, как сила тела в крови; потому соответственно этому подмешивается к воде вино, а с человеком соединяется Дух; одно – смешанный напиток, дается для веры; другое – Дух, ведет к бессмертию. Смешение же обоих, питья и Логоса называется Евхаристией, т. е. хвалебной и преславной благодатью; потому что с верой приобщающиеся этого таинства освящаются и по телу, и по душе; волей Отца это божественное смешение, т. е. человек, таинственно соединяется с Духом и Логосом; потому что Святой Дух с оплодотворяемой Им душой (через это таинство) становится едино, а с Логосом (в нем) плоть (объединяется), из-за которой некоторым образом (собственно) и «Слово стало плотью» (Ин.1:14).

Поэтому я удивляюсь тем, которые, выбрав жизнь строгую и довольствуясь напитком воздержанности – водой, избегают вина, как если бы это был какой огонь, грозящий пожаром. Достаточно, если безусловно будут воздерживаться от этого врачебного средства молодые люди обоого пола. Не годится к пылу юности присоединять жар еще горячительнейшей из всех жидкостей, т. е. вина: это значило бы к огню присоединять еще огонь. От

такого смешения вспыхивают грубые и дикие пожелания и пламенные страсти, возникает горячность нрава. Молодые люди, внутренне разжигаемые, потом особенно склоняются к чувственности, так что гибельное влияние вина открывается уже на их теле. Члены плотского вожделения созревают ранее, чем это необходимо; разжигаемые вином, эти люди становятся еще страстнее; груди и половые части припухают и начинают представлять собой картину уже распутства: рана душевная переносит пожар и на тело: бесстыдные движения ищут удовлетворения, людей, до того времени бывших добропорядочными, склоняя к беззаконности; виноградный сок юности начинает литься через край стыдливости. Вот поэтому-то и нужно стараться всеми возможными средствами зарождающиеся страсти молодых людей заглушать, удаляя от них пламя этого огня, грозящего вакхическими опасностями, и вводя в них элементы, которыми жар уже курящейся их души охлаждался бы, приток соков к их половым частям которыми задерживался бы, и огонь страстей, уже начинающих в них возгораться, которыми был бы погашаем.

Переживающим цветущий возраст развития сил, если обед по необходимости приходится им принимать в течение дня, следует есть один только хлеб, от питья же вовсе воздерживаться: сухостью пищи излишек находящейся в теле влаги при этом бывает всасываем как бы какой губкой. Этим устраняется необходимость постоянно плевать, сморкаться и в отхожее место бегать, что служит признаком невоздержанности, так как вследствие чрезмерного введения в тело влаги, она начинает нас беспокоить. Если начинает мучить кого жажда, то средством к удовлетворению ее может служить небольшое количество воды. Небольшое, потому что и воды много пить не полезно: можно слишком развести ею питательные соки пищи; малое же ее количество способствует пищеварению, сгущает пищу в компактную массу и потом уже небольшое количество ее извергается из нас путем экскрементов.

Вообще, особенно при размышлении о вещах божественных, пристойно не отягощать себя вином. «Вино, водой не разбавленное, не очень-то способствует размышлению», говорит комик; о том же, что оно всю мудрость заглушает и ниспровергает, я уже умалчиваю. Впрочем, вечером за ужином можно употреблять немного вина, если только мы не намерены тогда бываем заниматься чтением, которое высшей трезвости требует. Воздух тогда становится холоднее, чем во время дня, так что при ослаблении внутренней теплоты приходится ее поддерживать введением в организм тепла постороннего и извне. Но даже и в это время следует пользоваться вином умеренно; не должно и в это время доходить до разнузданного употребления для смешения вина целых чаш.

Людам уже старым для возбуждения энергии, ослабленной годами, и восстановления истощающихся сил, можно позволять употребление вина в дозах и несколько больших. Уже охладевшую свою природу, потухающий пламень своего возраста, не опасаясь особенного вреда для себя, они могут возбуждать кровью виноградной лозы. У старцев, обыкновенно, уже не вспыхивает пламенных страстей; нечего им больше бояться кораблекрушений от опьянения. Твердо стоя на якорях разума и опытности, без особенных усилий они выдерживают бури страстей, возбуждаемые и освобождаемые от

оков опьянением. Позволительно им занимать других за столом и более веселыми шутками. Но и для них в употреблении вина есть границы, определяемые скромностью и приличием: мышление должно при этом у них оставаться незыблемым, воспоминание свежим, тело под тяжестью вина не должно спотыкаться и колебаться; люди, в таких вещах сведущие, называют подобных людей порядочно зарядившимися. В самом деле, чем падать не лучше ли будет не доводить себя до падения?

Некто Арторий, как мне помнится, в своей «Макробиотике», выражает мнение, что пить нужно для того лишь, чтобы смочить пищу, и это будто бы самое верное средство для продления жизни на возможно большее время. В порядке вещей, следовательно, пользоваться вином как некоторого рода лекарством и, притом, исключительно в видах здоровья, с другой стороны, для развеселения себя и рассеяния. Прежде всего, вином улучшается против прежнего расположение духа; оно настраивает выпившего дружественнее по отношению к собеседникам; более мягким и добрым его делает в обращении с прислугой, любезнее с друзьями. Но лишь только задень выпившего: он выйдет из себя и за оскорбление воздаст оскорблением.

Так как вино – напиток горячительный и содержит соки сладкие, то, будучи правильно смешано, смягчает оно своей теплотой экскременты и сообщает острым и дурным сокам благовонную подмесь. Метко поэтому слово Священного Писания: «**Отрада сердцу я утешение** душе – вино, умеренно употребляемое вовремя» (Сир.31:31, 33). Особенно хорошо к вину подмешивать возможно более воды, но пить эту смесь нужно не для удовлетворения жажды, как воду, и, таким образом, не доходить через пьянство до совершенного тупоумия; и не следует в пристрастии к вину, (хотя бы и смешанному с водой), его пить много, как если бы это была вода; обе эти вещи суть творения Божий, и поэтому смешение обоих, воды и вина, содействует здоровью. И вся жизнь, ведь, слагается из необходимого и полезного; к необходимому, следовательно, т. е. к воде как существующему в большом количестве следует примешивать немного полезного, т. е. вина. Вследствие неумеренного употребления вина заплетается язык; уста лалыкают; взор извращается, и глаза начинают блуждать, плавая в значительном количестве как бы какой жидкости; они вынуждены бывают доставлять ложные впечатления и заставляют думать, что все около как будто кружится; отдельных предметов вдали они не могут сосчитать. «Мне кажется, как будто светят там два солнца», говорил пьяный фивский старец. Под влиянием винной теплоты трепеща, зрительный нерв воспринимает впечатления от одного и того же предмета многообразные; все равно, зрительный ли нерв находится в движении или видимый предмет; и то, и другое влияет на зрение одинаковым образом, потому что объект, вследствие мелькания, не может быть различен ясно. И шаги при этом становятся неуверенны, идти приходится как будто по волнам. Наконец, тошнотой, рвотой и бессознательным состоянием завершаются эти жалкие удовольствия.

Трагический поэт говорит:

«Всякий пьяный человек
Является рабом своего гнева и лишен рассудительности.
С языка у него текут речи пустые.
Ближнего поносит он, а речей поносных,

обращенных к нему к самому, он не переносит».

И премудрый еще прежде трагика сказал: **«Излишнее употребление** вина увеличивает ярость неразумного до преткновенения, умаляя крепость его и причиняя раны» (Сир.31:33). Поэтому многие думают, что на пиршествах можно позволять себе свободу, а дела серьезные откладывать на утро. Я же думаю, что именно сюда-то в качестве застольного товарища и нужно приглашать разум, (Логоса), чтобы руководил он собранием подвыпивших людей и наблюдал, как бы застольные удовольствия мало-помалу не перешли в постыдное пьянство. Если ни один разумный человек не спит не закрыв глаз, то никто серьезно не может и того желать, чтобы разум (Логос) с пиршества уходил; плохим нам был бы разум (Логос) помощником, если бы с наступлением дня и дневных дел он спать ложился. Ведь и первообразный Разум (Логос) с теми, кто обращаются с Ним дружественно, никогда не расстается, даже во время сна, потому что должно нам призывать Его, и ко сну отходя. Мудрость совершенная в качестве науки о вещах божеских и человеческих собою обнимающая все, есть искусство жизни, потому что она бодрствует над человеческим стадом; постоянно состоя при нас, постоянно в течение всей нашей жизни своей благодетельной службой занятая, она руководствует нас в правом образе жизни. Несчастные же, которые со своих вечерь разумную умеренность прогоняют, находят свое удовольствие при пиршествах в чрезвычайных попойках. Разгул, похмелье, бани, необузданность, ночные горшки, праздность, запой – вот их жизнь. Можно некоторых из них и полупьяными видеть, качающимися на своих ногах, с венками на шее, как если б это были амфоры какие; под предлогом дружбы они пьют вино друг с другом из одного и того же кубка. Другие, с кружащейся от хмеля головой, грязные, с бледным лицом, с мертвенной синевой в нем, к хмелю вчерашнему прибавляют на утро новый. Прекрасно поэтому, друзья мои, прекрасно, если эта смешная и вместе жалкая картина научит нас питать отвращение к этому пороку и если заставит нас свою жизнь устраивать по лучшим образцам, пронизывая нас страхом, как бы и нам не представить собой для других подобного же смешного зрелища.

Прекрасно и метко сказано: **«Печаль испытывает крепость** лезвия закалкою; так вино испытывает сердца гордых – пьянством» (Сир.31:30). Охмеление (μεθη) посему есть неумеренное употребление неразведенного водой вина. Опьянение (παροῦσα) есть происходящее из охмеления непристойное поведение. Похмелье (κραπαλη) есть тошнота и нездоровье, следующие за охмелением, и называется оно так от (непроизвольного) движения (παλλειν) головы (καρα). Косясь на столь легкомысленную, проводимую в постыдных удовольствиях жизнь, собой погашающую весь свет душевный, – если только можно ее назвать жизнью – Божественная премудрость заповедует своим чадам: **«Не будь между упивающимися** вином, между пресыщающимися мясом: потому что пьяница и пресыщающийся обеднеют, и сонливость оденет в рубище» (Притч.23:20-21). Сонливым здесь называется всякий, не одушевляющийся мудростью и погружающийся в сон вследствие охмеления. «Пьяный», говорится далее, «оденется в рубище и стыдиться он должен будет своего охмеления пред теми, которые его видят». Дыры на телесной ткани, причиняемые этого рода постыдным служением

страстям, суть как бы окна на грешнике; сквозь эти можно бывает проникать взором в позор его души, в грех, при котором трудно сохранять в целостности ткань телесную; поэтому повсюду она оказывается разошедшийся по швам, множеством желаний приведенной в состояние дряблости, к поправке (к спасению) негодной. Вот почему Премудрость достозамечательно прибавляет: **«У кого вой? у кого стон? у кого ссоры? у кого горе? у кого раны без причины?»**? (Притч.23:29) Посмотрите на совершенно истрепанного (и по душе, и по телу) винопийцу. Самым разумом (Логосом) пренебрегает он и предаётся пьянству. Какими ужасными вещами грозит ему Священное. Писание! К этим оно присоединяет еще такую угрозу: **«У кого мутные глаза? Не у тех ли, которые разведывают, где попойки даровые»**? (Притч.23:29-30). Здесь Писание, говоря о мутных глазах, тем самым свидетельствует, что для Логоса пьяница уже мертв; мутные глаза, ведь, служат отличительным признаком трупа; выражением этим, значит, дается понять, что пьяница мертв для Господа. Пренебрежение законами, собой обуславливающими истинную жизнь, ведет к гибели. Поэтому-то Педагог, заботясь о нашем благе, дает нам такую строжайшую заповедь: **«Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше, как оно ухаживается ровно»**. Почему? – спросишь ты. Потому, отвечает Он, что **«впоследствии, как змей, оно укусит, и ужалит, как аспид: глаза твои будут смотреть на чужих жен, и сердце твое заговорит развратное; и ты будешь как спящий среди моря и как спящий на верху мачты»** (Притч.23:31-34). Здесь присоединяется к нам и поэт на помощь, говоря:

Если входит в человека со своею огненной силой вино,
Производит оно волнение в душе,
подобное волнению Ливийского моря,
Взрываемого от севера к югу.

И далее:

Вино болтливо;
вино открывает тайны сердца;
для пьющих оно губительно;
Душу собой оно обольщает.

Замечаете ли опасность кораблекрушения? Сердце вином омывается при пьянстве как бы волнами. Избыток вина писатель книги Притчей сравнивает с бурным морем, в которое тело окунулось; и, как корабль, погружается оно в бездну позора, погребяемое под третьей волной вина. Кормчий же, т. е. человеческий рассудок, волнением отбрасывается туда и сюда, будучи осиливаем пьянством. На этом море блуждает он в темноте бури, будучи никак не в состоянии попасть в гавань истины, пока, наконец, наехав на подводные утесы, он не разбивается о них и не погибает в море сих постыдных удовольствий.

«Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство», говорит апостол (Еф.5:18). Словом распутство, ασωτία, он обозначает здесь το ασωτον, невозможность спасения для пьяниц. Потому что, хотя Господь на браке и претворил воду в вино, все же этим не дал Он понять, что можно вином упиваться. Что водянисто было в духе закона, то оживотворил Он, исполнив исполнителя его, начиная с Адама, т. е. мир весь, своею кровью и даровав душам богобоязненным, когда время исполнилось, из виноградной

лозы напитков истины, смешение древнего закона с новым Логосом. Писание под образом вина обозначило, следовательно, таинственный символ святой крови. Указывая же на дурные последствия пьянства, оно говорит: «Вино – глумливо, сикера – буйна; и всякий, увлекающийся им, неразумен» (Притч.20:1).

Но с требованием здравого разума совершенно согласно пить вино зимой во время холодов, дабы тем, кто к зябкости склонны, не зябнуть; в другое же время позволительно употреблять его в качестве вспомогательного средства органам пищеварения. Потому что как есть нужно, чтобы не голодать, так и пить для того следует, чтобы не томиться от жажды; и все же от падения при этом тщательно нужно оберегаться; некоторого рода опасностями грозит вино, если прокрадется в телесный организм. Таким образом, пусть остается душа наша чистой, сухой и световидной; сухая душа есть мудрейшая и прекраснейшая, к созерцательности всего более расположенная; она не увлажняется восходящими винными парами, не бывает отуманиваема и ограничиваема ими как бы каким тяжело нависшим облаком. Не нужно, следовательно, очень старательно добиваться вина хиосского, если б домашнее дошло, или ариусского, если никакого другого нет. Жажда есть, ведь, ощущение потребности и утешается она средствами естественными, а не тщеславием; пожелание же души разнеженной, плод неумеренности, добывается вин заморских, привозных, потому что пожеланиям свойственно омрачать душу еще прежде опьянения. Потому-то есть приправленное вино фасосское, и ароматическое лесбосское, и приятное критское (изюмное), и сладкое сиракузское, и мендесийское; есть сорта вин египетских, и с Наксосу острова вино, и пахучие сорта из земель итальянских – имена им легион. Для употребляющего вино в меру довольно вина одного сорта, – того, которое через плоды поля является даром единого Бога. И почему бы для утишения желаний не довольствоваться тем одним сортом вина, которое в данной местности производится? Не подражать же нам, в конце концов, тем безрассудным царям, которые даже воду для себя приказывали привозить из-за границы. (Есть в Индии река, по имени Хоасп, с прекраснейшей водой для питья). Значит, как в винах есть знатоки, подобно этому есть знатоки и воды. Дух Святой жалуется на богачей, и в этом отношении изнеженных, говоря через пророка Амоса: «Лежите на ложах из слоновой кости и пьете из чаш вино» (Ам.6:4, 6). И прочее прибавляет пророк им в порицание.

При употреблении вина более всего должно заботиться о приличии (с отношением к тому, по мифу, ведь и Афина, – пусть в других случаях она могла быть чем ей угодно, – из-за искривления черт лица, отбросила флейту, в которой столько удовольствия находила). При употреблении вина черт лица изменять, следовательно, не должно и не кривить их; и потом перед видом напитков не должно оцепенелых глаз делать, затем жадно их останавливая на одном каком-нибудь. Не должно и подбородок обливаться; стараться следует как бы и свою одежду не замочить, и не вливать в горло всю порцию зараз, из фиалов (питейных чаш) лицо себе только что не омывая. Представляет собой постыдное и неприличное зрелище невоздержанности и то журчание, когда напиток за один дух, бывает, выпиваем, как бы пролившимся каким дождем вниз ниспадая и как бы в какой глиняный сосуд будучи выливаем, между тем как глотка при быстром проглатывании издает гортанные звуки. Кроме того,

любовь к выпиванию есть пристрастие опасное для того, кто ему отдается. Не очень-то поэтому, друг мой, торопись с вредом своим. Никто, ведь, не отнимает у тебя твоей бутылки; для тебя, ведь, она и поставлена, и ждет тебя. Не все равно что пить, что набивать брюхо, представляя из себя как бы какую дыру. Твоя жажда все равно будет утолена, если ты и медленнее будешь пить, наблюдая приличие и напиток надлежащим образом разделяя. Время не унесет у тебя того, что ты с такой алчностью в себя вливаешь. **«Против вина не показывай себя храбрым»**, говорится, **«ибо многих погубило вино»** (Сир.31:29). Пьянством особенно отличаются скифы, кельты, иберияне, фракияне – народы сплошь воинственные; и они думают, что, предаваясь пьянству, предаются занятию прекрасному и их осчастливливающему («Platon», De legibus 1, 777); мы же, народ мирный, садимся за стол для наслаждения, а не для разнузданности; мы вкушаем от напитка дружественности в меру, через него, поистине, обозначая лишь дружественность наших связей. Как, по вашему мнению, Господь вина касался и его вкушал, ради нас плоть человеческую приняв? Столь же бесстыдно как мы? Без соблюдения тонких приличий и порядков? Столь же нерассудительно? Вы знаете, что и Он употреблял вино; Он, ведь, был человек. И возблагодарил Он за вино и сказал: **«Сия чаша есть новый завет в Моей Крови»** (1Кор.11:24-25), кровь виноградной лозы. Логоса, **«за многих изливаемая во оставление грехов»** (Мф.26:27-28), иносказательно изображает Он через то рекой радостей. А что употребляющий вино должен оставаться в разуме, показал Он через излагавшиеся Им на пиршествах учения; конечно, трезвым оставался Он, если учил. А что вином было то, за что Он благодарил, доказывает Он еще раз, говоря к своим ученикам: **«Не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое»** вино **«в Царстве Отца Моего»** (Мф.26:29; Мк.14:23). А что вино это было, что Господь пил, еще раз Он сам о себе сказал, порицая жестокосердие иудеев. **«Пришел»**, говорит Он, **«Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: “вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам”»** (Мф.11:19; Лк.7:34). Все это здесь изложено нами в опровержение заблуждений так называемых энкратитов.

Женщины, помня о своей красоте и об особенной своей обязанности наблюдать приличия, чтобы не растягивать губ, не должны пить из широких кубков, выливая напиток в уста широко раскрытые; пристойнее им пить из алебастровых с узким отверстием кубков, головы при этом назад, однако, не откидывая, шеи не обнажая, что, по моему мнению, неприлично, равно как и с вытянутой вверх глоткой напиток в горло выливать, как если бы им желательно было, сколько возможно более обнажить себя перед гостями. И рыгать, подобно мужчинам или, лучше сказать, подобно рабам – это, значит, избличать им свою страсть к пресыщению и обнаруживать тем свою неблаговоспитанность. Если уже ни одному разумному мужчине неприлично действие, достойное порицания, то тем менее женщине, которая, помятуя уже свою природу, должна стыдиться. **«Большая досада»**, говорит Писание, **«жена, преданная пьянству»** (Сир.26:10), т. е. охмелевшая жена представляет собою гнев как бы Божий. Почему? Потому что она всю непристойность несвойственного ей поведения при этом обнаруживает (Сир.26:11). Женщина быстро переходит к разнузданности, как скоро вдалась в эти постыдные удовольствия. – Выше я не воспретил женщинам пить из алебастровых чаш; но

склонность пить только из таких желаем мы как хвастовство устранить, советуя без выбора употреблять те, какие есть, через что жадности, которая ведет к падению, тотчас дальнейший путь к развитию был бы отрезан. – Воздух, устремляющийся вверх и производящий рыгание, должен быть выпускаем незаметно. Но женщинам ни в каком случае не должно позволять себе какую-нибудь часть тела обнажать перед мужчинами, чтобы при этом и тем, и другим не дойти до падения: мужчинам вследствие подстрекательства со стороны женщин к обращению внимания на них, этим – вследствие привлечения на себя взоров мужчин.

Постоянно нам должно вести себя прилично, как если бы среди нас сам Господь присутствовал и дабы слово, с негодованием обращенное апостолом к Коринфянам, не могло иметь отношения и к нам: «**Вы** собираетесь так, что это не значит вкушать вечерю Господню» (1Кор.11:20). Представляется мне, что созвездие, у математиков называемое Акефал (безголовое), перечисляемое ранее планет, со своей ко груди придавленной головой символически изображает собой людей сластолюбивых, сладострастных и преданных пьянству. И у них душа сидит не в голове, а помещается в ненасытных внутренностях, состоя рабыней постыдных желаний и ненасытности. И как Элпенор, в пьяном виде упав, сломал себе шейные позвонки («Одиссея», XI, в конце), так и их ум, отуманенный хмелем и обжорством, еще с большими быстротой и силой со своих высот низвергается в печень и сердце, т. е. обращается к погоне за наслаждениями и к страстям, тем с какими Гефест сброшен был Зевсом с неба на землю («Илиада», I, 589). «**Страдание бессонницей и холера**, и резь в животе бывают у человек ненасытного» (Сир.31:23). По этой-то причине и об опьянении Ноя записано, чтобы мы, имея перед собой ясно начертанную картину падения, особенно остерегались охмеления. Поэтому-то благословляются и Господом те, (т. е. Сим и Иафет), кто прикрыли позор пьянства (Быт.9:23-27). Совмещая все в одном слове, поэтому Писание говорит вкратце: «**Муж мудрый** вина касается слегка и на постели своей успокаивается» (Сир.31:22).

Глава 3

О дорогой домашней утвари

Употребление серебряных и золотых со вставленными в них драгоценными камнями кубков бесполезно и представляет собою оптический обман. Потому что если налить в них теплой жидкости, то сосуды те разгорячатся и опасно за них братья; если же в них налить жидкости холодной, то передаются ей свойства металла, жидкость портится и драгоценный напиток становится вредным. Пропадите, следовательно, все вы, ферикловы бокалы, и антигоновские, и канфары, и вы, лавронии, и вы, лепасты, и все другие, тысячу иных форм имеющие, и вы, холодильные сосуды, и вы, для вина ковши разливные. Золото и серебро, является ли оно имуществом частным или общественным, вовсе не составляет собственности завидной, если они излишни; приобретение их сопряжено с оскудением средств, сбережение их требует забот, в каждодневном обиходе они не необходимы. И суетную склонность к шлифованным стеклянным сосудам, которые от искусной

обработки становятся еще более хрупкими, художественность которых при питье из них лишь страх внушает вам, в своей благоупорядоченной жизни должны мы ограничить. Серебряные же стулья, чаши, уксусницы, тарелки и блюдечки, вообще, золотая и серебряная столовая посуда, а также сосуды, назначение которых стыжусь я и назвать (блевательницы).

«Из легко колющегося кедрового дерева и из какого-нибудь душистого»
_ («Одиссея», V. 60),

и из черного дерева, равно как столики о трех ножках для безделушек, сработанных из слоновой кости, кресла, имеющие серебряные ножки с инкрустированной в них работой из слоновой кости, ларцы с крышкой, которая обложена работой из золота и черепахи, одеяла пурпурные и других драгоценных цветов – все эти отменности, свидетельствующие лишь о высокомерной роскоши и составляющие предмет сластолюбивой и тупой зависти, должны быть изгнаны нами из употребления; они того не стоят, чтобы из-за обладания ими хлопотать, потому что **«время уже коротко»**, как говорит апостол (1Кор.7:29).

Еще будем беречься, чтобы смешно не одеваться, так как на праздничных процессиях часто можно видеть людей в удовлетворение наружных приличий приглашенных, примазанных, раздушенных и изумительно разряженных, внутренне же бедных. Посему апостол, ранее приведенную свою мысль развивая шире, прибавляет: **«Имеющие жен должны быть, как не имеющие; и покупающие, как не приобретающие»** (2Кор.7:29, 30). Если это говорится уже о браке, при установлении которого Бог сказал: **«Размножайтесь»** (Быт.1:28), то не с большей ли силой авторитетом этого Господня изречения порицается тугость внутреннего чувства к соблюдению более тонких нравственных приличий? Посему говорит Господь: **«Продли имение твое и раздай нищим; и приходи и следуй за Мной»** (Мф.19:21; Мк.10:21; Лк.18:22). Следуй за Господом, освободившись от суетности, от блеска скоропреходящего. Истинная твоя, твоя славная, неотъемлемая собственность, это – вера в Бога, исповедание **«Мужа скорбен»** (Ис.53:3), благотворительное человеколюбие – вот «почетнейшая твоя собственность» («Lycophron Cassandrae», v. 364). Хвалю я Платона, когда он открыто предлагает проект закона, которым бы запрещались художественные работы из золота и серебра и вообще художественно сработанная домашняя утварь, а также не позволялось бы обременять себя вещами бесполезными, существенно не необходимыми и не имеющими скромных размеров; по его проекту следует устроиться так, чтобы одним и тем же предметом можно было пользоваться для многих потребностей, а разнообразия их всем разнообразным нужно де избегать («De legibus», lib. V). Поэтому, ревнуя против самолюбия и надутой пышности. Священное Писание особенно прекрасно говорит в одном месте: **«Где князья народов и владевшие зверями земными, забавлявшиеся птицами небесными, и собиравшие серебро и золото, на которые надеются люди и стяжаниям которых нет конца? Где те, которые занимались серебряными изделиями, и которых изделиям нет числа? Они исчезли и сошли в ад»** (Вар.3:16-19). Так карается высокомерная гордость.

Если мы на полевой работе употребляем мотыгу и плуг и если никто не делает лопаты серебряной или серпа золотого, напротив, если мы

пользуемся для полевых работ материалом обыкновенным и недорогим; что же препятствует нам и в отношении к домашнему скарбу держаться того же благоразумия? В вещах, в которых необходима мера, не должно быть никакой роскоши. Прошу тебя, скажи мне: Столовый нож не будет резать что ли, если рукоятка его не будет обложена серебряными иглами и вправлена в слоновую кость? Между тем, идет на приготовление вещей режущих индийское железо, как если б дело шло о вызове противника. Как? Если умывальник будет сделан из глины, то он тогда не примет что ли с рук грязи и ножной таз с ног? Не в состоянии что ли будет стол на себе держать грошовой булки, если ножка его не будут выложены слоновой костью? Светец вокруг себя света не будет распространять что ли, если он будет произведением горшечника, а не золотых дел мастера? Я очень хорошо знаю, что и весьма скромное ложе не служит причиной более дурного сна, чем кровать из слоновой кости. И далее: только из нечестивой роскоши, этой матери всякого зла, грубым косматым покрывалом по причине его дешевизны пренебрегают, хотя оно совершенно удобно может служить и дождем, так что не будет нужды при этом ни в пурпурных, ни в финикийских покрывалах. Что это за мечтательство, что за воображаемое Чувство красоты! Наблюдайте! Господь ел из обыкновенного блюда и повелел своим ученикам возлечь на земле на траве; их ноги Он омыл препоясавшись льняным полотенцем (Ин.13:4). Бог и Господь вселенной. Он смиренно, без серебряного умывальника сошел с неба; у самарянки, черпавшей из колодца глиняным сосудом, просил Он пить; и не из царского золота утолял Он жажду, но учил делать это легкими способами. Мерилом поставлял Он потребность, а не равнодушие к добру и к лучшему. Он ел и пил на пиршествах, не выкапывая предварительно из земли металлов, не употреблял Он при этом сосудов, которые пахнут золотом и серебром, т. е. медянкой, потому что такой часто отзывают эти гордые материалы.

Вообще, пища, одежда, домашняя утварь – короче, все в доме должно быть согласовано с законом христианской жизни, иметь отношение к лицу, возрасту, призванию и времени. Служителям единого Бога идет к лицу, если и имущество, и вся домашняя их утварь носят на себе печать исключительно нравственной жизни и если каждый отдельный человек во всем вообще обнаруживает дышащий единством порядок жизни, соответствующий и сообразный с никого не различающей верой, этим одноформенным нравственным законом. Что не тяжело приобрести, то с легким сердцем и употребляется, то беречь легко, расставаться с тем легко; этого рода полезное есть лучшее; дешевое, следовательно, лучше, чем дорогое. Вообще богатство, дурно управляемое есть целая укрепленная гора греха и злодеяния. Многие, на него зарившиеся, не могли войти в Царство Небесное (Мф.19:23-24); до болезненности страстно добиваясь из-за них самих вещей этого мира, они потонули в своих порочных пожеланиях. К спасению же стремящиеся тотчас же должны освоиться с мыслью, что всякое имущество существует лишь ради употребления его и что удовлетворению потребности служит только то, что приобретается малым. Безумцы те, которые в своей ненасытимости сокровищами услаждаются. **«Зарабатывающий плату»**, говорится, **«зарабатывает для дырявого кошелька»** (Агг.1:6). Такой походит на собирающего семя в амбаре, иное запирающего там, позволяющего ему

портиться и никому его не дающего (Притч.11:24). Но совершенный позор и открытого осмеяния это достойно, если мужчины приказывают приносить себе серебряные ночные горшки и стеклянные челночки, кои как бы какого советующего друга подле себя и имеют; и это смешно, если богатые женщины обзаводятся нелепыми этими биде из золота, как если б даже этого дела (омыться) нельзя было им сделать не питая своего тщеславия. О, если б эти люди и во всей остальной своей жизни золото навозом считали! Но теперь «жадность к деньгам» оказывается как бы «Акрополисом (укрепленной горой) греха»; апостол называет ее **«корнем всякого зла; которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям»** (1Тим.6:10). Лучшим же богатством является не иметь никаких пожеланий; и истинной гордостью должна быть эта, чтобы богатством не чваниться: а им пренебрегать, Позорно гордиться домашней утварью; не следует хлопотать о приобретении вещей, которые всякий, кому угодно, может купить да рынке. Мудрости же нельзя купить на земную монету; не на рынке, а на небе она дешево продается; и купить ее можно лишь на истинную монету, бессмертным Логосам, царственным этим Золотом.

Глава 4

О поведении какого следует держаться на пиршествах

Устранена должна быть с пиршества мужа разумного и всякая необузданность, а особенно бессонные ночи с шумными попойками. К необузданности причисляю я и слушание доводящей до полного опьянения игры на флейте, которое является мостовыми перилами чувственной любви и последующей неохоты что-либо серьезное делать.

Чувственная любовь и пьянство и все гнусные и безрассудные страсти пусть имеют место где-то, вдали от нас, а не в нашем круге. И присутствие на площадях при пении переходящими каликами и местными хорами песен вольных и непристойных равносильно тому же участию в разнузданных кутежах и бражничаньи. Такие ночные собрания ведут к разгулу, увлекают к эротическим удовольствиям, собой поощряют бесстыдство. Кто часто отдается слушанию игры на флейтах, на струнных инструментах, кто участие принимает в хороводах, плясках, египетском битье в ладили и тому подобном неприличном и легкомысленном препровождении времени, тот скоро доходит и до больших неприличий и разнузданности, переходит к шуму цимбалов и тимпанов, начинает неистовствовать на инструментах мечтательного культа. Весьма легко, сколько понимаю я, подобное пиршество переходит в пьяный спектакль. **«Отвергаем деда тьмы»,** требует апостол, **«и облечемся в оружия света; как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированию и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти»** (Рим.13:12-13). Предоставим поэтому дудки пастухам, флейты – людям суеверным, поспешающим за богослужение идольское; желаем мы полнейшего изгнания этих инструментов с наших трезвых общественных пиршеств; они приличны более скотам, чем людям; пусть пользуются ими люди глупые. Слыхал я, что охотники игрой на дудках оленей околдовывают и заманивают их в тенета; ослам, когда их припускают к кобылицам, тоже

подыгрывают на флейте род брачной песни (романса); музыканты из мотивов ее составили даже особую пьесу. Вообще, должно охранять и слух, и зрение свое от заражения их всем неблагородным; мы должны быть далеки от позорной склонности к выпиванию, которая действительно есть плод тупоумия и ведет к тупоумию; она должна совершенно исключаться нравами нашего общества; мы особенно должны остерегаться удовольствий, соединенных с разнеживающей сладострастие глаза и уха щекоткой. Но именно звуки хроматические и жалобные мотивы карийской музы столь же губительны для нравов как и разные ядовитые напитки: такого рода музыка при своей разнузданности и безобразии склонность к беспорядочным пиршествам лишь раздувает.

Дух Божественный, без сомнения имея в виду именно отличить этого рода беспорядочные собрания от торжеств богослужебных, поет: «Хвалите его со звуком трубным:» звуком трубным: Он, ведь, и мертвых воскресит. «Хвалите Его» да «псалтиря» псалтирью (арфой) Господней является язык человека. «Хвалите Его в цитре:» под цитрой разуместь нужно уста, возбужденные как бы неким плектром Духом Святым. «Хвалите Его с тимпаном и ликами:» под тимпаном Он разумеет церковь, которая при звуках натянутой на барабан кожи воображает Воскресение мёртвых. «Хвалите Его на струнах и органе:» органом называет Он наше тело, а струны суть телесные нервы, собой посредствующие гармоническое его настроение; будучи трогаемо Духом Святым, наше тело издает звуки человеческого голоса. «Хвалите Его на звучных кимвалах:» кимвал – это язык во рту, ударяющий в уста. Потому сей Дух Святой взывает к человечеству: «Все дышащее да хвалит Господа» (Пс.130:3-6); Он надзирает ведь за всем дышащим, им сотворенным.

Человек поистине есть инструмент мирный. Все другие инструменты, если кто точнее к ним присмотрится, суть орудия войны; ими воспаляются желания, они разнуздывают страсти, чувственное вожделение, приводят сердце в дикое возбуждение, раздражая его и гневом наполняя. Они и действительно употребляются на войне. Этруски на войне пользуются трубами. Аркадяне – дудкой, сицилияне особым инструментом *rectis* (родом арфы, близким к *μαῦαβς* и псалтири), критяне – лирой, лакедемоняне – флейтой, фракияне – рогом, египтяне тимпаном, арабы – кимвалом. Мы же в качестве инструмента пользуемся для прославления Бога единственно мирным словом (Логосом), а не псалтирью уже, какая иудеями в Ветхом Завете употреблялась, и не трубой, и не тимпаном, и не флейтой, которые обычно употребляют люди военные, но к которым прибегают и презрители страха Божия при праздничных своих хоровых плясках, через разыгрываемые на этих инструментах мелодии уснувшую чувственность возбуждая.

К проявлению двоякого рода благорасположенности приглашает нас закон на пиршествах. Потому что если «возлюбишь Господа Бога твоего» (Мф.22:37, 39), а потом «ближнего твоего», то прежде всего по отношению к Богу будешь проникнут благим расположением, воздавая Ему благодарение и выражая его через псалмопение, а потом и по отношению к ближнему будешь держать себя прилично, кротко и ласково. «Слово (Логос) Христово да вселяется в вас обильно» (Кол.3:16), говорит апостол. Это благожелание апостола осуществляется и приложение себе находит в нашем обществе в

различные времена, в разных местах и на разных лицах. Но оно должно находить себе применение и к братанию нашему за чашей, ибо апостол присоединяет далее: **«со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу» (Кол.3:16).** И опять: **«Все, что вы делаете словом ии дедом, все»** делайте **«во имя Господа Иисуса, благодаря через Него Бога и Отца» (Кол.3:17).** Таково должно быть наше поведение на пиршествах. Оно должно излучать полученную благодать и быть проникнуто священной радостью. Но если бы при этом кто-нибудь, подражая праведному и всегда остававшемуся благодарным Богу царю еврейскому, пожелал петь с аккомпанементом лиры или арфы, то ничего не будет в том преступного. **«Радуйтесь, праведные, о Господе: правым прилично славословить»** (говорит пророк). **«Славьте Господа на гуслях, пойте Ему на десятиструнной псалтири. Пойте Ему новую песнь» (Пс.32:1-2).** Но под десятиструнной псалтирью понимает он не Логоса ли, не Иисуса ли? Он, ведь, символически обозначается через десятиричное число.

Но как перед принятием пищи прилично славить Творца вселенной; подобно этому и брататься за чашей пристойно нам под пение псалмов, ибо с наслаждением тогда вкушаем от сотворенного Им, а псалом именно и представляет собой гармоническое и разумное славословие. Апостол называет псалом **«песнопением духовным» (Еф.5:19; Кол.3:16).** И в заключение дня, перед отшествием ко сну, пристойно благодарить Бога, так как пользовались (в течение дня) Его благодатью и человеколюбием; значит, и в постель должно нам отходить с Богом. **«Прославляйте Его хвалою Его, песнями уст и гуслями»,** говорится, **«в повелениях Его – все Его благоволение, и никто не может умалить спасительность их» (Сир.39:20, 24).** И древние греки, братаясь за переполненными вином чашами во время такого рода пиршеств пели, имевшую некоторое сходство с еврейскими псалмами, хвалебную (в честь Аполлона) песнь, называвшуюся «сколион». Пели ее гости все вместе, иногда же то тот, то другой гость порознь в промежутке между обнесением круговой чаши. Кто умел, пел под аккомпанемент лиры. Эротического же содержания песни должны быть чужды нам. Нашими песнями должны быть гимны, обращенные к Богу **«да хвалят Его имя»,** говорится: **«с ликами; на тимпане и арфе да поют Ему» (Пс.149:3).** А из кого должен состоять хвалебный хор? Объясняет это сам Дух Святой: **«Хвала Ему в собрании святых; пусть они радуются о Царе своем» (Пс.149:1, 2);** и еще Он присоединяет: **«Ибо Господь благоволит к народу Своему» (Пс.149:4).** Мелодии же должны мы выбирать проникнутые бесстрастностью и целомудрием; мелодии же, душу разнеживающие и расслабляющие, не могут гармонировать с мужественным нашим и великодушным образом мыслей и расположении. Искусство, выражающееся в переливах голоса по разным коленам, есть лживое искусство; влияет оно на развитие склонности к жизни бездеятельной и беспорядочной. Мелодиями же строгими и серьезными бесстыдство и дикое пьянство, напротив, предупреждаются в самом зародыше. Разнеживающие звуки музыки хроматической посему мы предоставим людям, устраивающим грязные кутежи, и гетерам, имеющим обязанность украшать себя всем цветным.

Все питавшие в себе склонность воспроизводить вещи смешные, или, лучше сказать, глумливо копировать состояния забавные, должны быть изгнаны из нашей республики. Так как все слова состоят выражением образа мыслей и характера, то невозможно, чтобы не было чего-нибудь смешного в характере того, кому нравится вдаваться в речи смешные. Слово: **Н«е может дерево доброе приносить плоды** худые, ни дерево худое приносить плоды добрые», (Мф.7:18) применимо и к настоящему обстоятельству, потому что слово является, ведь, плодом нравственных расположений. Итак, если шутники из нашей республики изгоняются, то тем меньше права имеем сами мы возбуждать смех своим шутовством; странно себе позволять воспроизведение вещей, которых и слушание нам непозволительно. Но было бы еще более странным старание себя самих делать смешными, т. е. с сердцем легким делать себя предметом издевательства и насмешки. Если не можем мы на то решиться, чтобы из себя разыгрывать тех смехотворов, какие фигурируют в общественных процессиях, то возможно ли ожидать, чтобы мы внутреннего нашего человека открыто и публично решились показывать в виде смешном, со скорченной смешным образом рожей? Нет, мы не можем добровольно превращать себя в шутов гороховых. Потому что каким это образом можно смешным быть или казаться, не глумясь над словом и разумом, этими драгоценнейшими благами человека? Жалкое же было бы это предприятие подражать шутам, которых и слушать не стоит, ибо о деле недостойном говорят они в таких выражениях, что ослабляют отвращение к нему.

Можно отпускать остроты, но прилично и мило, из остроумия не делая шутовства. Но и в смехе, который остроумием возбуждается, следует соблюдать меру в известных границах его себе позволяя, можно обнаружить соблюдение тонких приличий, но тот же смех, если он переходит границы, может свидетельствовать и о разнузданности нашего нрава. Говоря коротко: Что человеку самой природой устроено, того запрещать ему не следует, но и в этом, нам свойственном от природы, необходимо соблюдать правую меру, благовременность и целесообразность. Нельзя же на том основании, что человеку смеяться естественно, все делать предметом смеха. И лошадь, ведь, которой ржать естественно, не на все ржет. В качестве творений одаренных разумом, должны мы поддерживать в себе надлежащую гармонию, суровость своей серьезности и необычную сосредоточенность ослабляя изящно (эстетически), но не позволяя себе и распускаться до неэстетичности. Гармоническая, разливающаяся по всему нашему лицу веселость, прекрасная светлая разглаженность его черт, представляя собою как бы тонов ослабление и смягчение при игре на музыкальном каком инструменте, называется улыбкой; такая улыбка может всходить на лице и мудрена. Неэстетичное же сведение черт лица называется, если дело идет о женщине, хихиканьем, – но это смех и непотребных женщин, – а если дело мужчин касается то – хохотом; и оно представляет собой смех бесчинный, вызывающий. **«Глупый»**, говорит Священное Писание **«в смехе возвышает** голос свой, а муж благоразумный» (παῖοις) **«едва** тихо улыбнется» (Сир.21:23). Мужа разумного (φρονίμος), ведущего себя иначе, нежели как ведет себя глупец, (ῥωρος), оно именует

здесь способным на все доброе (πανούρος). Но с другой стороны не представляет собой ничего изящного вид и мрачный; следует серьезности лишь не отлагать. Более же всего нравится мне тот, кто,

Статным лицом улыбаясь, благородной его выразительностью при этом продолжает внушать к себе почтение; это прекраснее, нежели просто улыбаться, о необходимости при этом наблюдать представительность вовсе забывая; смех первого труднее осмеять. Но даже и в простой улыбке следует выказывать благовоспитаемость; и если бы пришлось нам слушать о вещах гнусных, то естественнее при этом краснеть, чем смеяться; в последнем случае может показаться, что мы сочувствуем такого рода вещам и находим в них удовольствие. Если говорят в нашем присутствии о вещах печальных, то приличнее иметь взор потупленный, чем радостный; первый будет служить доказательством человеческого нашего образа мыслей, а последний свидетельствовал бы о нашем жестокосердии. Не следует и постоянно смеяться; это выходило бы за пределы правой меры. Равным образом не следует и в присутствии старших и других достопочтенных лиц смеяться; нужно ждать, сами они для развеселения нас не сделают ли какого тонкого и остроумного замечания. Тем более не следует смеяться перед всяким встречным, где бы он ни попался, всему и над всем. Особенно не в пользу мальчиков и женщин общественное мнение может слагаться, если они любят смеяться; проходящие, еще издали такому смеху изумляясь, отходят в сторону, хотя сразу наглой дерзости серьезность может и простым взглядом отражать. А особенно вено, употребляю слово общеизвестное, всех безумцев заставляет слащаво улыбаться и с удовольствием плясать («Одиссея», XIV, 465), а характер, уже и без того вялый, оно еще больше расслабляет. – Следует и о том думать, как происходящей из смеха вольностью речей простое их неприличие доводится до срамословия.

Он выпустил слово, которому лучше было бы остаться несказанным («Одиссея», IV, 466), говорит поэт. Нрав людей, снаружи еще добрых, а внутренне уже испорченных, под влиянием вина обнаруживается во всей своей наготе; при разнузданной вольности речей за попойкой одежда лицемерия отлагается, рассудок спать ложится, будучи в своей собственной резиденции, в голове, охмелением души стесняем и в своих отправлениях затрудняем; просыпаются необычные страсти при изнеможенном состоянии духа утверждают свою власть над ним.

Глава 6

О неблагопристойности в речах

От неблагопристойных речей мы не только сами должны воздерживаться, но строгостью своего взгляда, отворачиванием головы, так называемым морщением носа, а часто и жестким словом намордник набрасывать на уста и тем, кто вдается в такие речи. Ибо «**исходящее из уст**», говорится, – «**из сердца исходит**» (Мф.15:18), обнаруживает в нем человека толпы или пошлого, язычника, невоспитанного, бесстыдного, а отнюдь не благородного, отличным образом благоприличного и мудрого. Слушанию вещей неприличных и их рассматриванию – так как и то, и другое равнозначуще – Божественный

Педагог для чад своих, о том заботящихся, как бы свой слух не оскорбить чем-нибудь, так сказать, в качестве плетня для ушей, противопоставил речи мудрые, дабы зараза разговоров нецеломудренных не коснулась их и не поразила их души. И очи их обращает Он на созерцание (истины) прекрасного; лучше, говорит Он, ногами спотыкаться, нежели языком. Отклоняя от этих непристойных речей, апостол говорит: «**Никакое гнилое слово да, не исходит из уст ваших**, а только доброе» (Еф.4:29). И опять: А «**блуд и всякая нечистота и любодеяние** не должны даже именоваться у вас, как прилично святым» (Еф.5:3). Если называющий своего брата «безумным» «**подлежит геенне огненной**» (Мф.0:22), то, что сказать о пустословящем? Не имеем ли мы и на этот счет изречений Священного Писания? «**За всякое праздное слово, какое скажут люди дадут** они ответ в день суда» (Мф.12:36). И опять: «**От слов своих оправдаешься и от сдоя своих осудишься**» (Мф.12:37). Что же это теперь за спасительные для уха плетни и какие это воспитательные средства для очей скользких? Это общение с праведными. Здесь уши наши могут быть замкнуты и ограждены от покушающихся на отклонение нас от истины.

Худыми сообществами развращают добрые нравы (1Кор.15:33), говорит одно стихотворное изречение, и в смысле высшем апостол: «**Отвращайтесь зла, придеритесь к добру**» (Рим.12:9). Кто со святыми обращается, тот освящается. Точно так же должно избегать слушания Нестыдных толков, рассказов и зрелищ. А еще полнее должны мы охранять себя от неблагопристойных действий, будет ли это в оставлении без прикрытия и обнажении некоторых частей тела, или же при воззрении на такие сокровенные части. Сын благородный не перенес неблагопристойно обнажения праведника (Быт.9:23); нравственность покрыла, что опьянением было раскрыто (для всех явный пример, как и помимо своего сознания пасть можно). Не менее ревниво мы должны охранять себя от прилипания к нам речей неблагопристойных и со стороны; слух верующих во Христа должен быть защищен и от этого. Мне Кажется, что именно в этом смысле Педагог запретил нам и слушать что-либо непристойное, нас охраняя от большей разнузданности. Дело всегда превосходное вырывай самые корни греха, например – любодеяния через воспрещения самого пожелания. Удивительно поэтому старшие, с каким Педагог борется против наших пороков и как Он заботится и об исторжении их. Заповедь: «**Не прелюбодействуй**» (Исх.20:14, 17) Он предупреждает и усиливает через такую: «**Не пожелай**» (Мф.4:28), ибо прелюбодеяние есть плод пожелания, сего корня негодного. В согласии с этим Педагог запрещает распущенность в поддержании нашего взаимного общения и через простой разговор; этим запрещением пролагает Он как бы просеку между общением с добрыми и общением с разнузданностью. Быть в словах неразборчивым – это значит питать в себе склонность к нарушению благопристойности и в делах; соблюдать же и в выражениях мудрую ограниченность, это значит укреплять себя против желаний.

Ниже мы обстоятельнее показываем, что ни в словах, которыми в нас нравственный стыд вызывается за некоторые органы, ни в самих этих частях тела, ни в половом сочетании брачной четы, что все обозначается через выражения, употреблением нимало и не опошленные, нет ничего такого, чем обозначилось бы в собственном смысле неприличное. Колено, икры

(голенный мускул) и подобные члены не представляют собой чего-либо неприличного ни по наименованиям своим, ни по деятельности; половые же части человека составляют предмет стыда, а не позора. Непристойно, достойно стыда и срама и потому достойно наказания только противозаконное приведение в действие; потому что истинно непристоен лишь грех и его дела. Соответственно этому под речами неблагопристойными в собственном смысле можно разуметь говорение лишь о вещах греховных, например, о любодеянии, педерастии и т. п. Однако же нужно и праздной болтовни избегать. **«При многословии»**, говорится, **«не миновать греха»** (Притч.10:19). Разнузданность языка сама на себя потому навлекает наказание, что **«иной молчит, и оказывается мудрым; а иной бывает ненавистным за многую болтливость»** (Сир.20:5). Да пустослов и сам себе бывает ненавистен: **«Многоречивый опротивеет»** (Сир.20:8).

Глава 7

О благопристойном поведении во время пиршеств и в обществе

Далеки, весьма далеки должны мы быть и оттого, чтобы над кем-нибудь насмехаться. Насмешка есть начало разнузданного поведения: из нее, как бы чирьи какие, возникают ссоры, драки и вражда. Разнузданность уже и выше мы назвали спутником пьянства. Не только по делам, но и по речам судят о человеке (Мф.12:37). **«На пиру»**, говорит Писание, **«за вино» не упрекай ближнего** и не говори ему оскорбительных слов» (Сир.31:36-37). Потому что если общение всего более должны иметь мы со святыми, то издеваемся мы, ведь, над святыми, а это грех. **«Из уст глупого»**, говорит Писание, **«бесчинный язык высовывается как бы код какой»** (Притч.14:3). Колом язык здесь называется в качестве пособия, собой посредствующего обнаружению бесчинности; при помощи языка как бы кола какого, на него опираясь, бесчинность человека разнузданного переступает через промежуток, вас отделяющий от него и на вас потом изливается. Поэтому я высоко чту апостола, который советует не выпускать из своих уст слов **«шуточных и вообще непристойных»** (Еф.5:4). Если пиршественные собрания проходят в духе христианской любви и если щель нашего братанья за чашей есть засвидетельствование дружбы; если принятие пищи и питья должно сопровождаться любовью, то почему же в обращении друг с другом не следовать нам рассудительности, и потом не беседовать друг с другом любвеобильно? Если мы сходимся вместе для умножения взаимной нашей благорасположенности, то для чего же через дозволение насмешек себя взаимно нам разъединять и друг к другу ненависть раздувать? Разумнее молчать, нежели прекословить и кого-нибудь попрекать за грех, до сознания **«греха»** его грехом же доводя. Поистине **«блажен человек, который не погрешал устами своими и не уязвлен бил печалью греха»** (Сир.14:1): или раскаивается он в грехах слова, или же объясняет тотчас, что никого не имел в виду оскорбить своим словом. В особенности же юноши и девы не должны являться на такого рода (сомнительные) пиршества, дабы не быть им здесь вовлеченными в какую-нибудь непристойность. Потому что выслушивание вещей необыкновенных, созерцание видов непристойных беспокоит собой чувство, и, притом, в таком возрасте, когда вера еще колеблется, а ветреность

возраста содействует легкому уклонению к удовлетворению пожеланий. Иногда молодые люди и для других становятся причиной падения, выставя напоказ спасенья за себя внушающий и в охране нуждающийся цвет юношеской своей красоты. Весьма метко книга Премудрости поэтому учит: **«Не сади с женою замужнею и не оставайся с нею на пиру за миом»** (Сир.9:10), т. е. не засиживайся слишком долго с нею на пиршествах, не вкушай пищи с ней. Посему премудрый прибавляет: **«И чтобы не склонилась к ней душа твоя, я чтобы не поползнул в погибель»** (Сир.9:11). Опасное это дело – свободное обращение за вином: может быть сдунут здесь цвет невинности. Премудрый говорит о женщине замужней, потому что при узах брачных опасность нарушения их большая. Если же какая-нибудь крайняя необходимость требует участия и жен в пиршестве, то должны они являться на них хорошо закутанными в свои одежды, а внутри – в стыдливость. Для девиц же являться на пиршества мужчин, особенно на выпивки их, крайне предосудительно.

Войдя в залу пиршества, мужчины должны возлечь на своих местах, неподвижно опершись на свои локти, глаза устремив на подушку, сохраняя при этом молчание и лишь слухом следя за происходящим. Если угощение имеет быть предлагаемо гостям в сидячем положении, то не должно им передвигать ног, класть их одну на другую, подбородок рукой подпирать. Ничего хорошего собой не представляет быть себе самому в тягость; непристойно это даже и для молодого человека; кроме того, постоянная перемена положения выдает необстоятельность человека. Скромность и благопристойность при еде и питье заявляют себя тем, что муж воздержанный берется как между кушаньями, так и напитками за менее изысканное, берется медленно, не выказывая ни торопливости, ни жадности, и это как вначале, так и в промежуточные паузы обеда; он кончает ранее и не обнаруживает в своих манерах никаких и ни к чему странных склонностей. **«Ешь»**, говорит премудрый, **«как человек, что тебе предложено, и не пресыщаяся**. Переставай есть первый из вежливости. И если ты сядешь посреди многих, то не протягивай руки твоей прежде них». (Сир.31:18-20).

Не должно, следовательно, выдаваться из ряда других гостей свой жадностью, давая волю ей. Ни рук слишком долгое время протянутыми к блюду не следует оставлять: можно и через это замедление обнаружить свою невоздержанность. Ни во время обеденных пауз не следует жадно заглатывать предложенное, имея вид каких-то животных. Не следует мясного есть слишком много: не плотоядным, а хлебоядным творением человек является от природы. Прежде других и многих подниматься из-за стола и вежливо с пиршества удаляться, это обнаруживает в человеке благовоспитанность. **«Вставай вовремя»**, говорится, и не **«будь последним; поспедай домой»**. (Сир.32:13). Двенадцать апостолов, собрав все общество учеников, говорили: **«Не хорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах»** (Деян.6:2). Но, избегая этого, еще более они береглись многоядения. Те же апостолы братьям в Антиохии, Сирии и Киликии писали: **«Угодно Святому Духу и нам, не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздержишься от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда. Соблюдая сие, хорошо сделаете»** (Деян.13:23, 28, 29). Но и пьянства избегать следует не менее, чем травы болиголова; и то, и другое – смертельные яды. Равным образом должно воздерживаться и от

взрывов хохота, а также от безвременных слез. Часто бывает, что подвыпившие сначала громко смеются, а потом под влиянием вина опускаются до слез. Разумом воспрещаются оба: и чувство разнузданное, и чувство тщедушное. Что же касается до тех старцев, которые относятся к людям молодым как к своим сыновьям, то иногда, изредка, они могут с ними и острить слегка, шутово к ним обращаясь с чем-нибудь таким, чем благоприличие их поощряется. Так, например, к юноше застенчивому и тихому могут они вежливо и ласково примерно так обратиться: «Вы, дитя мое, ныне что-то ужасно расшумелись». Таким шутивным обращением к нему скромность юноши лишь возвышается. Этого рода мягкой шутивной речью, через порицание в юноше не существующих в нем дурных качеств, добрые его свойства приятно лишь возвышаются. Такого рода шутки представляют собой ту педагогическую предусмотрительность, которая через порицание несуществующего (дурного), обращенное на лицо (доброе) лишь укрепляет. В том же смысл, и с той же доброй Целью о человеке всегда трезвом, который и в рот ничего не берет, кроме воды, можно сказать, что он слишком жалуется вино и очень уж напивается. Если же окажутся в одном с нами обществе по ремеслу Зубоскалы, то не должны мы обращать и внимания на их речь, воздерживаясь от бесполезных слов не менее, чем и от переполненных вином кубков. Такое зубоскальство есть забава скользкая и опасная. **«Уста безрассудного – близкая погибель» (Притч.10:14).** **«Не внимай речам суетным и не связывайся с человеком нечестивым, чтобы не сделаться тебе свидетелем неправды» (Притч.24:28; Исх.23:1),** будет ли она состоять в наговорах или в затрагивающем честь ближнего опорочении или в коварном и низком лукавстве.

Но и люди скромные, которым особенно прилично разговор поддерживать, как мне кажется, должны свой голос сдерживать в известных границах. «Молчание есть добродетель жен и безопасное почетное свойство для юношей», здоровое же слово свойственно возрасту умудренному. **«Разговор веди ты, старший, – ибо это прилично тебе, с основательным знанием. Говори, юноша, –»** значит и тебе позволяет это премудрый, – **«если нужно тебе, едва слова два, когда будешь спрошен. Говори** главное, многое в немногих словах» (Сир.32:4, 5:9-11). Но оба собеседника должны сдерживать свой голос в известных границах. Возвышение голоса при говорении представляет собой род некоторого безумия. Но и очень тихо говорить, так что подле сидящий не слышит, безрассудно; его нельзя бывает понять. Одно служит выражением чувства неблагородного, другое – самомнительного. Не должны мы позволять себе в горячности споров доходить и до сварливости ради суетного желания одержать победу. Наша цель не шум поднимать и смятение, а устанавливать душевное спокойствие. Этого хочет и апостол своим словом достигнуть: **«Мир тебе» (Зин.1:13).** Прежде чем не выслушал чего-либо, не отвечай. Говори ясно. Говорение голосом томным и слабым представляет собою некоторый вид женоподобия; муж мудрый и в голосе наблюдает правую меру; он не позволяет себе при говорении ни крикливости, ни растянутости, ни торопливости, ни многоголосности; следует говорить недолго, немного, не болтать, не поддерживать беседы спешно и как будто опрокидываясь на собеседника; в само!»! голосе должна быть наблюдаема, так сказать, известная

законосообразность. Дерзким же болтунам и крикунам доля уста заграждать. И умный Одиссей надавал Ферситу пинков и колотушек, потому что

Он только один каркал безмерно между безмолвными,
Ибо он витал в сердце много дерзких, бесчинных речей,
Непристойные вещи, безумные себе позволяя
(«Илиада», II, 212 и далее)

«Всегда ужасен бывает конец мужа на слова тароватуго»

(Сир.9:23). У болтунов, как в старых башмаках, обыкновенно бывает остальное все уже набито, втерто и изношено; только язык, болтающийся подобно истасканной подошве, остается еще расточая вред и зло. Поэтов столь важная для практической жизни книга Премудрости напоминает об этом: **«Перед собранием старших не многословь»** (Сир.7:14). И, чтобы с корнем вырвать из нас страсть к болтливости, начинается она с Бога и заповедует в речах соблюдать меру следующими словами: **«Не повторяй одних и тех же слов в твоей молитве»** (Сир.7:10).

Свистать же, ляскать языком и губами чмокать, пальцами щелкать – чем всем сигналы подают прислуге этими действиями, значит, до очевидности обнаруживать в себе недостаток разума; поэтому они недостойны людей, тоньше смотрящих на вещи. Не должно при выпивании на пиршествах и плевать постоянно, и отхаркивать с надрывом, и кричать, и сморкаться. Особенно же должно опасаться, как бы всеми этими обнаружениями недостаточного самообладания не возбудить к себе брезгливости и отвращения в собеседниках. Пиршественная комната не стойло, ведь, которое для волов и ослов служит и местом испражнения, но где для них и ясли стоят. Многие же именно во время еды и плюют, и сморкаются. Если захочется кому-нибудь случайно чихнуть или взрыгнется вдруг, то должно делать это по возможности тише, соседей не беспокоя; противное было бы обнаружением дурной воспитанности. Отрыжку должно осторожно дыханием задерживать, пристойно уста сжимая, а не растягивая их и не разевая рта как на трагических марках. И при чихании шума должно избегать, ноздри слегка сжимая; так всего пристойнее можно сдержать опасное истечение воздуха и регулировать его; слизь же (сопли) скрывать должно, если чихание ведет за собой извержение ее. Но служит выражением неуважения и бесчинства, если эти звуки кто еще усиливает, а не подавляет. В зубах же кто ковыряет и до крови десны разрыхляет, те и себя самих мучают, да и соседям делаются противны. В ушах щекотать и ноздри раздражать (нюханием табаку?), это значит иметь склонность к свинским ощущениям, находящимся в связи с доведенной до разнузданности невоздержанностью. Следует избегать всех вещей, которые глаз ранят, а также и грязного поименования их. Серьезен должен быть взгляд наш, степенны повороты шеи, спокойно каждое движение, уверенны жесты рук при говорении. Вообще степенность, спокойствие, кротость и мир должны быть характерными чертами христианина.

Глава 8

Об употреблении духов, помад и венков

Венков же и духов употребление для нас не должно составлять

необходимости; оно со стезей правых может уклонять на путь вожделения и легкомыслия, особенно по соседству с ночью. Знаю, что жена некая, придя на священную вечерю с алебастровым сосудом душистого масла, облила им ноги Спасителя, радость Ему доставив тем (Мф.26:7; Мк.14:3; Лк.7:37). Известно мне и то также, что древние цари еврейские одевали себе на голову диадему из золота и драгоценных камней; но жена та еще не имела части в Логосе, ибо она была грешница. Тем, что, по ее представлению, у нее было прекраснейшего и драгоценного, – благовонным миром – почтила она Господа. Для нее поэтому, проливавшей перед Господом слезы раскаяния, естественно было и излишек мира отереть красой своего тела, волосами; потому и прощены ей были грехи ее многие (Лк.7:47).

Могла быть эта история символом и учения Господа, и Его страданий. Облитые благовонным миром ноги прикровенно собой означают Божественное учение, славой о себе все с возрастающей силой наполнившее всю землю даже до границ ее. Потому что даже «до пределов вселенной слова их» (Пс.18:5). И если я могу на себя ответственность за смелость этого истолкования взять, то умащенные благовонным миром ноги Спасителя суть апостолы, которым по пророчеству также свойственно было издавать благоухание, ибо (впоследствии) они помазаны были Духом Святым. Обтекая вселенную и возвещая Евангелие, апостолы, говоря иносказательно, были в некотором роде ногами Господа. О них-то через Псалмопевца Дух Святой предвозвещал: «Поклонимся на месте, где стояли ноги Его», т. е. там, где ноги Его были, разумея апостолы. В проповеди их Господь дошел до концов земли. Под слезами же должно быть понимаемо покаяние и обращение (язычников). Распущенными волосами означает отречение от суетной страсти к внешним украшениям себя и с проповедью прившедшее в мир необыкновенно выносливое во имя Господа перенесение преследований через непобедимое терпение, по отстранении и погашении новой верой древней этой страсти к суетной славе.

История эта предызобразила еще страдания Господа. Масло понимать нужно в смысле таинственном; это сам Господь, через которого нам оказано Божественное милосердие; мир же, представляющее из себя тоже масло, но в виде уже искусственном и поддельное, есть Иуда-предатель; помазаны были этим миром ноги Господа, потому что заканчивал Он с обращением в мире этом и помазанию миром подвергаются тела уже мертвые. Слезы это – мы, кающиеся грешники, в Него верующие, кому Он грехи прощает. Распущенные волосы означают собой сетующий, оставленный Иерусалим, о котором пророками проливаемо было столько слез (ср. Плч.1:2). Сам Господь сказывает нам, что Иуда – человек лживый. «Опустивший со Мною руку в блюдо», говорит Он, «этот предаст меня» (Мф.26:23; ср. Мк.14:20). Тут видишь ты лживого застольного собеседника; и этот самый Иуда предал Учителя поцелуем. Был же лицемер этот со своим предательским поцелуем двойником другого, более древнего льстеца, представителем и того народа, о котором сказано: «Народ этот языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня» (Ис.29:13). Невероятно, следовательно, что маслом намекается на Иуду, который в качестве ученика допущен был к пользованию милосердием Господа, но был при этом маслом поддельным, потому что был предателем. Вот то, следовательно, что предрекалось помазанием ног Господа; означалось им

предательство Иудой идущего на смерть Господа. И Спаситель сам через омовение ног таинственно пригласил своих учеников к славной деятельности, символически через то послав их на апостольские их труды, которыми во время своих путешествий сделались они благодетелями народов; на эту-то деятельность призывая учеников. Господь предварительно очистил народы и омыл их своею спасительной благодатью. Мирю их благоухало, и дело благоухания ими (всей вселенной через ароматическую их о Христе проповедь), всюду проникшее, всюду прославляется. Ибо страдания Господа на нас излили благовоние, иудеев же обременили грехом и виной. Весьма ясно учит этому апостол в словах: **«Благодарение Богу, который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте. Ибо мы - Христово благоухание Богу в спасаемых и погибающих: для одних - запах смертоносный на смерть, а для других» - «запах живительный на жизнь»** (2Кор.2:14-16).

Цари же иудейские, корона которых делалась из золота и была украшена вставлявшейся в нее из драгоценных камней разнообразной инкрустацией, они, будучи помазанниками (χρίστοι), сами не ведая о том, символически своим головным украшением предызобразили Вечное Царство Христово. Потому что всяким драгоценным камнем, будет ли то перл или смарагд, символически намекается, ведь, сам Логос. Особенно золотом означает тот же неизменяемый бессмертный Логос, ибо золото действию ржавчины не поддается. Оттого золото же поднесли Ему в качестве символа вечного Его царства и волхвы. Итак, этот венок на Христе золотой, т. е. нетленный; и дан он Христу как Господу; на Нем блеск его неизменен, тогда как (на нас) венки из цветов блекнут.

Очень хорошо мне известно изречение Аристиппа из Киревы, ведшего жизнь пышную и беспутную. Ему принадлежит такого рода софизм: «У лошади, если ее опрыснуть духами, через это ни одно, ведь, из лошадиных ее свойств не будет ослаблено; равным образом намаженная собака не лишится ни одной из своих собачьих добродетелей: точно так же, продолжает он, и человек». Но лошадь и собака не имеют никакого понятия о духах, а из людей чем разумнее кто, тем достойнее тот порицания за это обычное лишь между женщинами употребление духов.

Бесчисленны сорта этих духов. Есть бренфийные духи, есть мегалловские, есть духи царские, духи плангоновские, есть египетская псагда, Симонид не затрудняется о них и ямбами рассказывать:

Себя маслами и духами я опрыснул, и Бакхаром.

И если пришел продавец, то берут у него и из лилий добытые благовония, и из ципра цветка духи, масло и помаду; в славе у них народное миро и розовое, и иные, употребляемые женщинами то в жидком виде, то в сухом, то в форме капель для опрыскивания, то в форме порошка для окуривания. Вседневно изобретается (в этой сфере) нечто новое в удовлетворение ненасытимой этой страсти окружать себя бесконечным разнообразием благоуханий. Вследствие питания сей страсти к прекрасному в этой сфере запахов, страсти в своем развитии, однако же, вовсе не прекрасной, люди, ей служащие, поражают обоняние других распространяемым от себя благоуханием. Женщины же окуривают и опрыскивают свои одежды, постели,

душат в комнатах; среди этой ароматической атмосферы даже ночные горшки чуть- чуть не пропитываются с необходимостью теми же благовониями. Поэтому, мне кажется, хорошо те делают, которые – в гневе на разрушающих такой роскошью и этой страстью к духам мужественность чувства – приготовителей этих благовоний и торговцев ими, а также и подкрашивателей шерсти, из хорошо упорядоченного общества изгоняют. Это не в порядке вещей, чтобы по городу, где живут чистота образа мыслей и поведения, ходила и испорченность нравов, обнаруживающаяся в подкрашивании одежд и в употреблений помад и – духов. Наши мужчины должны благоухать не помадами и не духами, а добродетелью. Женщина же должна благоухать Христом, этим миром истинно царским, а не помад и духов запах от себя издавать; постоянно она должна быть умащена ароматическим миром скромности, находить свою радость в мире священном, во Святом Духе. Это благоуханное миро Господь дарует людям, заповеди Его исполняющим, составляя его из ароматов небесных. Этим миром Господь и сам помазан, как возвещает о Нем Давид: **«Посему помазал Тебя Боже Бог Твои елеем радости более соучастников Твоих; Все одежды Твои – как смирна и алой и касия»** (Пс. 44:8-9).

Впрочем, мы не питаем подобно коршунам и навозным жукам – последние, говорят, если их помазать, например, розовым маслом, то околевают – к маслам благовонным отвращения. Некоторыми из этих благовоний, у мужчин головы не отуманивающими, женщины могут пользоваться; только чрезмерное опрыскивание себя духами есть обычай, напоминающий более бальзамирование погребаемых мертвых, чем – жизнь брачную. Для пчел и насекомых масло вообще материал неприятный; людям же некоторые его роды служат на пользу; есть и такие роды благовонных масел, умащение которыми людей делает драчливыми; прежних друзей употребление таких масел доводит до серьезной драки на кулачки. Но вы, может быть, не верите, что благовонное масло своим разнеживающим действием может мужской характер женоподобным делать? Несомненно. Как в удовольствиях, через чувство вкуса получаемых, мы совет подали соблюдать осторожность, подобно этому мы воспрещаем удовольствия, посредствуемые и чувствами зрения и обоняния, дабы через оные, незаметно для себя самих, как бы через незапертые какие двери, не открывать чувственности доступа в душу, чего мы должны избегать. (Если же теперь кто-либо захотел бы этому то противопоставить, что великий первосвященник, Господь приносил Богу благовонную жертву курения (Исх.30:7), то ему мы отвечаем, что под ней разумеется не действительная жертва и священное курение, а нужно так ее понимать, что Господь возлагает это на алтарь дар любви (тело свое), жертву благоухания духовного.) Довольно, следовательно, и простого масла: чтобы поверхность кожи умащать, чтобы мускулам гибкость сообщать, чтобы некоторые неблагоприятные испарения тела заглушать, в случае если кто для достижения и таких целей пожелал бы пользоваться маслом; более же обильное пользование благовониями есть возбуждающее чувственные пожелания увлечение уже легкомыслием. Человека, неспособного к самообладанию, все манят: и еда, и постель, и разговор, и зрением предносимое и слухом, и на челюсти восходящее, но и ноздрями обоняемое.

Как быков увлекает кольцо и веревка, так невоздержанного духи, помады и распространяющие около себя запах венки.

Но поскольку сладострастия, не связанному ни с какой жизненной потребностью, подлежащей действительному удовлетворению, вовсе не отводим мы места в своей жизни, то расстанемся и с парфюмериями и будем и в этой сфере держаться лишь необходимого. Потому что и между ароматами есть некоторые такие, которые головы не оуманивают, чувственных пожеланий не пробуждают, которые нецеломудренными связями не отзывают» и своим распространением не дают нам повода заподозрить существование тут распущенности нравов. Такие из ароматов, с мерой будучи употребляемы, содействуют здоровью, восстанавливают питание больного мозга, желудок укрепляют. Неосновательным поэтому было бы советовать, чтобы от употребления благовоний тот совершенно воздерживался, кто через это желал бы свои нервы укрепить; не следует вовсе зарекаться от употребления их, но нужно благовонными маслами пользоваться лишь как лекарствами и средствами, способствующими освежению ослабевших сил, например, против катаров, против обмороков, против недомогания. Соответственно этому и комик в одном месте говорит: «Эссенциями себе он руки мажет; истинное же здоровье состояло бы в том, чтобы из мозга истекали струи целебных благовоний». И натирание ног жирами согревающих и освежающих масел из-за происходящей от этого пользы может быть допустимо, потому что у людей собою полных соки через это бывает отвлекаемы от головы и удаляемы к менее благородным частям тела. Удовольствие же одно, не сопровождаемое такой пользой, дает повод подозревать существование тут распущенности нрава и является средством к возбуждению чувственных пожеланий. Великое различие, в благовониях утопать или ими просто натираться и мазаться; первое представляет собой некоторый вид женоподобия, простое же умащение себя каким-либо благовонным маслом иногда полезно. Философ Аристипп, имевший нужду благовонными мазями и маслами натираться, говорит поэтому: «Лютой смертью пусть погибнут те презренные люди (кинеды), которые столь полезное употребление благовонных масел и мазей опозорили». Посему и Писание говорит: **«Почитай врача по надобности в нем; ибо Господь создал его, и от Вышнего врачевание»** (Сир.37:1). Потом продолжает оно: **«Приготавливающий лекарство делает из этого смесь»** (Сир.37:8), именно потому, что благовонные масла даны для употребления их во благо, а не для возбуждения любострастия. Не с этой целью посему к благовониям нужно прибегать, а пользу из них извлекать, ибо и производство масел (травами, плодами и проч.) Богом допущено для смягчения людям трудов их. Неразумные же жены, свои седые волосы подкрашивая и голову напомаживая, седеют еще скорее от употребления этих парфюмерии, имеющих в себе нечто сушащее. Поэтому и мажущиеся ими делаются хуже. Именно это свойство парфюмерии влечет за собою поседение. Обуславливается ли оно при этом единственно сухостью или недостатком тепла, (внешнего и воздуха), это все равно; дело в том, что сухостью необходимая для волос влажность поглощается (а новой не вырабатывается) и следствием бывает поседение их. Возможно ли после этого, чтобы поседения опасющиеся помады любили, которые именно и способствуют поседению? Подобно тому как собак, все выслеживающих своим

чутьем, обоняние наводит на следы и дичи: так и люди рассудительные и воздержанные догадываются о распущенности нрава некоторых по чрезвычайному запаху, какой распространяют употребляемые ими помады и духи.

Такого же рода, т. е. разнузданностью отличающийся обычай представляет собой украшения себя при шумных попойках и венками из цветов. Как обычай, ведущий к дурным последствиям, он должен быть оставлен нами «Не возлагай мне венка на голову. На дворе время весеннее. Прекрасно гулять по опрыснутым росой лугам, усеянным тысячами нежных, разнообразных, только что распустившихся цветов», вдыхая в себя подобно пчелам их неиспорченное (посторонними примесями), без участия человеческого искусства, самым существом их издаваемое благоухание. Но смешно в смешном венке, «сплетенном из настоящих луговых цветов», то туда, то сюда ходить по дому. Человеку здравомыслящему, соблюдающему в поведении скромность и приличие, это не к лицу. Неужели это в порядке вещей при увеселениях покрывать себе распущенные волосы розами, фиалками и лилиями и тысячами других цветов и свежей зеленью, лишая украшения луг, все это взрастивший? Кроме того, наложенный на волосы венок своей прохладой и влажностью голову ко вреду для нее охлаждает. Поэтому врачи, как скоро замечают, что мозг слишком охладел (причинился насморк), советуют грудь и переносицу благовонным маслом мазать, дабы согревающие эти благоухания, постепенно в мозг проникая, могли произвести в нем спасительную теплоту. Странно после этого и не безопасно голову венками охлаждать. Кроме того, увенчивающие себя цветами и красотой их царства не имеют возможности наслаждаться. Надев венок выше глаз, они не видят его прелестного вида. Но и приятным запахом от цветов они не наслаждаются, их помещая выше органа этого чувства. Аромат по самой своей природе вверх устремляется и над головой рассеивается; чувство обоняния вследствие этого бывает лишено наслаждения, нос запаха цветов не ощущает и благоухание их пропадает. Как телесная красота восхищает нас тогда только, когда мы на нее лишь смотрим, подобно этому и цветок. Очаровываемые созерцанием прекрасного должны мы прославлять Творца; дальнейшее же наслаждение этим прекрасным – через приближение к нему, прикосновение и употребление его – уже вредно и, быстро минув, за себя отмщает раскаянием. Кратковременность же наслаждения и красотой цветка, и красотой человеческой через соприкосновение обнаруживается тотчас же. Оба от прикосновения к ним блекнут – и цветок, и красота: один – вследствие производимого им охлаждения, другая – вследствие получаемого отсюда возбуждения и воспламенения. Коротко: наслаждение этими вещами, выходящее за пределы созерцания, есть уже бесчинство, а не просто, удовольствие. Наслаждаться же нам так следует, как поведено было наслаждаться в раю: пожеланий и страстей в душу не допуская. Следует, чтобы мы при наслаждениях оставались (до точности) послушными Писанию.

Венком для жены должен состоять муж, а венком для мужа должен быть брак; цветы брака суть дети от обоих; этих с лугов плоти пожинает Божественный Земледелатель. **«Венец стариков – сыновья** сыновей, и слава детей – родители их», говорит Писание (Притч.17:6). Для нас же венком является

Отец вселенной, а венцом всей церкви является Христос. Но как корни и травы, так и цветы имеют свои особенные свойства, частью полезные, частью вредные. Например, плющ охлаждает, орех развивает запах, который одуряющим образом действует на голову, как показывает то самое происхождение этого слова; нарцисс есть цветок также с тяжелым притупляющим чувствительность запахом; об этом говорит опять-таки самое его имя; он «парализует» нервы. Запах роз и фиалок, если им освежать себя умеренно, утишает и успокаивает головные боли. Впрочем, для нас это необходимо, потому что мы не выпиваем до охмеления и вообще не позволяем себе пить вина много. Цветы крокус и ципрус наводят спокойный и целебный, простирающийся до забвения всех печалей сон. Многие цветы своим запахом сообщают по природе холодному мозгу теплоту, растворяя головные соки. Роза так называется оттого, что выделяет из себя весь поток своего аромата, почему и блекнет она скорее.

У древних эллинов мы не встречаем употребления венков; ни женихи Пенелопы, («Одиссея», XX, XXII), ни феаки, ведшие жизнь изнеженную, не носили их. При состязаниях же вначале давали атлетам подарки; потом вошло в моду битье в ладоши; в третью эпоху – забрасывание листьями; и уже только в четвертую эпоху, когда Эллада после Персидских войн сладострастнее стала, вошел в употребление венок.

Питомцам Логоса употребление венков следовательно не дозволено. Они того мнения, что разум, седалище которого в мозгу, не следует какими-то венками сковывать; и иго потому, что венок служит символом шумной попойки, а кроме того он идолам посвящен. Так нарцисс называется у Софокла «древним венком великих богов»; он понимает под нами богов подземных. Сафо возлагает на муз венок из роз; «Ты же не носишь ведь венка из роз пиерийских». Лилия, говорят, была любимым цветком Геры, мирта – Артемиды. Но если цветы, они даже в особенности, созданы для людей, а люди безрассудные потом, вместо того, чтобы ими пользоваться благодарно в пределах истинного их назначения стали ими злоупотреблять для непохвального воздаяния через них почестей демонам, то ложится **«на вашу совесть обязанность»** от употребления их **«воздержаться»** (1Кор.10:28). – Далее, венок есть символ ненарушимого покоя; потому и воздают через возложение венков почести мертвым; тот же смысл имеет возложение венков и на идолов, через что увенчиватели самым делом свидетельствуют о принадлежности идолов к царству мертвых. Служители Вакха не иначе справляют свои оргии как в венках; возложив на себя их, до крайности они воспаляются. Поэтому нам отнюдь не следует через употребление венков поддерживать общение с демонами (1Кор.10:20), ни живой образ Божий увенчивать, как если бы это был мертвый какой идол. Для того, кто живет хорошо, готов прекрасный венок из амарантов (цветов неблекнущих). Но этот цветок растет не на земле; он – растение исключительно небесное. – Кроме того, с нашей стороны было бы и несправедливо себя увенчивать цветами, когда мы знаем:, что на Господа возложен был венок из терном (Мф.27:29; Ин.19:2): это было бы некоторого рода издевательством над высокосвященными страданиями Господа. Терновый венок Господа пророчески на нас, ведь, указывал, которые некогда были неплодны, а ныне через Церковь, которой Он является главой, около Него завиты. Но тот же терновый венок Господа является образом и веры; им

обозначается жизнь, нам свойственная органически, подобно тому как органическая же жизнь свойственна и субстанции дерева; а что жизнь эта предызображена древесным венком, этим означена радость этой жизни; опасности, ей грозящие предызображены тернами: не без крови ведь можно и к Логосу приступить. Как скоро цветы сплетены в венок, они блекнут: подобным образом и сплетение глупости тотчас же разложимо и цвет ее сохнет, ибо сохнет слава не верящих в Господа. Через возложение венка на поднятого на крест Иисуса распинатели засвидетельствовали собственную свою глупость. Жестокосердные, они и не предчувствовали, что это было многозначительным пророчеством, которое ими однако же называемо было позором Господа.

«Народ сей не познал Господа» (Ис.1:3), народ заблуждающийся; он не обрезан разумом; тьма его не освещена; он не знает Бога; он отвергся Господа; он отрекся от призвания Истинного Израиля; он гнал Бога; он рассчитывал Лотоса до позора довести и подобно царю увенчал Того, Кого он распял как преступника; посему в Том, в Кого они, когда Он жил в человеческом образе, не верили, узнает они человеколюбивого и праведного Бога; именно о Том, Кому они запрещали исповедовать себя Богом, именно о Нем, когда Он был поднят от земли, через завитую около чела Его, в качестве диадемы праведности, вечнозеленую терновую ветвь, засвидетельствовали они, что имя Его возвышено над всем (Флп.2:9). Эта терновая диадема есть враг тех, которые засаду строили, и сдерживает их нападения, а для тех, которые к церкви принадлежат, служит она дружественной защитой и окружает их собою как бы неким забором. Для тех, которые верят в Преображенного, Его терновый венок есть из цветов венок; неверующих же в Него он ранит и остерегает. Он есть символ спасительного дела Господня, потому что на свою голову, на эту важнейшую часть тела. Господь принял все грехи наши, мучительные боли нам причиняющие своими иглами. Ибо по освобождении нас через свои страдания от соблазнов и грехов и всех этих тернов и, после победы над дьяволом возглашая в триумфе, возымел Он право воззвать: «Смерть, где твое жало»? (1Кор.15:53)

Мы собираем с тернов гроздь и с волчцев смоквы; а они, к которым Он «руки простер» (Рим.10:21), – народ неверующий и плода не приносящий, тернами этими себя искололи до крови. Я мог бы тебе сообщить и другое таинственное истолкование (тернового этого венка). Когда всемогущий Господь вселенной предпринял через посредство Логоса издание закона и восхотел явить перед Моисеем свое могущество, является ему Божественное видение в форме света в горящем терновом кусте; терновый куст есть растение колючее; но и когда законодательство к концу приходило и Христос с земли отходил, таинственным образом Он опять увенчивается тернами. Возвращаясь отсюда туда, откуда и пришел, окончил Он свое дело первоначальной формой своего древнего снисхождения. Первый раз Логос восхотел явиться в терновом кусте; но и быть взятым от земли восхотел Он в том же терновом венке, чем показал, что все это – дела одного и того же Божественного всемогущества, что Он есть единый Сын единого Отца, начало и конец мирового времени.

Но от морали я уклонился здесь в догматику; возвращаюсь снова к нашему предмету. Итак, мы показали что в качестве некоторого рода

лекарства, в качестве Средства, способствующего здоровью, иногда же и для удовольствия, но удовольствия умеренного, радостное наслаждение цветами, будет ли то в форме полезных мазей и масел или в форме курений, не может быть воспрещаемо. Но если некоторые спрашивают: «Какая же польза от цветов если из них не делать никакого употребления (венков)», то пусть они знают, что из них приготовляются масла и притом, очень полезные, например, лилейное масло из двух родов лилии: оно согревает, способствует очищению вяжет, увлажняет, умащает, очень летуче, возбуждает желчь, смягчает; нарциссовое масло отличается подобными же благотворными свойствами; мировое масло унимает и концентрирует газы в теле; розовое масло охлаждает; коротко: и в этой области все во благо нам создано. **«Выслушайте Меня, благочестивые дети»,** говорится, **«и растите как роза, растущая на поле при потоке; издавайте благоухание, как ливан; благословляйте Господа во всех делах»** (Сир.39:16-17, 19). И мы могли бы еще долго говорить об этом предмете, как цветы и благовония в качестве предмета потребности не составляют чрезмерной роскоши. Но пусть так, пусть в этой области нам нечто дозволено; все же довольно с нас и простого наслаждения цветочным запахом; употребление же венков во всяком случае должно быть нами оставлено. Отец Небесный разнообразно печется о людях и только к человеку, единственному из своих творений обращаясь, говорит Он: **«все это благочестивым служит в пользу: вода, огонь, железо, соль, пшеничная мука», «мед», «молоко, виноградный сок, масло и одежда»** (Сир.39:32-33).

Глава 9

О сне

Переходя затем к речи о том, как следует нам Заповеди, рекомендующие наблюдение во всем мудрой умеренности, и ко сну прилагать, должны мы касательно «того следующее заметить. После ужина следует благодарить Бога за дарованные нам в течение дня удовольствия и за все вообще препровождение дня; затем и во сне не должны мы расставаться с Логосом (разумом). Роскошное постельное белье, золотом тканые на подушки покрывала, расшитые золотом и другого рода пестрой вышивкой одеяла с шерстью на одной стороне подрезанной, пурпурные халаты и дорогие (из пушных мелких зверьков) спальные накидки, пурпурные чехлы и занавеси поэта, (мягкие) шерстяные (сверху курчавые) епанчи, постели более мягкие и приятные, чем сам сон, все это нами должно быть оставлено. Не говоря уже о том, что такая роскошь навлекает на преданного ей порицание в постыдной изнеженности, сон на шерстистых пуховиках и вреден. Тело в мягких этих постелях как бы в какой пропасти утопает и бывает как будто похороняемо. Совсем нельзя бывает с одного бока на другой и повернуться, если мягкие пуховики эти, как будто стены какие, возвышаются с обеих сторон тела. Сильная теплота этих пуховиков и пище не позволяет, перевариваться; под ее влиянием эта, так сказать, сгорает, и это на питании организма отзывается вредно. Сон же на постелях ровных, представляющих из себя и для спящего человека, так сказать, естественное поприще для упражнения своих сил (гимназию сна), содействует пищеварению. Ибо те, кто имеют возможность на

таких постелях – этом даже и во время сна естественном месте для развития тела – свободно лежать, этим самым облегчают себе пищеварение, бывают здоровее, сильнее, сохраняют большую гибкость и ловкость своих членов и, следовательно, оказываются лучше подготовленными к трудам последующего дня. Далее, и спальные лежа с серебряными ножками служат доказательством лишь Великой надменности; неприлично святым спать и на кроватях, выложенных слоновой костью, получаемой из трупа. Этого рода искусство представляет собой нечто суетное и к спальным лежанкам применяется бессмысленно, потому что со сном ничего общего оно не имеет. Не следует поэтому ни особенной любви питать к таким вещам, ни хлопотливо добиваться обладания ими; тому, у кого они есть, пользование ими, конечно, не воспрещается, но задор на них несомненно должен быть обуздан; счастье заключается не в таких вещах.

Но представляет собой равным образом циничное бахвальство и на звериных шкурах спать прямо на земле, как делал это

Диомед.

Под коим шкура, была распростерта полевого вола.

(«Илиада», XVII, 155).

Делать это следует лишь тогда, когда к тому вынуждают обстоятельства и крайняя необходимость. Одиссей под свое брачное ложе, покривившееся на одну сторону, камень подкладывал: столь деятельны были люди и столь проста была первоначально домашняя утварь; и это не только у людей частных и обыкновенных, но и у людей высокопоставленных, например, у вождей и царей греческой древности. Но к чему нам из нее за примерами обращаться? Патриарх Иаков спал на голой земле и под головой вместо подушки имел камень; и это не помешало ему именно в таком положении. быть удостоенным сверхъестественного видения. И поэтому у нас, располагающих свою жизнь согласно с учением Логоса (разума), спальное ложе должно быть скромным и простым, но приличным; оно должно согласоваться с неприязательностью наших нравов; на нем во время лета наше тело должно быть защищено от жары, а зимой – от холода. Кровати наши не должны иметь никаких украшений, и ножки их должны быть простые и гладкие; искусные резные и токарные на них работы часто служат путями и убежищами для гадких насекомых; эти ползают в углублениях украшений, не выпадая оттуда, и рука человеческая не вдруг может отыскать убежища их и самих их уничтожить там. Особенно же не согласуется мягкая постель с благородной мужественностью человека. Не расслабляющим образом сон должен действовать на тело, а служить лишь отдыхом для жизненных сил; следует, поэтому, ему отдаваться не из пристрастия к беззаботной лени, а для успокоения от работ – для того, чтобы сном приготовить себя к новому движению и трудам. Так, следовательно, должно спать, чтобы и проснуться было легко. **«Да будут чресла ваши препоясаны»**, говорится, **«и светильники горящи; и вы будьте подобны людям, ожидающие возвращения господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему. Блаженны рабы те, которых господин, пришед, найдет бодрствующими»** (Лк.12:35-37). Спящий человек ни к чему не способен; он молчалив как смерть. Поэтому часто должны мы и ночью с постели подниматься и прославлять Бога.

Блаженны бодрствующие во имя Божие: они уподобляются тем из ангелов, которых мы называем Стражами. Спящий человек, следовательно, никому не приносит пользы и не более имеет цены, чем и неживой. Но христианин, в себе свет носящий, бодрствует даже и во мраке ночи, когда все спят; «и тьма не объяла его» (Ин.1:5), а отсюда и сон именно потому, что тьма не простирает на него своей власти; просвещаемый Богом, он бодрствует; только Он один живет истинной жизнью. Ибо «в Нем была жизнь» (Ин.1:4). «Блаженны те», говорит премудрый, «которые хранят пути мои» (Притч.8:32). «Блажен человек, который слушает меня, бодрствуя каждый день у ворот моих и стоя на страже у дверей моих» (Притч.8:34). «Не будем спать как и прочие, но будем бодрствовать», говорит Писание, «и трезвиться. Ибо спящие спят ночью, и упивающиеся упиваются ночью» (т. е. во тьме неведения). «Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся» (1Сол.5:6-8).

Итак «мы – не сыны ночи, ни тьмы» (1Сол.5:5). Кто заботится о жизни истинной и мыслью трезвенной, тот бодрствует по возможности дольше и предается сну лишь в той мере, в какой это необходимо для телесного здоровья; но для такого сна времени требуется немного, если правильно приучить себя к нему. Привычкой же бодрствование облегчается, и оно развивается из постоянной преданности труду. Не следует отягощать себя пищей до пресыщения; не должно обременять себя «пищей, отходя ко сну, чтобы пища не затрудняла нас подобно тяжести, навешенной на пловца и стесняющей его плавание по волнам; но следует ложиться спать с желудком легким, чтобы себе по возможности менее повредить; трезвость поднимает нас ото сна как бы из глубокой какой пропасти, выносит на поверхность бодрствования, поднимая нас в час, назначенный для пробуждения. Сон, лишая нас возможности пользоваться чувствами и погружая в глубины самозабвения, есть брат смерти; опуская на паза наши веки, он не позволяет проникать в них свету; но, состоя сынами истинного света, мы не должны добровольно его от себя отстранять, через то себя лишая приятности освещаться его лучами; мы должны внутренне к нему обращаться, очи поврежденного нашего духовного человека для его влияния открывая, само солнце правды и истины созерцая, воспринимая в себе светлость лучей его, с ясным сознанием снимая с той истины покрывало мечтательных сонных образов. Тяжесть, следующая за разгулом, зевота, отрыжка, если кто вина напился, тяжелое дыхание, если пищей кто обременил себя, храпение в постельные покровы, ворчание переполненного живота – все это отуманивает собой светлый душевный глаз и наполняет воображение тысячью пустых фантомов, его мучающих. Причиной того является чрезмерное отягощение себя пищей, чем рассудок приводится в состояние бесчувственное в бессознательное. Долговременный сон ни на теле не отзывается пользой, ни на душе; и вообще несогласим с поведением, проникнутым образом мыслей и расположении святым, хотя природе телесной он и не противоречит. Праведный Лот – я перехожу к истолкованию дела домостроительства – не был бы доведен до незаконных объятий, если бы он не был своими дочерьми напоен допьяна и если бы, усиленный вином, не впал в долгий и глубокий сон. Если же причины чрезвычайного сна мы отстраним, то меньше будем и спать; для домочадцев Логоса, постоянно бодрствующих, неприлично целую ночь

спать, должно и ночью вставать, особенно если дни становятся короче: один – чтобы учиться; другой – чтобы ремеслом заниматься; жены, чтобы за шитье садиться; все мы должны, так сказать, борьбу вести со сном; путем привычки постепенно можно до того дойти, что прибавится к нашей жизни еще больше половины через отнятие у сна времени, которое может быть проводимо в состоянии бодрственном. Сон является, ведь, как бы откупщиком сбора податей; он делит нашу жизнь на две половины, одну – отдавая нам, а другую – оставляя себе. Далеки мы, следовательно, должны быть и от того, чтобы и днем себе позволять спать, если уже и большую часть ночи мы проводим в состоянии бодрственном. Дремота, клевание носом, потягивание, зевота суть состояния душевного расслабления. Сон не составляет для души какой-нибудь необходимой потребности; она есть *perpetum mobile*; в нем нуждается лишь тело, которое, предаваясь покою, впадает в бездеятельность; душа же за это время, переставая действовать на тело, уходит в саму себя. Отсюда возникают вещие сны, если их правильно обсудить, – прекрасные сочетания мыслей, потому что во сне свойственна душе трезвенность; она за это время не бывает поработана телесными желаниями и сама с собой лучше совещается. Перерыв же деятельности для души равен гибели, прекращению существования. Через созерцание же Бога и постоянное общение с Ним, причем, и тело поддерживается в состоянии бодрственном, душа человеческая приближается к возвышенному состоянию ангелов и за прилежное свое бодрствование награждается вечным блаженством.

Глава 10

О благочестном в христианском браке рождении детей и против роскоши в одеждах

Рассуждение это о наблюдении благопристойности в брачной жизни назначается естественно только для лип, состоящих в брачном союзе. Ближайшая цель супругов – это иметь детей, цель же высшая – иметь детей добрых (благочадие). И для земледельца забота о пропитании служит побуждением к посеву семян; целью же земледелия является снятие плодов. Но гораздо выше стоит земледелец, засевающий ниву одушевленную. Один обрабатывает поле, имея в виду получить преходящую пищу, другой, – имея в виду целость вселенной. Один насаждает для себя, другой насаждает и сеет из послушания Богу, изрекшему: **«Размножайтесь»**. Причем и то нужно иметь в виду, что человек, содействуя происхождению человека, становится образом Бога. Не всякая почва восприимчива для принятия семян; или если и всякая, по крайней мере, не для семян одного и того же земледельца. Не следует на каменистую почву сеять, ни тем менее злоупотреблять семенем, этим проводником и началом порождения, в котором дремлют его законы. Направлять **«же»** эти естественные законы вопреки разуму на пути противоестественные вообще крайне нечестиво. Послушайте, как уже Моисей, этот всемирный мудрец, некогда символически осудил соитие, совершенное не с целью зачатия. Он говорит: **«Не** ешь зайца и гиены». Он не желает, чтобы человек проникался их свойствами, ниже чтобы погрязал в их похотливости, потому что эти животные, стремясь к любовному соитию, одержимы бывают

бешеной похотью. Самка зайца, говорят, столько же каверн для экскрементов получает, сколько она живет годов. Равным образом запрещением употреблять в пищу мясо этого животного Моисей охраняет нас и от педерастии. А о гигиене говорят, что она ежегодно меняет пол мужской на женский. Запрещением употреблять в пищу ее мясо Моисей, значит, дает понять, что тот не уклонится в распутство, кто от ее мяса будет воздерживаться. Что мудрейший Моисей изложенным запрещением вменил нам в несомненную обязанность не походить на этих животных, с этим я согласен. Мнения же, будто все это Моисеем символически на изложенных основаниях сказано, я не разделяю.

Силам природы никогда нельзя причинить насилия до извращения их. Что раз сделано ей, то страстью не может быть переделываемо. Страсть не природа. Страсть может извратить характер уставов природы, но не может она их переделать на другой лад; ею может быть разрушаема форма вещей, но не сущность их. Хотя и говорится, что многие птицы по временам года меняют перья и голос; – так перья дрозда из черных становятся желтыми, и его пение из благозвучного меняется в трескучее; перья и голос соловья подвержены подобным же измеиениям; – но вовсе не видно, чтобы эти птицы меняли самую свою природу, чтобы перемены эти вели за собой превращение самцов в самок. С приближением весны возрождаются и перья их, принимая вид новой одежды и расцветая обновленными красками. Вскоре после того перья эти, конечно, начинают линять: так цветы вянут под суровым действием зимы. И голос этих птиц под влиянием холода точно так же слабнет и гаснет. От холода наружные покровы их тела сжимаются, а, сжимаясь, они суживают вместе с собой и артерии их горла, которое с этих «пор» может издавать звук только уже хриплый в сдавленный. С возвратом же хорошего времени года смягчается и голос их. Под влиянием мягкости воздуха артерии расширяются и снова дают воздуху свободный проход, ранее воздухом же закрытый. Пение птиц из слабого и медленного оттого делается громким и гармоничным и раздается далеко во все стороны; это – гимн природы, ежегодно возобновляющийся вместе с весной. Не следует поэтому верить, будто гиена изменяет свою природу. Одно и то же животное не может иметь срамные уды сразу и того, и другого пола, как думают некоторые, о каких-то чудовищных гермафродитах толкуя и между мужским полом и женским вводя еще новый какой-то, женомужеобразный. Весьма заблуждаются такие люди, не наблюдая, с какой заботливостью любвеобильная природа охраняет целость существ, которым она является общей матерью и первовиновницей их рода. Дело в том лишь, что животное это, т. е. гиена, в высшей степени похотливое. Под хвостом, близ выхода для испражнений у нее имеется своего рода кожаный мешок, весьма напоминающий срамные части самки. Отверстия же этот нарост никакого не имеет, которое выходило бы в какую-либо дельную часть организма или в матку или, например, в прямую кишку. Нарост этот представляет из себя внутри лишь пустоту, принимающую на себя, но совершенно понапрасну, пустое сладострастие этих животных, когда естественные пути для зачатия плода не оказывают расположения к соитию. Этот нарост общ и для самцов, и для самок гиены и он-то делает их чрезвычайно сладострастными. Самец поэтому попеременно и берет, и подставляется, оттого и самка гиены вообще встречается в природе весьма редко; потому же это животные и зачинают не

часто; в них довольно ярко заявляет о себе насыщение, не заботящееся о целях природы. С отношением к этому-то злоупотреблению, как мне кажется, и Платон в «Федре», осуждая педерастию, называет эту любовь животной, потому что своенравные эти сластолюбцы, закусывая удила, отдаются сладострастию по образцу этих животных и пытаются осеменить собственных своих сынов. Нечестивцев же этих, как говорит апостол, **«предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставивши естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение»** (Рим.1:26-27).

Даже похотливейшим из животных природа не позволяет извергать семя в выход для испражнений. Урина выделяется в мочевой пузырь, смоченная пища в желудок, слезы – в глаза, кровь – в вены, сера – в уши, слизь – в ноздри, и заднепроходная кишка служит общим проходом для экскрементов. Только относительно гиены природа допустила некоторое разнообразие, для излишнего и бесплодного соития этот излишний нарост мяса измыслив и зудящим срамным частям на некоторое время с его впадиной заставив его служить; но эта пустота вводит гиен в обман, потому что она вовсе не для порождения назначена. Отсюда становится ясным и всеми должно быть признано, что уже сама природа воспротивилась соитию мужчины с женщиной. Недозволительно человеку соитие, совершаемое без цели зачатия, ни неестественное при этом положение, ни с субъектами связи, несоединимое в себе соединяющими. Уже самим строением мужского тела природа указала, что оно устроено не для того, чтобы принимать в себя семя, но, чтоб его выбрасывать. Некогда пророк Иеремия, или, лучше сказать, устами его Дух Святой, говорил: «Пещерой гиены стал дом Мой» (Иер.7:11; Иер. 12:8). Обращение возбуждая к пище, состоящей из мертвых тел, пророк мудрой этой аллегорией порицает служение идолам. Ибо поистине дом живого Бога должен быть свободен от идолов. Равным образом Моисей запретил употребление в пищу и мяса зайца. Он постоянно совокупляется и насакивает, а самка его присаживается, ибо он из числа тех животных, которые насакивают спина к спине. Зачинает же в течение одного месяца и до конца вынашивает плод; становится беременной и рождает. После того, как родит, тотчас оплодотворяется от какого угодно зайца, ибо ей никогда не хватает одного брака, и вновь зачинает, хотя еще и кормит. В матке зайчиха имеет две пазухи, ибо одной только пазухи ей недостаточно для того, чтобы принимать в себя семя самца. Всякая пустота кидает наполнения. Отсюда происходит, что, когда в одной части уже развивается плод, другая часть ее матки томится от желаний и горит от похоти; отсюда новое оплодотворение. Через эту аллегорию Моисей запрещает нам отдаваться чрезмерным пожеланиям, слишком стремясь к соитию, предаваясь страсти с беременными женами, чередуя утехы с утехами, занимаясь любовью с мальчиками и изменяя супругам, и вообще внимать голосу похоти.

Поэтому и открыто, без символического прикрытия, он дает такие заповеди: **«Не прелюбодействуй»** (Исх.20:14), **«не ложишься с женщиной, как с женщиной»** (Лев.18:22). На исполнение этих заповедей Логоса должны быть

обращены все наши силы; эти заповеди отнюдь не должны быть ни преступаемы, ни ослабляемы. Злому желанию имя бесчинство; и лошадь жаркую Платон называет неистовой (см. в «Федре»). Он читал написанное у пророка: **«это – откормленные кони: каждый из них ржет на жену другого»** (Иер. 5:8). О наказании же за сладострастие могут рассказать нам ангелы, в Содом пришедшие. Жителей этого города, пытавшихся их растлить, они сожгли и с городом, предуказав этим знамением ясно, что результатом разнузданности пожеланий бывает огонь. О наказующих судах Божьих, которые постигали древних евреев, как я уже и ранее замечал, **«для того записано, чтобы мы оными вразумлялись»** (1Кор.10:11) и не впадали в подобные пороки, дабы и нам не подпасть тем же несчастьям.

На каждого мальчика мы должны смотреть как на своего сына, а на каждую чужую женщину как на свою дочь. Желания вообще сдерживать, а над желаниями чрева и подчревного человека господствовать, это – власть благороднейшая. Если разум (Логос) мудрому предписывает даже пальцем не двигать бесцельно, как говорят стоики, то не тем ли более друг истины должен господствовать в той частице тела, в которой совершается соитие? Потому, ведь, она и называется стыдом, что с этой частью тела должно обходиться с наибольшей робкой стыдливостью.

Природа как в отношении пищи, так и в отношении законного брака позволяет пользоваться лишь тем, что естественно, целесообразно и благопристойно. Она дозволяет страстное стремление к производству детей. Но всякая чрезмерность и неумеренность идут уже против законов природы; неестественными связями допускающие их сами себе вредят. Прежде всего, отсюда закон, чтобы мы никогда не вступали в любовную связь с юношами будто с женщинами. Потому философствующий ученик Моисея, Платон, говорит: «Не следует на утесы и на камни сеять, где семя никогда корней пустить не может». И Логос устами Моисея повелевает ясно: **«И не ложишься с мужчиною, как с женщиною; это мерзость»** (Лев.18:22). «Вдали себя держать ты должен от всякой жены за исключением своей», советовал блистательный Платон, из Божественных Писаний извлекая свои законы и здесь вычитавший: «И с женою ближнего твоего не ложишься, чтобы излить семя и оскверниться с нею» (Лев.18:20). «Преступно и неплодно рождаемое от наложниц». «Не сей там, где не хочешь, чтобы семя твое взошло»; «и вообще ни к какой не прикасайся женщине, Кроме как к своей собственной жене» (Лев. 18:20); с ней только имеешь ты право предаваться утехам плоти для зачатия законного потомства; лишь это дозволяется Логосом. У того, кто тем, что он делает сам, содействует творческой деятельности Логоса, семя не будет отвергнуто и не принесет никакого вреда, не на рога вола же нужно сеять.

Поэтому же этот самый Моисей запрещает и сходиться с женами, когда у них бывают месячные очищения. Ибо не прилично семя, из которого будет развиваться жизнь, и вскоре за тем возникнет человек, осквернять тем, что выводится из тела ради его очищения, нечистым истечением плоти и теми выделениями, которые выходят из организма при очищении его обливать и в них как бы полоскать. Да и семя, если оно не соприкасается с углублениями внутри матки, тотчас же портится и родотворной силы лишается. Ни о ком из древних евреев у Моисея поэтому и не говорится, чтобы он сходился со своей

беременной женой. Ибо и без того пустым будучи, это удовольствие, если кто им пользуется и в браке, становится нечестивым, не соответствующим идее брака и противоразумным. Напротив, Моисей призывает мужей воздерживаться от беременных, пока они не освободятся от плода. И подлинно. Матка, расположенная, под мочевым пузырем несколько выше кишки, которая называется прямой, обыкновенно простирает свою шейку плечами в сторону мочевого пузыря. Но как скоро отверстие шейки оказывается наполненным, матка запирается и опрастывается уже только во время родов; лишь когда замок этот снят, тогда матка принимает в себя семя. Ради пользы слушателей здесь нам нисколько не стыдно поименовать, органы, в которых происходит зачатие плода, ибо сотворения их сам Бог не устыдился. Итак, матка, в жажде рождения детей восприняв на себя семя, с этих пор не желает постыдного и достойного порицания соития, закрытием своим указывая в нем уже необузданность и распутство, после насыщения ввиду закрытия шейки своей, удерживаясь от сладострастия. Ее стремления, которые прежде были направлены на любовные объятия, обращаются теперь внутрь, занятые лишь образованием плода, вспомоществуют Творцу. Не следует поэтому природу уже занятую к этому еще беспокоить из границ выходящим бесчинством. Потому что как скоро сладострастие не сдерживается, развивается бесчинство многоименное и многовидное, называемое распутством. Этим словом обозначается постыдное, публично и явно о себе заявляющее стремление к соитию; и если оно усиливается, то приносит с собой целый рой болезней: любовь к лакомым кушаньям, склонность к выпиванию, женолобие, кутежи, страсть ко всякого рода удовольствиям; а всеми ими командует желание. Развиваются отсюда бесчисленные родственные страсти, и беспутство образует собой венец над ними.

Но Писание говорит: **«Готовы для кощунствующих суды, в побои»**. – да **«тело глупых»** (Притч.19:29). Упорство невоздержанных и чопорная их настойчивость (на своем беспутстве) здесь называются «телом глупых». **«Отврати»** посему, **«Боже, от Твоих слуг суетные** ожидания; отними от меня непристойные пожелания; пожелания чрева и сладострастие да не овладеют мной» (Сир.23:4-5). Неизвестен должен быть нам многообразно зловерный образ действий этого рода людей лукавых. Не к Кратеса лишь Пэре, но и к нашему «городу пусть не причаливают никакие вздорные прокудники, ни зазорное распутство, гузом куртизанок забавляющееся», никакая вся уже пропитанная прелью продажность и никакое другое в этом роде похотливое животное. Великое перед нами в форме этой жизни раскинуто поле для деятельности честной. Или женись, или совершенно воздерживайся от связей этого рода. Особое об этом предмете исследование я изложил в моем сочинении «О воздержанности». Но если кто женился, то подлежит еще вопросу, до какой степени: позволительно к соитию относиться как к пище, которая, действительно, необходима постоянно. В том сочинении моем показано, что от этого рода удовольствий нервы в нашем организме слабнут и как нити рвутся, чувства покрываются тьмою и силы истощаются. Открывается это на неразумных животных, но и на атлетах; именно воздержанные из них одерживают верх над другими и в состязаниях. Но те же самые организмы, будучи допущены к соитию и чуть не насильственно к нему привлеченные,

лишаются начисто и быстро всей своей силы. Соитие софист из Абдеры (Демокрит) называет «малой эпилепсией» и считает ее за неизлечимую. Да как и не происходит ослаблению нервов если апосперматизм сопровождается столь важными результатами? Человек из человека рождается и уничтожается. Такова великость осуждения: через опорожнение соития извергается целый человек. «Вот, говорят он, **«кость от костей моих и плоть от плоти моей»** (Быт.2:23)». Итак, человек настолько лишается жизненных сил от семяизвержения, насколько представляется он своим телесным организмом, ибо в начале жизни лежит как раз то, что связано с концом; отчего и извержение материи разрушает здоровье и у организма подтачивает и уменьшает силы. Хорошо поэтому поступил тот, кто к спрашивавшему его: как он относится теперь к любовным делам, отвечал: «Молчи, добрый человек. Я очень рад, что убежал от этого дикого и жестокого тирана». И все же брак одобряется и допускается, ибо Бог хочет, чтобы род человеческий умножался (Быт.2:23). Но Он не говорит «Будьте похотливы» и не хочет, чтобы вы, будто рожденные для соития, были преданы сладострастию. Педагог хочет нас стыдливостью проникнуть, когда у Иезекииля взывает: **«Обрежьте край у вашей плоти»** (Иез.44:7; Иез.44:9). Для того, чтобы сеять, подходящим бывает какое-то определенное время даже у лишенных разума животных. Совокупляться, если не ради рождения детей, это значит обижать природу; учительница эта сама указала, какому возрасту свойственно это и устранила от этого отроков и старцев; первых – за неспособность к этому, последних – через погашение в них и желаний. Но не хочет она, чтобы и в браке люди всегда предавались физической близости, ибо она связана со стремлением к рождению сыновей и не представляет собой беспорядочное выбрасывание семени, совершенно противоестественное и противоразумное. Вся жизнь у тех течет согласно с природой, кто в самом их начале желания сдерживает и, если род человеческий зарождается по Божественному определению, то не будем предаваться бесчестным и вредным искусствам, как те женщины, которые, чтобы скрыть следы прелюбодеяния, пьют зелья, вызывающие выкидыш и сразу приводящие к гибели плода. Они вместе с плодом теряют все, что в них было человеческого.

Впрочем, и для тех, которым брак обстоятельствами дозволен, тоже необходимо советоваться с Педагогом, чтобы во время бела дня им не справлять беспутных оргий, чтобы, например, из церкви или утром с рынка домой придя, не набрасываться им на жен подобно петухам в то время, когда следовало бы молиться или читать, или обязанностями своего призвания заниматься. Вечером после ужина и по принесении Богу благодарения за испытанные благодеяния следует ложиться спать. Но помнить следует указание уже самой природы, что не постоянно время удобное, для того, чтобы сходить друг с другом на ложе, притом, тем желаннее будет соитие, чем долгожданнее. Но и ночью не следует бесстыдными быть на том основании, что темно. Следует и на ночь стыдливость в сердце удерживать, чтобы она и в это время освещала наши помыслы. А то ведь мы нисколько не будем отличаться от Пенелопы, если днем будем ткать ученья о воздержанности, а ночью, отходя в постель, если будем распускаться. Если стыдливость есть постоянная обязанность, то тем более рядом с супругой должно ее обнаруживать, не доходя в любовных объятиях до забвения благопристойности.

И чем безупречнейшую нравственность будешь наблюдать в отношениях с твоими домашними, тем вернейшее о твоей вере свидетельство будет исходить из самого дома твоего. Жена не может в чистоту твоей нравственности верить, если ты не доказываешь ее в порыве желаний. Любовь падкая до удовольствий отцветает быстро и блекнет вместе с телом; а иногда минует и ранее того с увяданием желания, когда брачная воздержанность жестоко подорвана добрачным распутством.

Сердца любящих крылаты; любовный жар часто бывает погашаем раскаянием; с наступлением пресыщения любовь превращается в ненависть. Поэтому ничем между нами не должны быть напоминаемы бесстыдные слова, постыдные образы, с делом гетер имеющие соотношение, их поцелуи и подобные виды любострастия. Мы должны быть послушны апостолу, который ясно говорит: **«А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым»** (Еф.5:3). Верно поэтому, как кажется, сказал некто: «Соитие пользы не принесло еще никому; счастлив тот, кому оно не повредило». Потому что уже и в законном браке оно влечет за собой опасности, если не имеет единственной цели – рождения детей. А относительно соития вне законного брака Писание говорит: «Жена продажная сродни козлу приходится, замужняя же смертоносной башней является для тех, кто с ней обращается». Любострастность гетеры здесь сравнивается с козлом или свиньей, постоянные сношения с женой непотребной – с самопроизвольной смертью, потому что она подкарауливает тебя на акте непотребства. Гибнут целые дома и города, если царит в них невоздержанности Но и поэтическая ваша Сивилла, некоторым образом именно это порицая, пишет:

О, город порочный и развратившийся;
в тебе царят любодеяние и нечестивое соитие между собой

мужчин,
Город гнусный и сладострастный,
город себя осквернивший, всесторонне срамной.
Напротив того людям,
Ни на чужое ложе бесчестно не посягавшим,
Ни над мужчинами деяний гнусных и отвратительных не учинявшим,
Сивилла радуется.

Некоторые грехи свои считают за удовольствия согласные с природой; другие же, которые будут несколько поприличнее этих, хотя и признают в таких склонностях грехи, но побеждаемы бывают своими пожеланиями и ночь становится покровом их пороков. Но тот, кто непотребным образом злоупотребляет своим браком, через это оскверняет его все равно что прелюбодеянием. Не слышит ли он, что Педагог говорит: **«Человек, который согрешает против** своего бога, говорит в своей душе: “кто видит меня?” Вокруг меня тьма, и стены закрывают меня, и никто не видит меня: “чего мне бояться? Всевышний не вспомнит грехов моих?”» (Сир.23:24-23) Такой человек жалок, потому что он только глаз человеческих страшится, а от Бога думает укрыться. **«Ибо он не знает»**, говорит Писание, **«что очи Господа всевышнего в тысячу раз светлее солнца, что они все пути человеческие назирают и в сокровенные вещи проникают»** (Ис.29:15). Равным

образом Педагог и грозит им, говоря через Исаию: **«Горе тем, которые** думают скрыться в глубину, чтобы замысел свой утаить от Господа, которые дела свои делают во мраке я говорят: “кто увидит нас? И кто узнает нас?”». От света чувственного, быть может, еще можно укрыться, от духовного же невозможно. «Как может кто-либо, говорит Гераклит, от Света укрыться, который никогда не заходит»? Поэтому никогда не будем прикрываться темнотой, ибо свет в нас самих живет **«и тьма не объела его»** (Ин.1:5). Образом мыслей честным и скромным бывает освещаем мрак и самой ночи. Мысли людей добрых Писание называет **«неусыпающими светочами»** (Прем.7:10). Кто от самого себя пытается скрыть свое дело, тот через это самое выдаёт греховность его. Но всякий, кто грешит, вместе с этим тотчас совершает и несправедливость, и в случае неверности жене не столько против своего ближнего, сколько против самого себя, потому именно что он брачную верность нарушал и через это оказался человеком грязным и презренный. Грешник по мере своих грехов становится тем испорченнее и сам на себя навлекает бесславие.

Но в грешнике, который постоянно бывает побеждаем чувственным пожеланием, постоянно живет и самый порок невоздержанности. поэтому вообще каждый невоздержанный мертв перед Богом; оставленной Логосом и Святым Духом, он – труп. И естественно. Святое не желает быть оскверняемым; «чистому только с чистым постоянно свойственно соприкасаться».

Со снятием с себя одежд да не покидаем посему стыдливости, так как праведному вообще и никогда не следует расставаться с мудрой воздержанностью. Ибо вот **«тленному сему надлежит** облечься в нетление» (1Кор.15:53), если ненасытимостъ пожеланий, возросшая до сладострастия, укрощается той воздержанностью, которая смертным более не занята, (а к небесному стремится), и таким образом подготавливает человека к воздержанной жизни по ту сторону гроба. **«Чада века сего женятся и выходят замуж»** (Лк.20:34; Мф.22:30), а когда дела плоти будут отменены, то хотя и этой плотью облеченные, но по чистоте ее подобясь ангелам, достигнем мы бессмертия.

Поэтому и Платон, воспевавший на иностранной (моисеевой) философии, в «Филебе» таинственно называет того безбожником, кто живущего в нем Бога, Логоса, насколько Его есть в нем, оскверняет и грязнит, позволяя в себе жить плотским вожделениям. Не следует тем смертью жить, кто Богом освящен; **«разве не знаете»**, как говорит Павел, **«что тела ваши суть члены Христовы? Итак,** отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет! Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого умеете вы от Бога, и вы не свои»? (1Кор.6:15; 1Кор.6:19) Помните о 24 000 извергнутых за распутство. Но несчастье, как я уже замечал, есть **«образ»** того, в какой степени нам следует свои плотские склонности сдерживать (1Кор.10:6). Педагог ясно и словами напоминает нам: **«Не ходи вслед похотей твоих и воздерживайся от пожеланий твоих»** (Сир.18:30). **«Вино и женщины развратят разумных, а связывающийся с блудницами** сделается еще наглее. Гниль и черви наследуют его, и дерзкая душа истребится» (Сир.19:2-3). Педагог не перестает пособлять нам, говоря и еще: **«Преданный сердцем удовольствиям будет осужден»** (Сир.19:5).

Итак, не следует нам быть побеждаемыми от любовных удовольствий,

томиться пожеланиями, возбуждаться, себя осквернять противоразумными чувственными влечениями и удовлетворением их. Сеять позволительно только женатому да и то как земледельцу, когда время придет для посева. Против вожделений же разум есть наилучшее лекарство. Помогает и недостаточно сытное питание; это – пресыщение, возбуждая пожелания, увлекает к плотским удовольствиям. Итак, не должно позволять себе ни в одежде никакой роскоши, ни разнообразными кушаньями обставленного стола.

Господь разделяет свои заповеди на три класса:

- 1) на заповеди по отношению к душе
- 2) – к телу и
- 3) на заповеди по отношению к вещам внешним, позволяя нам заботу о приобретении их из-за тела.

Но так как тело управляется душой, то Он дает ей такое педагогическое наставление: **«Не заботьтесь для души»** (жизни) **«вашей»**, что вам есть, ни для тела, во что одеться. Душа» (жизнь) **«больше** пищи, и тело – одежды» (Лк.12:24). И Он разъясняет это очевидным примером: **«Посмотрите на воронов: они не сеют, не жнут; нет** у них ни хранилищ, ни житниц, и Бог питает их; сколько же вы лучше птиц?» Это касательно пищи. Но подобное же наставление дает Он и относительно одежды, попечение о которой относится к классу третьему, или заповедям о вещах внешних. **«Посмотрите на лилии»**, говорит Он, **«как они растут: не трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них»** (Лк.12:27; Мф.6:28-29). А Соломон царь весьма славен был богатствами. Что красивее, блестящее цветов? Что прелестнее лилий и роз? **«Если же траву** на поде, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь. Бог так одевает, то кольми паче вас, малoverы! Итак не ищите, что вам есть иди что пить» (Лк.12:28-29). Здесь словечком **«что»** (фй) изгоняется многообразие пищи, что открывается из другого места: «... что за (рпйб) пищу (кушанья) должны мы есть и какого рода напитки пить».

Но такого рода вещами озабочиваются лишь погоня за излишним и сластолюбие. Простое слово **«есть»**, взятое лишь само по себе, означает ограничение необходимым, даже изобилие еще, как мы сказали, происходящее от ограничения потребностей. Это словечко **«что»**, следовательно, нужно понимать об **«излишнем»**, но все **«излишнее от дьявола»**, говорит Писание (Мф. 5:37). Что таково именно значение этого слова, открывается из присоединенного еще другого выражения, потому что, сказав: **«Не заботьтесь** что есть и что пить». Он прибавил: **«И не беспокойтесь»** (не надрывайте себя, не преувеличивайте своих пожеланий, заходя в них слишком далеко). Удаляют же от простоты и естественности притязательность и погоня за разного рода приятностями. Но эта жизнь, все свое время убивающая на погони за излишним, проводимая среди удовольствий и наслаждений, далека от разумности, естественности и святости. Поэтому и говорится столь прекрасно: **«всего этого** ищут люди мира сего» (Лк.12:30). Они живут беспорядочно, неразумно, по-язычески. А что означает словечком **«это?»** Под ним разумеются разного рода приятности, удовольствия и увеселения, изысканный стол, закуски, выпиванье. Вот что значит это **«что»**. О простой же пище, как сухой, так и жидкой, говорится: **«ваш** же Отец знает, что вы имеете нужду в том» (Лк.12:30). И если нам вообще по самой нашей природе свойственно вперед

стремиться, то не на излишества и утонченные чувственные приятности у нас эти стремления направлены, а воспламеняемся мы ревностью к устроению в своей жизни согласия между словом и делом, к естественности, к непорочности. «**Наипаче ищите**», говорится. «**Царствия** Божия, и это все приложется вам» (Лк.12:31).

Если же теперь Господь заботу об одежде, о приятностях вкуса и других удовольствиях и вообще заботу обо всем излишнем как не о существенно необходимом из нас желает исторгнуть, то что сказал бы Он о страсти к нарядам, об окрашивании в различные цвета шерсти и о пестрых одеждах, о погоне за драгоценными камнями, об украшениях из золота, об искусственной прическе волос и о завивании их в локоны? Что сказал бы Он о подведении глаз, о сведении с тела волос, об употреблении различных притираний, свинцовых белил и румян, о подкрашивании волос и об употреблении разных других искусственных средств обольщения? Нельзя ли с полной вероятностью об этих аляповатых прикрасах того же сказать, что ранее о сене было сказано?

Мир и вправду луг, а мы – трава, орошаемая Божественной благодатью. Хотя и скошены мы будем, но всход собой дадим опять, что обстоятельнее разъясню я в писании «О воскресении». А «сеном» аллегорически называются массы народные, столь склонные к преходящим удовольствиям. Люди расположении пошлых расцветают при такого рода забавах, но лишь на короткое время. С увлечением они занимаются нарядами, погоней за почестями, за всем, только не за простотой, целесообразностью и естественностью; посему ни на что более они и не пригодны как на сожжение огнем. «**Был**», рассказывает Господь, «**некоторый очень**» богатый человек. «**Он одевался в пурпур, носил тонкое** полотно и жил каждый день на славу». Вот-то было «сено». А «**некоторый нищий, по имени Лазарь, покрытый язвами, лежал** в колоннаде пред домом, всеми оставленный; охотно он и тем питался, что попадало ему со стола богача». Вот это трава. Но один был наказан низведением в ад, доля богача была в огне; другой же возродился и новой жизнью расцвел на лоне Авраама.

Восхищаюсь я древней республикой Лакедемонской и удивляюсь ей. Здесь разноцветные платья и золотые украшения позволялось носить лишь гетерам, женщинам же безупречным и приличным наряжаться и искусственным образом прихорашиваться было запрещено; только женщинам дурного поведения позволялось разодетыми ходить и пыль другим пускать в глаза разукрашенностью. У афинян, напротив, знатные мужчины, об утонченной внешности заботясь, а о своем человеческом достоинстве забывая, носили золото, до пят спускавшиеся хитоны и особого рода надстройки из волос (ксщвхлпт), зашлифовывая их на голове золотой булавкой с головкой в виде кузнечика. Но тупой этой безвкусицей и нечувствительностью к истинно тонким приличиям доказывали они лишь свое поистине земное происхождение. Глупым соревнованием им в этом заразились и остальные ионяне, которых Гомер, как людей женоподобных, называет длинноодеждными.

Люди, занятые нарядами, следовательно, преследуют в этом лишь мечтательный образ прекрасного, а не самую красоту и как новые

идолослужители, лишь прикрывающиеся прекрасно звучащим именем, должны быть изгоняемы из нашего общества, потому что в своей лживой мечтательности они грезят о природе прекрасного неразумно; их жизнь есть глубокий сон неведения. Мы же, из этого сна проснувшись и стараясь об украшении себя истинной красотой, должны, – чтобы заснуть нам при конце этой жизни сном мирным, – этому миру, лишь мирскими прикрасами услаждающемуся, сказать уже теперь «прости». Я утверждаю, что в одежде мы нуждаемся не для другой какой цели как для прикрытия тела, для защиты его от холода и жара, чтобы докучливая изменчивость погоды нам не причинила вреда. Но если такова цель одежды, то к чему из особенных материалов у мужчин одежды и из особенных у женщин? Не одна ли и та же потребность прикрытия тела обща и тем, и другим, подобно как потребность в еде и питье? Но одинаковой потребностью обуславливается и одинаковый образ удовлетворения.

Так как обоим полам свойственна общая потребность прикрывать свое тело, то и прикрытия у того и другого пола должно быть одинаковое, с дополнением у женщин лишней одежды для прикрытия лица. Но если женский пол вследствие своей слабости гораздо большего желает, то причина этого в той же дурной воспитанности, вследствие которой и мужчины, вырастая в наихудшем образе жизни, часто женственнее жен становятся; значит не следует и женам потакать в этом деле. Если в чем желания их и следует принимать в соображение, то разве только в позволении им носить одежды из материалов сравнительно более мягких, но и то с тем условием, чтобы чрезвычайно тонкие материи, высшей глупостью чрезмерно хитро и трудолюбиво сработанные, и любопытные на тканях узоры, и искусные складки с них были как можно радикальнее устранены; шитью золотом, опушкам из индийских зверьков и заботливо вырабатываемому червячками шелку мы сказать должны «прости». (Шелк вначале есть не иное что как червь; потом из червя развивается толстая гусеница; третья метаморфоза представляется мотыльком; некоторые называют его и куколкой; она развивает длинную нить, подобно тому, как паук развивает паутину). Употребление столь необычайной и при этом столь прозрачной материи выдает собой лишь не очень твердый образ расположения, сказывающийся в легком прикрытии частей тела, обнаружения которых стыдиться бы должно. Столь мягкая одежда вовсе не представляет собой никакого прикрытия; скрывать форм, какие имеет нагое тело, она вовсе не может. Такая одежда, плотно прилегая к телу, огибает собою формы его, отпечатлевает на себе вид тела, с ним как бы срастаясь; формы женского тела она выдает столь пластично, что линии тела бывают видимы, хотя оно и не обнажено и наготы его хотя не видать. Оставлено должно быть нами ношение такого рода одежд, а также крашенных. Действительную потребность они собой превышают, с простотой и естественностью не согласуются; кроме того, дают повод для различных невыгодных толков; да и пользы никакой не приносят ношение их; от холода они не защищают, а перед другими материалами не имеют другого преимущества кроме того разве, что собой навлекают осуждение; а пленительность красок очень сильно побуждает людей, жадных до зрелищ, к глупому ротозейству.

Для людей, которые невинны и в душе правы, пристойнее одежды белые и простые. Ясно и оттого неприкровенно говорит пророк Даниил: **«Поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние ал Нем было бело, как снег»** (Дан.7:9). Одетыми в такую же одежду видел души и Господень тайновидец: **«Я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И даны были каждому из них одежды белые»** (Откр.6:9; Откр.6:11). А если кто хочет носить одежды и иных цветов, то носи, по крайней мере, не изменяя естественного из цвета. Тем более должно быть оставлено употребление цветных одежд, расшитых разными финтифлюшками вакхического культа и культа мистерий, а также пурпурных и серебряной посуды. Комик говорит, что

Для сцен это хорошие вещи, но не для жизни.

Наша жизнь, скорее, всем должна быть, только не театральным представлением.

Одежды из материалов, окрашенных в темно-красным цвет и в оливково-зеленый и в светло-зеленый и в розовые и в ярко-красный и во множество других искусственные цветов суть не что иное как разновидности того же сладострастия, изобретательного на все зловерное. Средством для увеселения глаза служат такие одежды, а не средством для защиты тела. Одеждам золотом расшитым и пурпурным и одежам с разными на них вышитыми, вытканными и нарисованными цветами, и одежам, пахнущим шафраном (т. е. желтым от окраски их шафраном), и дорогим пестрым мантиям из светлых тканей, с мелкими животными, в пурпур затканными, должно сказать последнее «прости», а равным образом и ткацкому этому искусству. Ибо «чего разумного и доброго от жен можно ждать, которые сидят в цветах, разодетые в шафран, набеленные и нарумяненные», говорит комический поэт. Оттого и Педагог напоминает внятно: **«Не хвались пышностью одежд, и не превозноси в день славы»** (Сир.11:4). И в Евангелие осмеивая разодетых в богатые одежды, говорит Он: оде**«вающиеся пышно и роскошно живущие находятся** при дворцах царских» (Лк.7:23). Дворцами называет Он палаты земных царей, местопребывание земных расположение где господствуют красота воображаемая, погоня за пустыми почестями, лесть и ложь. К небесному же придворному штату относящиеся, к свите Царя вселенной, наблюдают за чистотой платья душевного, т. е. и за чистотой телесной, но свое тело освящая, и таким образом облакаясь в одежду бессмертия. Посему как незамужняя женщина только Богу служит и ее мысли неразделены, а замужняя честная женщина свою жизнь разделяет между Богом и мужем (1Кор.7:34), а дурновоспитанная совершенно утопает в браке, т. е. в страстях: подобно этому, полагаю я, честная жена, желающая мужу нравиться, и Богу служит искренне; жена же суетная от Бога отпадает, а вместе с тем оказывается она не соответствующей идее и истинного брака, потому что она мужа на наряды меняет подобно той аргивской гетере, разумею Ерифюлу, которая

На блестящее золото променяла драгоценного мужа.

В этом отношении хвалю я кеосского софиста, который образы Добродетели и Порочности, соответственно их противоположностям, так начертывает: Одну, Добродетель, представляет он стоящей (перед Геркулесом)

просто, в чистой бедой одежде; ее единственным украшением являлась скромность (таковой и верующая жена должна быть, т. е. при преданности добродетели она проникнута робкой стыдливостью); другую, напротив. Порочность, изображает он совершенно иначе, разодетую в разные одежды, тщеславящуюся наведенной белизной и румянцем лица, с движениями и всей манерой держания себя, тщательно рассчитанными на возбуждение в зрителе желаний, как это обычно у блудниц. Кто хочет учеником Логоса быть, тот не знакомься следовательно ни с каким постыдным пожеланием, а равным образом и в одежде наблюдай соответствие лишь потребности. А если Логос устами Давида поет о Господе: «дочери царей между почетными у Тебя; стада царица одесную Тебя в Офирском золоте» (Пс.44:10), то понимает Он при сем не в материальном отношении роскошную одежду, а возникшую из веры красоту помилованных, красоту церкви, в которой не имеющий никакого дела с «обольстительным искусством» Иисус (1Пет.2:22) блистает как золото; а золотые кисти, это – избранные.

И если из снисхождения к женщинам можно для их одежд ткать материи, приятно действующие на глаз и более мягкие наощупь, все – же не должны они крашенными быть, чтобы, одевшись в них, им не походить на картины, намалеванные для развлечения глаз: такая и картина через короткое время изглаживается. Подобным образом и мытье шерсти в щелочах, подготовка ее к принятию краски разными едкими средствами и окрашивание разными ядовитыми жидкостями делает ткани одежд дряблыми. Но это уже и с хозяйственностью несогласно. Те обнаруживают тупость чувства красоты и нечувствительность к более тонким приличиям, которые в изумление приходят при виде богато расшитых длинных и широких с многочисленными складками платьев из материй чрезвычайно тонких и легких, при виде накидок до пят из материй столь же тонких и нежных и при виде распашных военных плащей, вообще при виде «хламид и хитонов», о которых говорит Гомер и назначаемых для прикрытия стыда. Поистине стыжусь о том, думая, сколько денег на прикрытия стыда тратится. Первый человек в раю для прикрытия своей наготы себе нарезал соответственно потребности лишь ветвей с листьями; а теперь, когда для нас одежду овцы выращивают, все же не должны мы в глупости на них походить, но в качестве питомцев Логоса, от драгоценных одежд отказываясь, должны мы приговаривать: «Не что иное вы, как овечьи волосы». Пусть хвастается (тонкой шерстью) Милет; пусть ей чванится Италия; пусть некоторые, проникаясь безумной любовью к овцам, шерсть на них охраняют даже кожаным прикрытием: нам не стоит озабочиваться этим. Блаженный Иоанн и об овечьей шерсти, отзывающей роскошью, ничего знать не хотел, а выбрал для себя верблюжьи волосы и во власяницу из них одевался, будучи представителем образа жизни простого и свободного от обольстительного щегольства. А ел он дикий мед и саранчу (Мк.1:6), подготавливая и собой открывая для Господа пути поста и умеренности. Мог ли он в пурпурную одежду одеваться, если и от всякого городского тщеславия уклонялся, в одиночество пустыни удалился, в тиши ее лишь с Богом обращаясь, отрешаясь от погони за разного рода ничтожными вещами для серьезной заботы о вещах истинных, для снискания истинной и глубочайшей добродетели вместо вещей мелочных и пустых. Илия

носил прикрытие из овечьей шкуры, придерживая ее около чресел волосяным поясом (4Цар.1:8; 4Цар.2:13). Другой же пророк, Исаия, ходил вовсе нагим и без обуви; часто облакался он и во вретище одежду смирения (Ис.20:2). А если ты и об Иеремии хочешь слышать, то он не носил ничего, кроме полотняного опоясания (Иер.13:1).

Но подобно тому, как цветущее состояние хорошо питаемого тела, его крепость и сила всего лучше обнаруживаются в обнаженном его состоянии: так и высота души и величие обнаруживается всего яснее, если тело не будет прикрываемо разными нарядами и украшениями. А ношение одежд волочащихся по земле, спускающихся даже на пяты, представляет собой верх высокомерия и гордости; да кроме того этим затрудняется твердость и выдержка походки; такой одеждой как бы метлой какой заматывается и пыль с поверхности почвы. Комедианты, опустившиеся до последней степени безнравственности, пересаживая и на сцену свое гнусное бесчинство, не пренебрегают столь низко опускающимися одеждami. Станные одежды их, растянутасть подолов, изысканная драпировка складок суть не иное что как пародия на эту в мелочах утопающую глупость.

А если бы кто в противоречие этому указал на длинную (по пяты) одежду Господа, то пусть тот знает, что разноцветный хитон Господа указывает на цветы мудрости, на различные не блекнувшие Божественные Писания, т. е. на красноречие Господа, сияющее блеском истины. Другой подобной одеждой Господа Дух Святой у Давида облакает, когда этот поет: **«Ты облечен славою и величием. Ты одеваешься светом, как ризою»** (Пс.103:1-2). Как материй для одежд не должно избирать странных, так и мера их не должна быть чрезвычайная. Конечно, было бы не в порядке вещей, если бы кто стал носить платье, только до колен достигающее, как у спартанских девиц. У женщины ни одна из частей тела не должна оставаться обнаженной. Особенно прилично будет привести здесь тонкий разговор между одним мужчиной и женщиной: «Прекрасный локоть!» – Да, но не для глаз публики назначен он». – «Прекрасно развитая нога!» – «Но собственность моего мужа.» – «Красивое лицо!» – «Но только для моего супруга.» Но я не одобряю, когда честные женщины дают мужчинам повод расточать им такого рода похвалы, которыми мужчины если и не обесславить их хотят, то, по крайней мере, лестью подкупить. Не только пяту ноги не должны они иметь обнаженной, но должны они и голову закрывать, и лицо оттенять. Телесная красота их не должна быть для мужчин предметом охоты. Но я со стороны самих женщин непристойно, прикрываясь пурпурным вуалем, выдавать тем свое желание обратить на свое лицо внимание мужчин. О, если бы в качестве материала для одежд пурпур из употребления можно было вовсе изгнать, чтобы не направлял он на себя глаз! Некоторые из женщин, вообще, шьют себе немного одежд, но все из пурпура, воспламеняя им свои желания. Находя глупое удовольствие в пресловутых этих одеждах и постоянно среди этого цвета вращаясь, по словам поэта, они среди пурпура живут, но «смертью пурпурной» и умирают. Из-за этого пурпура Тир и Сидон, и страна, что при Лаконском море, привлекают особенно много промышленников; красильщики в этот цвет и торговцы пурпурными материями в славе; но и улитки, кровь которых дает пурпур, стоят в цене.

Лукавые же жены и из мужчин женоподобные носят одежды из тонких тканей, окрашенных в разнообразнейшие искусственные цвета; увлекаясь безумным желанием отличиться, своей наглости они не знают никаких пределов; пренебрегая египетским полотном, они ищут других его видов и одеваются в полотно киликийское и из земли евреев. О материях же аморгосских и бюссинских я умалчиваю; фасоны и цвета этих щегольских одежд причудливы до крайности и их названия неисчислимы. И все же, полагаю я, прикрытием должно доказываться, что прикрытое ценней его. Как Божество лучше храма, душа – тела, так и тело должно быть для нас ценнее одежды. А няне все наоборот; если которая-либо из этих женщин захотела бы свое тело продавать, то за него ничто не дал бы и тысячи аттических драхм, а себе платья они покупают такие, что одно у них стоит до десяти тысяч аттических талантов, чем доказывают ясно, что лично-то они ни на что негодны и дешевле тканей, из коих сшиты их одежды. К чему эта погоня, следовательно, за редким дорогим и предпочтение его обыкновенному и меньше стоящему и легче доставаемому? Не то ли это значит, что с истинно прекрасным и действительно добрым незнакомы вы? Преследование реальной действительности вы оставляете, чтобы озабочиваться вместо того внешностью, подобясь тем безумцам, которые белое за черное считают.

Глава 11

Об обуви

Подобным же образом тщеславные женщины и в обуви обнаруживают свою крайнюю глупость. Поистине постыдно украшать сандалии золотыми цветами. Считается за особенный шик, если вбитыми в подошвы гвоздями изображены разные арабески. По заказу некоторых вырезаются на подошвах эротические сцены, дабы оставляемыми следами отпечатлеть на земле свои беспутные мысленные образы. Равнодушно относиться поэтому будем к художественно сработанным сандалиям, которые украшаются золотом «жемчугом, к аттическим и сикионским башмакам, к персидским и этрусским сапогам. Кто обращает внимание на природу вещей и их истинное назначение, тот и здесь выбирает естественнейшее. Но целью обуви являетсякрытие ног; другая цель ее – ослабление ударов и охрана подошв на жестких горных путях. Женщинам можно позволять белую обувь, если они отправляются куда-нибудь недалеко; в противном же случае должна быть надеваема та, которая смазывается и подошвы у нее должны быть подбиты гвоздями. Но и вообще в большей части случаев их ноги должны быть прикрыты обувью; потому что женщина неприлично обнажать ноги; кроме того, женщины и к поранению ног чувствительнее. Мужчине же можно ходить и с обнаженными ногами, кроме времени, когда ему приходится в качестве солдата выступать в поле. «Ношение обуви» (upodedesfai) родственно с «ношением оков» (dedesfai). Ходить же босиком, это представляет собой превосходный род телесного упражнения, полезно для здоровья, для сообщения себе легкости, когда обувь не предписывается самой нуждой. Впрочем, если мы не в пути или если хождение босиком переносить не в состоянии, то можем носить туфли или легкие подошвы. У аттиков они называются пыльниками, вероятно, потому,

что не защищают ноги от пыли. Что можно довольствоваться и легкой ножной обувью, свидетель этого Иоанн (Креститель), говоря, что «он недостойн развязать ремень обуви Господней» (Мк.1:7; Лк.3:16). Ничего лишнего не носил Господь на ногах. Он, собой представлявший для евреев первообраз истинной добродетели и умеренности. Впрочем, что здесь может содержаться и иной смысл, я объясню это в другом месте.

Глава 12

О том, что не должно заботиться об украшении себя драгоценными

камнями и золотом и удивляться таким украшениям

Удивляться темноцветным и бледно-зеленым камням или пузырькам океанской пены (жемчужинам, перлам) или иным земным высевам представляет из себя нечто детское. Питать склонность к прозрачным камушкам, к странного цвета одеждам и разноцветному стеклу свойственно людям глупым, в то одевающимся, что в глаза бьет. По этой причине дети, завидев огонь, идут к нему; его блеск приманивает их, и в своей неопытности не обращают они внимания на опасность прикосновения к нему. Подобное нечто для глупых из женщин представляют из себя драгоценные камни, на шнурки нанизанные или же в цепи составленные: аметист, опал, яспис и топаз, потом милетский смарагд, драгоценнейший из всех товаров. Но драгоценному перлу особенно посчастливилось; он нашел особенно легкий доступ себе в уборные женщин. Он образуется в устричной ракушке, имеющей сходство с пинной; величиной он будет с большой рыбий глаз; и околдованные столь жалкой ракушкой жены не стыдятся столь страстно добиваться ее, между тем как они могли бы украшать себя драгоценным священным камнем. Божественным Логосом, который в некоторых местах Писания (Мф.13:46) и называется перлом. Это блистающий столь ясным светом Иисус, назирающее это око воплощенное; это лучи от себя испускающий Логос, плоть нашу через возрождение ее водой соделавший драгоценной.

И ракушка эта, рождающаяся в воде, покровом плоти является и уже из этой развивается перл. И то знаем мы, что Иерусалим небесный стеной из драгоценных камней окружен (Откр.21:18 и далее); а двенадцать ворот этого небесного города, из драгоценных камней сложенные, означают, думаю, повсюду слышимый голос апостолов. Драгоценные камни имеют разные цвета, это-то в них и драгоценно; остальная земная материя, ценности не имеет; и с правом город святых – это здание духовное, символически представляется окруженным стеной из таких камней; в великолепии же цветов камней, в неподражаемости их, нужно видеть славу Духа Святого, непроходимость и святость Его существа. Неразумные же жены, не понимая символики священного Писания, формально алчут и жаждут драгоценных камней и в защиту себя высказывают такого рода странные положения: «Того, что создано Богом, почему же нам не употреблять»? Или: «У меня есть они: почему же я не должна себе доставлять удовольствие ими»? Или: «Для кого же они и существуют как не для вас»? Это голоса, совершенно не обращающие внимания на волю Божию. Ближайшим образом Бог оставил открытым вещи необходимые для всех, каковы вода и воздух. А что не необходимо, то сокрыл

Он в воде и в земле; почему-то муравьи должны золото копать и грифы стеречь его, и море скрывает перлы. Вы же добиваетесь того, что вовсе не необходимо. Смотри, вот все небо открыто, и вы не ищете Бога; долото же в земле сокрытое и драгоценные камни у вас копают в горных рудниках осужденные на смерть преступники. Вопреки Писанию Вы действуете; оно ясно взывает: **«ищите асе прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложатся вам» (Мф.6:33)**. И хотя и все нам даровано и все дозволено, хотя и **«все»** нам **«позволительно, го»** врит апостол, до **«не все полезно» (1Кор.10:23)**.

Бог создал человечество для братского общения, сам прежде всего пожертвовал своим Сыном и Логоса, все доставляя всем, даровав в общее достояние для всех. Все, следовательно, должно быть общим, и богатые не должны желать более иметь, чем другие. Слово: «У меня драгоценности есть, почему же не должна я себе доставлять удовольствие ими», следовательно, не человечно, не есть оно слово братское. Более соответствует христианской любви другое слово: «У меня есть это: почему же не должна я с нуждающимися поделиться»? Такой человек совершенен и исполняет заповедь: **«люби ближнего твоего, как самую себя» (Мф.19:19)**. Вот истинное удовольствие, вот драгоценное сокровище. Что тратится на удовлетворение суетных склонностей, то убыток, а не расхода значение имеет.

Знаю, что Бог дал нам наслаждаться, но только в пределах необходимого, и по Его воле наслаждение должно быть общим. Это не в порядке вещей, чтобы один в изобилии жил, тогда как многие терпят нужду. Намного славнее благодетелями многих быть, нежели в великолепном доме жить! Намного умнее свое имущество на людей издерживать, чем на золото и драгоценные камни! Намного полезнее украшать себя друзьями нежели бездушными, хотя и ценными (золотыми и серебряными), вещами! Кому увеличенное поместье столько пользы принесет, сколько расточение благодеяний! В заключение должны мы еще и то возражение отклонить: «Кто же будет наслаждаться богатством, если все бедность выберут?» Люди, отвечаю я, из богатства употребление делающие бесстрастно и без различия. И если этого нельзя достичь, чтобы все благоговели перед мудрой умеренностью, то должно по крайней мере к тому стремиться, чтобы согласно с потребностью это происходило и чтобы от излишества отказывались. Вообще, к такого рода пустякам, как женские наряды следует пренебрежительно относиться, подобно тому как вообще и всем миром мы пренебрегаем. Жена должна внутри украшенной быть, и женская красота должна внутри обнаруживаться (Рим.7:22; Еф.3:16); красота и ненавистность обнаруживаются только в душе ведь. Потому только добродетельный есть «человек» поистине «прекрасный и добрый» и в качестве единственно прекрасного должно быть признаваемо лишь доброе; лишь добродетель своей красотой свет проливает и на тело; она как цветок собой украшает его; она обнаруживает очаровательность умеренности, потому что добрые нравы, как луч света, собой освещают и форму. Красота каждого растения и каждого животного заключается в свойственных им преимуществах; человека же преимущество состоит в справедливости, умеренности, возвышенности чувств, богобоязливости. Прекрасен, следовательно, праведный, умеренный, вообще, человек добрый, а не богатый.

Даже солдаты ныне желают уже золотые украшения носить; неизвестны им слова поэта:

Он и в битвы ходил златом изукрашенный как глупая девочка.
(«Илиада», II, 872).

Но страсть к нарядам, не заботящаяся о добродетели и только телом занимающаяся и чувство красоты на ничтожные вещи обращающая, совершенно должна быть изгнана из нашего общества. Предъявляя притязания на украшение тела тем, что к его субстанции не относится, она порождает собой лживость и развивает обманность характера; не нечто честное, простое, истинно детское она представляет собой, нет; а высокомерие, чувственность, надутость. Жены потемняют истинную красоту, когда они накладывают на нее тень золотых украшений. Они не знают, что делают с собой, сами себя сковывая тысячью золотых цепей, ибо рассказывают, что и у варваров преступники сковываются золотыми цепями. Богатые женщины, сковывая себя золотом, мне кажется состоят дружками им. Или разве эти кольца (Ис.3:19; Иез.16:11), не представляют из себя ошейников и на грудь ниспадающие цепи разве не заменяют собой оков? У аттиков они прямо и называются оковами. Украшения, надеваемые на предстопный сустав, Филимон называет в «Сюнефебе» противоречием красоте женской ноги:

Прозрачная одежда и ножные золотые оковы.

Что такое, следовательно, представляет в существе своем эта ваша страсть к нарядам, о женщины, как не желание скованными быть? Материал оков этих может собой смягчать стыд, но состояние тоже. И, добровольно себя сковав, вы еще важничаете своей блестящей дрянью! Нечто подобное рассказывается в некоем мифическом стихотворении о беспутной Афродите, что она была уловлена в такой золотой невод. В золотых украшениях поэт видит здесь символы беспутства; да и Гомер назвал ведь тот невод «золотыми оковами» («Одиссея», IX). И эти символы зла не страшатся одевать на себя! И, как змей Еву обольстил, так золотые украшения обольщают ту и другую из женщин; и здесь образ змея играет роль приманки; в восхищении совещаюсь относительно нарядов, покупают они украшения с фигурами мурен и змей (Песн.1:9-10). Комик Никострат перечисляет множество их: «цепи, ожерелья, перстни, браслеты, змеевидные брошки, надстопные цепочки, серьги». Часто порицает женщин за все эти украшения Аристофан, перечисляя их в своей комедии «Фесмофориянки». Приведу самые слова этого комика, которыми он открыто порицает неприличную надутость вашего высокомерия. Вот по нему ваши наряды и к ним принадлежности:

Шляпки, галстучки, содовое мыло, ножички и ноженки,
Пемза, подгрудник, задние принадлежности туалета,
Спинные накидки, белила, румяна и другие краски, ожерелья,
Для подкраски глаз инструменты, из дорогих
мягких материй платья, на голову плетенья,
Пояс, тонкая верхняя одежда, с пурпуровой
окладкой верхняя одежда (претекста),
Прозрачная одежда, хитон, юбка, кофточка.
Да, важнейшего-то я и не сказал. Что еще такое?
Двойные золотые серьги, жемчуг, ушные подвески, розовое

платье,
Жемчужный головной убор, в коем жемчуг
играет роль виноградных ягод, шпильки, ленты,
Бусы на шею, ножные бубенчики, погремушки и цепочки,
перстни с печатями и с изображением разных фигур,
неразъемные цепочки,
Кольца, присыпки, склянки,
Головные увяслы, олисбы, сердолики, веера,
змеевидные запястья.

Мне утомительно и противно и перечислять такое множество украшающих вещей. Дивно мне, что наши жены не изнемогают под такой тяжестью. О, к чему эта за пустым погоня! О, суетное хвастовство! По образцу непотребных женщин наши женщины осыпают себя драгоценностями для своего собственного стыда; при недостатке чувства приличия они гоняются вместо даров Божьих за фальшивой монетой и подражают в украшении себя искусству злого духа. Но богача, который собирал в амбары и себе говорил: **«много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, лей, веселись»**. Господь ясно назвал безумцем: **«в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил»?** (Лк.12:19-20) Живописец Апеллес, раз увидев, что один из его учеников рисует так называемую «золотую Елену», сказал: «А, любезный, не в состоянии будучи нарисовать прекрасной Елены, рисуешь ты богатую»? Такими Еленами состоят и теперешние наши женщины; не представляют они собой истинной красоты и суть только богато наряженные куклы. **«Дух»** Святый предрекает им через Софонию: **«ни серебро их, ни золото их не»** может **«спасти их в день гнева Господа»** (Соф.1:18).

Питомцы Христа должны украшать себя не золотом» а Логосом; лишь Он один составляет (истинное) золото. Для древних евреев было бы лучше собранные у их жен украшения бросить или только сплавить, а они слили и? них золотого тельца и через это впали в идолослужение; они не извлекли пользы ни из своего ювелирного искусства, ни из всего своего начинания. Все же через э**«то»** образно преподано нам то учение, что наши жены должны воздерживаться от золотых украшений; беспутная погоня за золотом делается идолом, подлежащим огню; ведь туда только и годятся сработанные из него предметы роскоши, потому что они суть идольские изображения, а не истина. Поэтому-то Логос упрекает евреев устами пророка: **«серебро и золото, из которого сделали истукана Ваала»** (Ос.2:8), и именно галантерейных вещиц. И Он очень ясно грозит и говорит: **«И отомщу ей за дни ея служения богам Вааламовым»** (т. е. ложным богам), **«когда она им жертвы приносила и когда она себе серьги в уши вдевала и цепями украшалась»**. И побуждения к щегольству выставляет, говоря: **«ходила за любовниками своим, а Меня забывала»** (Ос.2:13). От этих пустяков жены поэтому должны отказаться и предоставить их лукавому этому софисту (дьяволу); они не должны принимать участия в прелюбодейном этом щегольстве, под прекрасным покровом не должны идолам служить. Прекрасно поэтому говорит св. Петр: **«Жены украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвятившим себя благочестию»** (1Тим.2:9-10). И с правом хочет апостол их

воздержаться от страсти к нарядам, потому что если они прекрасны, то довольно с них и природы, искусство же не должно соревноваться с природой, т. е. истина и ложь не должны одна с другой спорить; если же они от природы безобразны, тогда через такие украшающие вещи недостаток красоты становится очевиднее; служительницам Христа естественнее, следовательно, простоту любить. Простота и действительно есть предвестница святости; она сглаживает неравенство имуществ, она помогает от своих излишков нужде. Простое, как уже само имя о том сказывает, вперед не выдается, не вдаётся в напыщенность и не воображает о себе: оно совершенно равно, покойно, само на себя похоже, безыскусственно и потому прилично. Но приличное есть состояние целесообразности без излишества и без недостатка; мать приличного есть справедливость, его нянька – довольство. Но это есть состояние, когда довольствуются необходимым, составляющим условие для счастливой жизни. На кости ваших рук, следовательно, священное украшение должно быть налагаемо: радостная щедродательность и старательное домохозяйство. Потому что **«благовоспитанный бедному дает взаймы Господу»** (Притч.19:17) и: **«рука прилежных обогащает»** (Притч.10:4). Под сильными должно разуметь тех, кто деньги презирает и охотно дает. Ноги же ваши должны блистать неутомимой ревностью по делам благотворительности и хождением по путям справедливости. Вашими ожерельями и цепями должны быть стыдливость и умеренность. Такого рода золотые украшения происходят из божеской мастерской. **«Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум!»** говорит Дух Святой устами Соломона. **«Потому что приобретение ее лучше приобретения серебра, и прибыли от нее больше, нежели от золота»** (Притч.3:13-15). Вот ваше истинное украшение. Уши же жен не должны противоестественно быть прокалываемы для ношения на них колечек и серег: несправедливо вопреки воле Божией причинять насилие природе. Нет для ушей лучшего украшения как катехизис истины, проникающий в душу естественным путем слуха. Очи, помазанные Логосом, и уши, для слушания пронзенные (открытые) они делают возможным слушание Божественного, зрение вещей священных, так как Логос показывает истинную красоту, которой ранее **«не видел того глаз, не слышало ухо»** (1Кор.2:9).

Книга третья

Глава 1

Об истинной красоте

Прекраснейшей и важнейшей из всех наук несомненно является самопознание. Потому что, кто сам себя знает, тот дойдет до познания и Бога; а кто познает Бога (1Ин.3:2.), тот будет стараться Ему уподобиться; но это Уподобление Богу состоит не в наложении на себя золотых украшений и не в ношении развевающихся одежд, а в добродетели и в сокращении до минимума своих потребностей. Лишь Бог один не имеет никаких потребностей, и это Ему радость доставляет, если Он видит нашу душу блистающей красотой познания, а наше тело – облеченным в священную одежду умеренности. Душе свойственны три силы: способность познавательная, называемая разумом: это

- внутренний наш человек, господствующий над миром явлений, внешнему человеку повелевающий и составляющий предмет особого промысла Божия. Вторую часть души составляет та, которой гнев приписывается; это - сила животная, сосед диких желаний. Третья; сила - это способность желательная; она многообразнее, чем Протей, - этот разные виды на себя принимающий морской дух, на всевозможные вещи готовый: на кокетство, страстность и обольщение.

Прежде всего он превращается во льва
с представительной бородой
(«Одиссея», IV, 457).

Итак, вначале он сохраняет еще это благородное украшение
лица мужчины,

А потом превращается он в дракона,
в пантеру, в огромного кабана.

Заботливость о туалете легко приводит к распущенности нрава.
Вскоре человек этот теряет все свойства могущественного животного.

Он становится проточной водой и высоколиственным деревом
(«Одиссея», IV, 457).

Страсти разливаются, возгораются желания, красота блекнет;
быстрее, чем лист опадает на землю, утрачивается она, если дуют на нее бури
диких чувственных желаний; и еще прежде наступления осени человек
слабеет и умирает.

Желание бывает всем, принимает оно все виды и впадает в лживость,
чтобы прикрыться от людей (т. е. скрыть от них истинные свои цели); человек
же, в котором живет Логос, не прибегает к хитрым прикрасам, не принимает
на себя разного рода видов: он носит на себе образ Логоса; он Богу
уподобляется; он прекрасен, хотя и не красуется; он представляет собой
истинную красоту; он - Бог, Богом такой человек становится, потому что этого
хочет Бог.

Правильно поэтому выражается Гераклит: «Люди - боги. Боги - люди». Особенно Логос представляет собой очевидное это таинство; Он есть Бог вочеловечившийся и человек обожествленный; в качестве посредника Он исполняет волю Отца (Ин.4:34); потому что, сопринадлежа к двум царствам. Он является между ними посредником; Он - Сын Божий и Спаситель людей; Божий слуга Он, а для нас - Педагог. И поскольку телесность представляет собой нечто рабское, как свидетельствует об этом св. Павел, то прилично ли об украшении рабыни заботиться подобно какому-нибудь продавцу невольников? Что именно плоть разумеется у апостола под образом рабыни, ясно из говоримого им о Господе: **«уничижил Себя Самого, приняв образ раба»** (Флп.2:7). Апостол называет внешнего человека рабом, имея в виду время, предшествовавшее принятию Господом вида рабского и плоти, (когда мы были рабами). Но Господь по своему к нам милосердию сделал нашу плоть свободной. Освобождая плоть от порчи и из горького рабства, в которое она впадала. Он облек ее одеждой нетления, наложил на нее украшение священное и небесное, это - бессмертие.

Есть еще другая сторона в человеческой красоте, это - христианская

любовь. «**Любовь**», по апостолу, «**долготерпит, милосердствует**, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится» (1Кор.13:4). Искусство наведения красоты является суетным бахвальством; оно есть нечто натянутое и бесполезное; потому и прибавляет апостол:

«**Любовь не ведет себя неприлично**». А неприличным является все несогласное с истинным положением дела; неприлично поведение, отзывающее неестественностью. Украшение есть нечто постороннее, к делу не относящееся; апостол это ясно выражает словами: «**Любовь** не ищет того, что ей не принадлежит» (1Кор.13:5). Ее подлинная собственность, думает он, есть истина; к нарядам же страсть добивается неких вещей истине чуждых, – того, что вне Бога, вне Логоса и христианской любви. А что сам Господь имел вид вовсе не прекрасный, говорит о сем Дух Святой устами пророка Исаии: «**мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему**. Он был презрен и умален пред людьми» (Ис.53:2-3). Кто захочет стать выше Господа? Не внешней красотой плоти блистал он, а истинной красотой души и тела: красотой души в благотворениях, красотой тела в бессмертии плоти.

Глава 2

Против искусства наведения красоты

Следовательно, не внешний образ человека, а душа его должна быть украшена убранством добросовестности. О плоти же можно сказать, что она должна быть украшаема благопристойностью воздержания. Жены же наши не замечают, что, занимаясь украшением своей внешности, душу свою они оставляют пустой и пустынной. Именно такого рода украшенность обычна была у египтян. У этих портики храмов и предхрамные пространства, равно как священные рощи и луга, очень тщательно содержатся; дворы обставлены рядами колонн; стены блестят от редких камней и художественных картин, и нет на них никаких недостатков; храмы блистают золотом, серебром и электричеством и сияют разнообразно отливающими камешками из Индии и Эфиопии; внутренность завешена златотканными занавесами. Но если ты проникнешь в глубину обстроенного пространства, если будешь добиваться еще возвышеннейшего зрелища и станешь искать в храме изображения бога и если потом священник или другой какой жрец, из принадлежащих к ведомству храма, серьезно высматривая и гимн на египетском языке распевая, занавесу немного приподнимет, чтобы бога показать, тогда должны мы громко при виде идола расхохотаться. Не бога, которого искали, вы найдете там, а кошку или крокодила, или туземного змея, или другое какое подобное животное, недостойное храма, и надлежащим местопребыванием которого должна бы быть нора в земле, лужа, уличная грязь. Бог египтян есть животное, на пурпурной подстилке валяющееся. Подобным образом встречаем мы и жен, украшенных золотом, сверх сил трудящихся над завиванием локонов, над намазыванием щек, расписыванием глаз, подкрашиванием волос и иными глупостями; как заправские египтянки украшают они паперть плоти, чтобы отыскивать себе жалких, глупых почитателей. Но если кто-нибудь заглянет за занавесу этого храма их, я разумею, за покров белил и румян, одежд, золота, различных тинктур и мазей, следовательно, за все это хитросплетение,

сотканное из подобных вещей, если кто внутренней и истинной красоты за этой захотел бы искать, тот почувствует омерзение, я знаю это. Потому что не в том виде он образ Божий внутри найдет, в каком он должен бы быть, а вместо него окажется расположившейся в святилище души беспорядочная беспутница и заискивающая у вас щеголиха, истинное животное, размалеванная образаина; и живет в земляной норе этой души старый коварный змей, источивший у человека его разум, обольстив его суетностью; и, все наполняя ядом, все оскверняя ядовитым экскрементами своего греха, этот лукавый змей превращает жен в непотребных женщин. Не к принадлежностям жены, но к принадлежностям гетеры относятся бесстыдные хлопоты о различных прикрасах. Заботливость о домохозяйстве совместно с мужьями таких женщин занимает мало; они опорожняют денежный кошелек мужа и издерживают на свои прихоти все их материальные средства, лишь бы красивыми казаться и иметь возможно большее количество поклонников своей красоты, по целым дням просиживают они за своим туалетным столом и дают дело около себя купленным за дорогие деньги рабыням. Днем они в уборных скрываются, здесь хитроумно крася, наводя лоск и наряжая плоть свою, вечером же эта фальшивая красота как бы из темных нор каких выползает на свет ламп, ища вашего расположения. Пьяное состояние мужчин и тусклость света содействуют чарам их наведенной красоты.

Комический поэт Менандр жену, перекрасившую свои волосы в белокурые, представляет выгнанной из дома, говоря:

Теперь проваливай из дома, потому что жена
Разумная себя не будет перекрашивать в блондинку.
Своих щек она не белит, не румянит, не подводит своих глаз.

Несчастные эти женщины, они и не замечают, что, наводя на себя фальшивую красоту материалами чужеродными, через то губят свою красоту естественную. С раннего утра на себе теребят члены и их растягивая, ослепляя себя разными тестообразными смесями, они «тал» время хотя и освежают кожу, но ядовитость ими употребляемых тинктур делает их тело морщинистым вечными умываниями они сдирают с кожи ее естественный цвет. От накладываемых на лице белил и румян они имеют бледный вид; к болезням они становятся легковосприимчивыми, потому что плоть от вечных ее расписывании кистью делается вялой. А по смерти они отдадут отчет Творцу за нарушение благоговения к Нему, как если б Он одарил их не той красотой, какой они заслуживали.

Естественно делают они нерадивыми и в своем домохозяйстве, из заправительниц им становясь как бы какими статуями, размалеванными для выставки. Поэтому женщина толковая говорит у комика: «Что бы такое поразумнее и выдающееся, женщины, ныне предпринять нам, которые наряженные сидим, характер свободной женщины пристыжая? Мы разрушаем дома, делаем несчастными браки, наши дети сетуют на нас».

Подобным образом и другой комический поэт, Антифан, в «Малфаке», имея в виду страсть женщин к наведению на себя фальшивой красоты разными подделками и притираниями, осмеивает эту их гетероманию в выражениях, которые и к женщинам нынешнего времени идут. Он говорит: «Она приходит как будто приближаясь, но проходит мимо; нет, опять подходит и уже не

возвращается назад, останавливается; вот она; она сморкается, садится к столику, причесывается, сбрасывает с себя нашлепки, чистится, моется, смотрится в зеркало, морщится, натирается различными пахучими эссенциями, одевается, опрыскивается; если есть у нее что, навешивает на себя».

Не однократной, а троекратной смерти стоят женщины, употребляющие крокодилов помет и натирающиеся гнилой змеиной слюной, сажай глазные веки намазывающие и свинцовыми белилами щеки. И если они для языческих поэтов были предметом отвращения, то неужели не должны они отверженными считаться в век истины?

Восстает против них и другой комический писатель, Алексис. Приведу и его слова, изобличающие упорное бесстыдство женщин. Впрочем, изображение поэта как будто уже и преувеличено; дело до того однако же не доходило. Я почти стесняюсь его и цитировать и охотно желал бы к так язвительно осмеиваемым дамам прийти на помощь. «И мужа проваливает она; ему советует она заботу первое всего о барышах и грабеж ближних, все остальное для нее дело побочное. Устроившись так за счет мужа, начинает она практиковать такие вещи. Если она слишком мала ростом, то пробку в башмаки вшивает; если слишком высока, то носит башмаки на тонких подошвах и прячет голову между плечами, – это уменьшает рост. Если бедра у нее узкие, то делает на них накладки, чтобы встречающиеся вслух дивились ее красивому задку. Если живот у нее отвислый, то через наложение разных накладок она выравнивает его, как заставляют делать это некоторые из комиков

кормилиц на сцене. Если живот впал, то прутьями она заставляет его податься наружу. Если она имеет глазные брови белокурые, то намазывает их сажай; если черные, то белит их; если они уж слишком становятся белы, краски можно подпустить. Если у нее есть особенно красивое пятнышко на теле, то обнажает его. Если имеет она прекрасные зубы, то вынуждает себя к смеху; все должны видеть красоту ее рта. Если же ей неохота смеяться, то в продолжение целого дня гложет она кусочки миртового дерева, так что хочет не хочет, а зубы ее все-таки видны».

Этот отрывок из мирской мудрости привел я для отклонения вас от пошлого этого косметического искусства; Логос хочет нас, ведь, всячески спасать. Вскоре я подтверждаю это местами из священного Писания. Для отвращения нас от грехов оно имеет, ведь, обычай даже неприкровенно высказывать нам нас пристыживающие порицания.

Как пластырь, на руку наложенный, или эссенцией намазанный глаз тотчас дает повод заподозрить болезнь: подобным образом и намазанные щеки выдают в глубинах больную душу. Божественный Педагог запрещает вам к **«чужим рекам приближаться»**. Под чужой рекой разумеет Он кокетливую жену другого, которая перед всеми в любезностях разливается и перед всеми расточает до приторности кокетливую свою распущенность. **«От воды чужой удаляйся»**, говорит оно, **«и из чужого источника не пей»** (Притч.9:18). Оно предостерегает нас этим от потока сладострастия, желая нам долголетия, да приложатся нам многие годы жизни. Можно это место понимать в качестве предостережения против нечистых вод сладострастия или же нечистых учений

еретических.

Приятности вкуса и выпивание суть весьма пошлые страсти, но страсть к нарядам пошлее. Кушаньями обставленные столы, круговые чаши все-таки в состоянии удовлетворить вожделениям глотки; но склонность к нарядам, пурпуру и драгоценным камням не может быть удовлетворена всем золотом, которое поверх земли и под землей; ни моря Тирского для нее не довольно, ни товаров Индии и Эфиопии и Пактола с его золотыми волнами; и если бы кто и Мидасом был, все-таки получил бы не довольно, но стал бы чувствовать себя бедным, поскольку он большего богатства желает; такие люди умерли бы, если бы золото исчезло. И если богатство слепо, то не слепыми ли должны быть и его подруги и почитательницы? Они не знают никаких границ своей жадности и впадают в бесстыдство. Везде им нужно быть: и в театре, и в процессиях, и на гуляньях; они совершают прогулки в храмы и останавливаются на площадях, чтобы здесь все их видели. Затем они и рядятся, что другим желают нравиться, блистая, впрочем, лишь своим лицом, а не сердцем. Как бежавших рабов отмечает клеймо, так разноцветные одежды – щеголиху. **«Но хотя ты одеваешься в пурпур, хотя украшаешь** себя золотыми нарядами, обрисовываешь глаза твои красками, но напрасно украшаешь себя», говорит Логос у Иеремии (Иер.4:30).

Далее, лошадям, птицам и другим животным дозвоительно из зелени лугов выскакивать или вылетать в своем природном украшении, с гривой, с естественным цветом кожи, в пестрых перьях. Женщина же, напротив, не становится ли ниже животного, когда она считает себя столь мало красивой, что нуждается в красоте фальшивой, купленной и намалеванной? Сетки для волос, и именно, различных сортов, замысловатое заплетанье волос ж прочее иа тысячу манер завиванье локонов ж дорогой аппарат зеркал, перед которыми они наводят красоту, чтобы ловить безрассудных, ребяческих почитателей своего появления: все это принадлежности жен, потерявших всякий стыд, которых можно называть гетерами, потому что они из своих лиц маски делают. Нам же заповедует Логос **н«е к видимому, но к невидимому стремиться**, потому что видимое временно, а невидимое вечно» (2Кор.4:18). Но, что собой превышает всякое бессмыслие: для созерцания своей напачканной фигуры, как бы продукта какого-то великого дела, изобрели они зеркало, чтобы обманность своих прикрас им можно было тоньше прикрывать. Но прекрасному Нарциссу не принесло счастья быть зрителем своего собственного образа, как один из греческих мифов о том сообщает. Если Бог через Моисея заповедует людям не делать никаких искусственных изображений Его, то ужели же женщины делают правое, когда, свой собственный образ в зеркале отражая, перед ним маску накладывают на свое лицо? Но и к пророку Самуилу, посланному помазать в цари одного из сынов Иессея и при виде прекраснейшего и представительнейшего из них пришедшего в восхищение и уже приготовившегося излить елей. Господь сказал: **«Не смотри на вид его и на высоту роста** его; Я отринул его»; Я смотрю не так, **«как смотрит человек**, ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце» (1Цар.16:7). И помазал Самуил мужа прекрасного не телом, но душой. Если теперь Господь естественную красоту тела менее ценит, чем красоту души, то что подумает

Он о ложной красоте, Ох, состоящий врагом всякой лжи? **«Ибо мы ходим верою, а не видением»** (2Кор.3:7).

На Аврааме Господь весьма ясно показывает, что кто Бога слушает, тот должен презирать отечество, родственников, имущество и богатство. Бог сделал Авраама чужеземцем (Быт.12:1; и т. д.); за это Он называет его другом (Иак. 2:23), поскольку для Бога он свое домашнее изобилие оставил (Авраам был знаменитого рода а очень богат). И с 318-ю людьми своего дома победил он четырех царей, пленивших Лота (Быт.14:14и далее). Только Есфирь украшалась согласно с приличиями; ее нарядность ради царя имела значение таинственное; красота же ее была выкупной ценой за ее на смерть осужденный народ. А что страсть к нарядам делает жен гетерами, а мужей гермафродитами и преступными заискивателями женской склонности, об этом свидетельствует трагик в рассуждении такого рода:

Из Фригии пришел муж, который над богинями
Суд творил, как людская молва о том говорит.
Пришел он в Лакедемон в великолепного цвета одежде,
Золотом блистающей, с варварской роскошью
разукрашенной.
И он проживал здесь, будучи влюблен в Елену и
Ее соблазняя к побегу в бычьи стойла Иды,
В отсутствие Менелая из дому.

Такова красота; она – мать нарушения верности. Нарядность варварская, роскошная одежда женоподобного мужа были причиной переворота в Элладе. Одеждой, великолепием и блестящей красотой даже лаконская умеренность была подкуплена. Варварской пышностью дочь Зевса увлечена была к преступной связи. Не было Педагога у них, который искоренял бы в них желания; никого не было, кто говорил бы: **«Не прелюбодействуя»** и **«Не желай»** (Исх.20:14, 17); не доходи до этого с твоими чувственными желаниями, но и не воспламеняй в себе желания роскошью одежд. И что было последствием этого? И какое несчастье разразилось над ними, после того как они не хотели обуздать своего самолюбия? Целых две части света были потрясены этими беспутными желаниями, и вся путаница эта поднята была варварским юношей. Вся Эллада всходит на корабли, на море становится тесно, потому что через него суша передвигается. Начинается продолжительная война, возгораются сильные битвы. Равнина наполняется трупами, варвар издевается над эллинским лагерем («Илиада», XIII), несправедливость одерживает триумф, и глаз поэтического Зевса обращает благожелательно в сторону фракийян; варварские нивы напояются благородной кровью, и реки запружаются трупами; жалобно себя бьют в грудь, и на земле господствует печаль; подошва и вершины богатой источниками Иды потрясаются, а с ними города троянцев и корабли ахейян. Ах, Гомер! Куда бежать нам, где остановиться? Покажи нам землю, которая не колебалась бы.

Не трогай уздою, потому что ты пути не знаешь;
Не всходи и на седло, потому что ты ездить не умеешь.

Два возникших есть на небе; только их одних огонь и слушается. Благоразумие отклоняемо бывает похотью от своего пути; и здравое мышление, не обуздываемое Логосом, легко впадает в надменность, и следствием сего

уклонения бывает низвержение. Доказательством сего служат ангелы, оставившие красоту Божию ради красоты преходящей и низвергшиеся с неба на землю. Но и сихемляне наказываются за осквернение благочестивой девы; ее гроб является свидетелем ее благовоспитанности, а памятник наказания служит нам спасительным предостережением (Быт.34:25; и далее).

Глава 3

Против модничанья мужчин

И до того испорченность нравов доходит, что не только женщин сокрушает суетная эта забота о показном, но и между мужчинами эта болезнь неистовствует, да, болезнь; потому что кто от этой склонности к показному и рассчитывающему на обольщение других приукрашиванию себя несвободен, тот болен. Старательно за своим телом ухаживая и достигая его холености, такие мужчины становятся женоподобными, заставляют себя подрезать волосы на тот манер, как носят их рабы и щеголихи, драпируются в прозрачные одежды, жуют мастики, мажутся благовонными помадами, натираются благовонными маслами, душатся духами. Что сказать при виде таких мужчин? Физиогномист уже по наружному их виду определит, что это за люди. Это преступные заискиватели у чужих жен преступной склонности, люди немужественные, Афродите двусторонне служащие, власоненавистники, безбородые, питающие в себе страх к этому цвету мужественности, волосы на голове даже и причесывающие-то прямо на манер женщин. «Замыслам же преступным и безрассудным всю жизнь преданные, совершают эти нечестивцы дела возмутительные и гнусные», говорит Сивилла. В наших городах множество народу занято осмаливаньем двусбруйных этих мужчин, бритьем их и выщипываньем волос у них. Повсюду настроено и открыто много заведений этого рода, и мастера этого необычно искательного искусства собирают массу денег с мужчин, себя позволяющих смолить и с поросших волосами частей тела их выдергивать. Не стыдятся этого рода люди ни совершителей этого их осмоления, ни случайных за это время посетителей заведения, ни себя самих, хотя они все-таки являются мужчинами. Рабами отвратительнейших страстей являются эти люди, позволяющие насильственно, а именно при посредстве смоляного пластыря, все свое тело освобождать от волос и его вылощенным делать. Мне и неохота бы входить в подробности этого их бесстыдства; но если они над собой все находят возможным делать, то и мне не приходится останавливаться Перед опубликованием этого. Одного из этих потерявших всякий стыд людей, выведенного для продажи на рынок, Диоген изрядно пристыдил, обратившись к нему совершенно законно с таким предложением: «Иди-ка сюда, милый, купи сам себе мужа». Таким двусмысленным обращением покарал он рассчитанное на прельщение других искусство того человека.

Неужели же не пошло это, мужчиной быть и волосы со своего тела заставлять сводить, и на него вместо того лоск наводить? Подкрашиванием седых волос, напomaживанием их, наведением светло-русого цвета на них только и могут интересоваться мужчины двусбруйные; и женская прическа их свидетельствует о том же. Уроды эти, себе волосы крася и себя

подмолаживая, живут мечтой, что для них, как для змей, возможно старую кожу с головы скинуть. Волосы они и действительно себе хитро подкрашивают, но морщины с лица свести все-таки не могут; а также и смерти они не избегают, старость искусством прикрывая. Между тем, в образе старца нет ничего ужасного, решительно ничего, и усилия прикрывать глубокий свой возраст совершенно напрасны. Чем ближе кто подходит к границам своей жизни, тем поистине тот становится лишь достопочтеннее, потому что в глубоком возрасте человек только Бога одного имеет старше себя; Бог является, ведь, вечным старцем, старшим, чем все сотворенное; пророк называет Его **«Ветхим днями; и волосы главы Его – как частая волна»** (Дан.7:9). **«Не можешь ни одного волоса»**, говорит Господь, **«сделать белым иди черным»** (Мф.5:36). Не дерзость ли, следовательно, с Творцом соперничать или, лучше сказать. Ему противодействовать, свои седые волосы подкрашивая? **«Как прилично старцам уметь давать совет»**, говорит Писание (Сир.23:6), а седая голова есть цвет жизненного опыта; подкрашивающие ее потому пятнают не только честь своего глубокого возраста, но грешат и против Того, кто их волосы убеляет, отличая старших этим знаком почтенности. Невозможно, решительно «невозможно, чтобы душа честная мирилась с подкрашиванием волос на голове». **«Вы не так познали Христа»**, говорит апостол, **«потому что вы слышали о Нем и в Нем научились – так как истина во Иисусе, – отложить прежний образ жизни ветхого человека»**, (не того, который поседел, но) **«истлевающего в обольстительных похотях, обновиться»** (не красками и себя прихорашиванием напоказ, а) **«облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истинной»**. (Еф.4:20-24).

Если же какой мужчина оказывается очень занятым своими волосами, постоянно причесывает их, подстригает перед зеркалом, их поправляет, подбривает и выщипывает, себе лицо лощит, то не бабой ли он становится? И подлинно, нужно раздеть такого донага, чтобы не счесть за женщину. И желания у таких людей наполовину женские. Так как обычай не позволяет им носить золотых украшений, то окаймляют они свои одежды золотом протканными тесьмами, навешивают на свои пяты золотые шарики, спускают себе с шеи такие же шарообразные вещицы. Вещицы эти суть изобретение специально уже этих с ума свихнувших людей, этих завсегдатаев гаремных, двуснастных тварей этих, преданных лишь своим чувственным вожделениям. Нечиста эта страсть собой рисоваться и собой прельщать; она-то, собственно, и является седалищем непотребства.

Бог захотел, чтобы женщина имела кожу гладкую и чтобы только голова ее украшена была самородным и роскошным этим нарядом волос; он придает ее виду осанистость, подобно тому, как и лошадь в своей гриве имеет украшение, ей придающее вид гордый. Мужчину же, как и львов, Творец бородой украсил и ему вид мужественный сообщил в груди волосатой, служащей знаком силы и господства. Подобным же образом и петухов из-за кур между собой в бой вступающих. Творец гребневидным наростом украсил. И эти волосы, дарованные мужчине, Творец ставит столь высоко, что наравне с разумом указывает в них преимущество мужа; и сам будучи достоудивителен в своем величии, представительность вида мужчины украсил Он в высшем его возрасте достопочтенной сединой. Разум, добрые расположения, становясь от

глубины как бы седыми, зреют лишь со временем и постепенно; и предносятся видимо в образе седины, являют они а советах старости вескую многоопытность, представляющую собой достолюбезный цвет почтенного разума, даруемого верой. Характерная принадлежность мужчины, борода, обнаруживающая в нем мужа, древнее Евы, и является символом природы сравнительно более сильной. Вот почему Творец приличным нашел украсить мужа волосами и почему усеял ими все его тело; части же гладкие и мягкие Он снял с боков тела мужчины и создал из них отличающуюся более нежной организацией и деликатностью форм жену, Еву, в качестве спутницы состояния брачного и заправительницы домохозяйством, предназначенную, собственно, для порождения зачаточного зерна и продолжения рода.

Мужчина же, – так как гладкость с его тела снята, – остался мужем и является уже в своем внешнем виде мужа; ему прирожден активный характер подобно тому, как жене – пассивный; потому что поросшее густыми волосами и по самой своей природе суше и жарче гладкого. Поэтому самому и мужчина, плотнее обросший волосами, сравнительно с женой горячее, равно как не оскотенный сравнительно с евнухом и вполне выросший сравнительно с неразвившимся. Поднимать руку на волосы, на этот символ мужской природы, значит, преступно. Это искусственное выглаживание кожи – сам Логос воспаляет меня против сего, – если оно производится на ком во исполнение расчета того на мужчин, выдает в ^ выглаживаемом дурандаса; если же при этом в виду имеются женщины, то полируемый, значит, является преступным заискивателем у женщин и с их стороны преступной склонности; но и того, и другого разряда мужчины из нашего общества должны быть изгоняемы насколько возможно далее. «У вас же и волосы» на «голове все сочтены», говорит Господь (Мф.10:30); значит, и волосы подбородка, и волосы всего тела. Итак, исчисленные Богом волосы сводить, вопреки Его воле, не следует. «Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас?» говорит апостол (2Кор.13:3); если бы вы знали, что Он в нас живет, то я не понимаю, каким образом можно было бы решиться на оскорбление Его.

Дозволять же себя смолой облеплять, мне неохота и говорить об этой гнусной операции, – при этом к другому задом оборачиваться, изогнувшись, стоять и, тайны природы всесторонне обнажая, то наперед выгибаться то назад, позволять производить над собой эту противоестественную операцию даже среди гимназии, куда люди сходятся, однако же лишь свою дельность заявлять, не краснея при этом ни самих себя, ни собрания юношей, не представляет ли это собой крайней степени бесстыдства? Кто в обществе себя так держит, тот и в доме у себя вряд ли кого будет стыдиться. Бесстыжее поведение в обществе свидетельствует о полной разнузданности того в месте сокровенном, потому что, кто при дневном свете от мужской своей природы отказывается, относительно того не может быть никакого сомнения, что ночью тот разыгрывает роль жены. «Не должно быть блудницы из дочерей Израилевых, и не должно быть блудника из сынов Израилевых», говорит Логос устами Моисея (Втор.23:17). «Но смола полезна, говорят. Она лишает доброй славы, говорю я. Никто, состоя в здравом уме, не захочет кинедом быть и казаться, болезням этого подвергаться, добровольно допуская над собой деяния, обещещающие в человеке красоту образа

Божия. «Ибо кого Он предузнал, тем я предопределял быть подобными образу Сына Своего», ради которых, собственно, по апостолу. Он и указал Сыну «**быть первородным между многими** братьями» (Рим.8:28, 29), то не нечестивцы ли те, кто телесный образ Божий растлевают? Если мужчина желает быть прекрасным, то должен он развивать прекраснейшее в человеке – разум: его должно изо дня в день украшать все достойнее и очевиднее. И не волосы должно исторгать у себя, а желания. Мне жаль несчастных мальчиков, продаваемых на невольничьем рынке на издевательство разукрашенными; но они не сами себя бесчестят, для целей постыдной торговли прихорашиваются по приказу. Если же кто добровольно позволяет совершать над собой деяния, за совершение которых в мужеском возрасте над другим подлежал бы смертной казни, то не является ли тот презреннейшим негодяем?

И в настоящее время жизнь людская отличается крайней разнузданностью нравов, грех разросся чрезвычайно; по городам разлилась всякого рода безнравственность и уже обычной стала. При домах терпимости стоят женщины и торгуют перед любопытным своей плотью. Мальчики, наученные от своей собственной природы отрекаться, на себя принимают роль жен. Распушенностью нравов все сдвинуто с места, человечество обесчещено, превышающие всякую меру беспутные желания гонятся за всем, добиваются всего, вынуждают себя ко всему, извращают природу; мужчины противоестественно принимают на себя роль женщин, женщины – мужчин; есть женщины, замуж выходящие, но и женящиеся; все пути к любострастию открыты. Афродита шатается по улицам и сделалась семейной гостьей.

Жалкое зрелище! О, жизни образ возмутительный! Столь прекрасные плоды производит общественная наших больших городов: мерзости, непотребства, уличных женщин. О, жизнь беззаконная! Не знают они, несчастные, сколько печальных сцен может заключать в себе такое соитие с лицами неизвестными. Сам не предполагая того, отец часто совокупляется со своим растленным сыном, со своей любодейной дочерью, не помнит о детях, вне дома живущих, и час похоти доказывает этим, в какой степени отцы их состоят мужами. Мудрость законов сквозь пальцы смотрит на такого рода противоестественность, закон дозволяет грех и гнусную похоть называют деянием безразличным; думают, что за прелюбодеяние ответственности избегают, если оное становится их природой. Но наказующее правосудие по пятам преследует их за это нечестие; они навлекают на себя неумолимый рок и за малую, вознаграждающую распутных женщин монету покупают себе смерть. Нечестивые купцы привозят целые корабли этих отверженных творений и, как если б это был хлеб или вино, торгуют они любодейцами; другие, еще более жалкие люди, покупают похоть на рынке, как хлеб и съестные припасы, и совсем не думают об изречении Моисея: «**Не оскверняй дочери своей, допуская ее до блуда, чтобы не** блудодействовала земля и не наполнилась земля развратом» (Лев. 19:29). Это уже давно предсказано, а исполнение последовало в наши дни: вся земля полна любодейства и невоздержания. Я удивляюсь древним законодателям римлян. Они воспрещали под страхом наказания это практикование двуснастности, и за противоестественное сладострастие по справедливому закону их полагалось погребение заживо.

Непозволительно, следовательно, бороду выщипывать, это самой природой данное убранство, истинное украшение. Борода, только что пробивающаяся, представляет собой приятнейший вид («Одиссея», X, 279); вперед же в жизненном своем возрасте поступающий ее умащает, так что у прехвального Аарона, например, с нее стекал пророческий елей (Пс.132:2). Истинный питомец Педагога, на котором мир почиет, должен в мире жить и со своими волосами.

К чему после этого женам, склонным к преступному искательству расположенности мужчин, к зеркалу прибегать, если в мужчинах, доходящих до такой наглости, они зеркало имеют? Не мужчинами, нет, а вертопрахами (патиками, кинедами) и женообразными людьми должно таких называть; голос их надломлен, костюм их и по материалу, и по цвету женский. Таких людей можно признать уже и по внешнему их виду, по одежде, по обуви, по манере держать себя, по походке, по прическе, по взгляду. «По виду узнается человек», говорит Писание, «и по выражению лица при встрече познается разумный». Одежда и ослабление зубов и походка человека показывают свойство его» (Сир.19:26-27). Этого рода люди на подбородке, на других частях тела, повсюду выщипывают волосы, только на голове имеют обыкновение растить их, и на свои локоны они подобно женам накидывают чуть ли не сетку. Львы довольны бывают своей густой гривой, и в борьбе она служит им защитой. И кабаны своей щетиной увеселяются и своей поднявшейся шерстью наводят они ужас на охотников. И шерстистая овца пышет здоровьем в виде всклокоченных косм.

Роскошными кудрявыми волосами человеколюбивый Отец Небесный одарил ее для твоей же пользы, человек, научив тебя волну стричь. Из языческих народов кельты и скифы носят волосы длинными, но не прихорашиваются. Все же роскошные волосы варвара представляют собой нечто ужасное, а светло-красный цвет их напоминает собой войну; этот светло-русый цвет волос родствен цвет крови. Но оба названные варварские народа являются врагами жизни распущенной; ясным свидетельством этого служит Рейн у германцев и повозка у скифов. Скиф иногда даже покидает и повозку; ее величина считается у варвара признаком богатства и, более или менее удобную жизнь на ней покидая, обставляет он свое домохозяйство еще проще. Берет скиф лошадь более подвижную, чем повозка, вскакивает на нее и скачет куда хочет; утомившись и проголодавшись, требует он пищи от лошади; и она открывает ему свои жилы и успокаивает его единственным, что имеет – своей кровью; для номадов конь – жилище и пища. У арабов, другого кочевого народа, способное к ношению оружие юношество состоит из ездовых на верблюдах; они садятся также и на стельных верблюдов; эти пасутся и бегают в их обществе, принимают их опять к себе на спину и несут вместе с ними все хозяйство. И если ощущается этими людьми недостаток в питье, то доят они этих животных; и если не хватает пищи, то не щадят они и их крови, как делают это и бешеные волки. Но эти животные, более кроткие, чем варвары, не помнят несправедливости, им оказанной, храбро проходят пустынями, неся на себе своих господ и питая их. Чтоб им пропасть, этим озверевшим верблужьим погонщикам, для которых кровь этих животных служит пищей!

Человек не вправе крови касаться, поскольку тело его самого

есть не что иное, как из крови же образованная плоть. Человеческая кровь и в Логосе имеет часть и через посредство Духа Святого в благодати (Божией) участвует. И если кто Их оскорбляет, тот не укроется (от мщения), потому что кровь тела может и сама по себе к Господу вопиять (Быт.4:10). – В остальном одобряю я не имеющую сложных потребностей жизнь варваров; они любят легко поднимаемое хозяйство и не знают роскоши. В таком смысле взывает к нам Господь: «Чисты вы должны быть от бесчувствия к нравственным приличиям, чисты от суетного славолубия, свободны от грехов, только древо жизнинося, лишь пути спасительного твердо держась».

Глава 4

О добром и дурном сообществе

Однако же я, и сам того не заметив, уклонился от предмета. Я хочу к нему вернуться и сказать несколько порицательных слов еще против содержания многочисленного служебного персонала. Не хотят сами деятельными быть, сами себе служить и прибегают к прислуге, покупают целую толпу поваров, лакеев и искусных официантов. Их функции многообразны. Один класс их озабочен приятностями вкуса: это – кравчие, повара, пирожники, кондитеры, тонких кремов составители и выдумщики. Второй класс их озабочен богатым гардеробом хозяев. Третьи хранят золотые украшения, как если бы это были грифы какие, золото стерегущие. Четвертые хранят серебряную утварь, моют питейные бокалы, кубки, стаканы и держат столовые сервизы в порядке. Пятые только тем и заняты, что чистят домашних животных. Целая толпа чашников занята винами; целые толпы прекрасных мальчиков, как если б это были стада какие, затем только и откармливаются, чтобы после из них красоту выдаивать.

Жен окружают цирюльники и горничные; одна подает зеркало, другая – сетку для волос, третья – гребень. И евнухи тут, занятые сводничеством. Сами будучи неспособны к любовным удовольствиям, они от подозрения свободные, по крайней мере, другим в делах сомнительной нравственности услуги оказывают. Истинный же евнух не тот, который не может, но который не хочет давать воли своим желаниям (Мф.19:12). Потому Логос, гневаясь на греховных иудеев, когда они желали иметь царя, через пророка Самуила обещает им дать властелина не гуманного, а грозит им деспотическим и сладострастным тираном, **«который»**, говорит Он, **«дочерей ваших возьмет**, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы» (1 Цар. 8:13), который свою власть над вами утверждать будет по-военному, а не в качестве князя мирного господствовать над вами.

Потом кишат дома наших богачей целой массой кельтов, обязанность которых поднимать на себя носилки с женами и носить их на своих плечах. Поденщиц же, прядильщиц из шерсти и ткачих нет в таких домах. Даже и рабочей-то комнаты у хозяек этого рода нет, да и вообще домохозяйством они не заняты. По целым дням, напротив, бывают они окружены людьми, передающими им различные сплетни, рассказывающими им скандальные истории и губящими и тело их, и душу своим пошлым паясничаньем и болтовней. **«Не следуй за большинством на зло»**, говорится, **«и не решай**

тяжбы, отступая по большинству от правды» (Исх.23:2), потому что мудрость есть достояние людей лишь избранных, глупость же – удел массы. А покупают себе жены таких носильщиков не из какого-нибудь нежелания быть в городе видимыми, – это было бы достолюбезно, т. е. если бы они ради этих целей в свои портшезы укрывались, – наоборот: служителями в паланкинах быть носимыми, это доставляет им удовольствие и хотят они этим порисоваться. И так как при этом они занавес откидывают и острыми взглядами с мужчинами обмениваются, то дают через то понятие о своем характере. Часто они и совсем высовываются из своих портшезов и через столь легкомысленную свою шустрость постыднейшим образом нарушают самую обыкновенную нравственность. **«Не смотри по сторонам на улицах города»,** говорится, **«и не броди по пустым местам его»** (Сир.9:7).

И поистине место пустынное то, где разнузданная толпа стоит и ни одного разумного человека нет. А по таким-то именно местам женщины богатые у нас и приказывают обносить себя в портшезах. Бывают они по храмам обносимы, здесь жертвы при этом принося и прорицания выслушивая. И длятся эти их богомолья по целым дням, в течение которых они проводят время среди скоморохов, религиозных аферистов, жалких при жертвенниках блюдолизов, этих разорителей целых семейств. При питье из жертвенных кубков вслушиваются они в нашептывание старых ведьм, от волшебников учатся они любовные напитки составлять и магическим словам на пагубу брака. У них есть мужья, и у мужей они состоят женами, а прорицатели обещают им новых. Как бы не замечать им того, что они обманываемы, что для этих грязных людей, ими встречаемых при богомольях, служат они лишь поставщицами средств к жизни пошлой и чувственной! Ибо этого рода люди свою стыдливость на величайший позор променяли и из своей гнусной испорченности делают прибыльное занятие. Есть много торговцев любодейным беспутством; то оттуда, то отсюда они прокрадываются сюда. Эти распутные люди имеют, ведь, страсть, влечение к похотливому наслаждению, как свиньи к лужам. Оттуда Писание напоминает убедительно: **«Не всякого человека вводи** в дом твой, ибо много козней у коварного» (Сир.1:29). И в другом месте; **«Да вечеряют с тобою мужи праведные, и слава твоя»** да **«будет в страхе Господнем»** (Сир.9:21). К шуту распутство! **«Ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый,** или любостяжатель, который есть идолослужитель не имеет наследия в царстве Христа и Бога» (Еф.3:5). И однако же этого рода жены находят свою радость в общении с мужчинами, противоестественно себя бесславящими. Целыми толпами стремятся в дома к ним эти бесстыжие люди (кинеды), угождая им своим разнузданным языком, гадкие по внешнему виду, с грязными речами на устах, состоя бесстыжими пособниками в делах сомнительных, орудиями при преступном снискании чужой склонности. Входят они в дом с хохотом и перешептываясь; сопенье носом и осиплость голоса выдают противоестественную их преданность делам похоти; разнузданными речами и кривляньями стараются они жен возбудить и к смеху вызвать, этому предвестнику распутного деяния. Часто эти распутники или эти охотники до дел блудных, если они чем-нибудь в сильный гнев бывают приведены или если другую толпу кинедов на свою гибель преследуют, квакают совершенно подобно лягушкам, ибо нос у них не в порядке, как если б

желчь у них помещалась не в печени, а в ноздрях.

Женщины все-таки, впрочем, утонченнее мужчин. Они держат при себе индийских попугаев и мидийских павлинов. Забавляются они своими уродливыми шутами, с ними валяясь по диванам, надрываясь со смеху, бесчинно, по-козлиному танцуя с этими каверзниками-карлами и карикатурами на человечество, до уму потешаясь непристойными и плоскими шутками своего Ферсита. Иные женщины за большие деньги покупают себе целую толпу таких ферситообразных дурачков и не своими мужьями хвастаются, а этими уродами, являющимися обузой на земле («Илиада», XVIII, 104); («Одиссея», XII, 379). Не бывает, чтобы они приютили какую-нибудь честную вдову, которая, однако же, большого сочувствия заслуживала бы, чем какая-нибудь карликовая собачка с Мальты; от старца, который полного уважения стоит, отвертываются они, хотя они достойнее, конечно, оплаченной большими деньгами человеческой карикатуры; осиротелых мальчиков они не допускают до себя – они, попугаев и зук кормящие; собственных своих детей подкидывают они, а молодых птиц принимают к себе в дом; эксцентричность у них важнее разумного дела. А лучше бы честному старцу содержание дать, который, полагаю я, прекраснее обезьяны и нечто лучшее сказать сумеет, чем соловей. К месту здесь будет это слово привести: **«Благотворящий бедному дает** займы Господу» (Притч.19:17) и другое: **«Так как вы сделали** одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф.25:40). Но у этих жен чувство совсем не развито для рассудительности и остается грубым. Свои богатства тратят они на камни, т. е. на жемчуг и смарагды из Индии. Свои деньги издерживают они на целые груды одежд, свой цвет быстро теряющих и на покупку дорогих рабов; как пресыщенные курицы роются они в помете жизни. “Но **«бедность»**, говорят они, **«принижает мужа»**” (Притч.10:4), разумея под бедностью бережливость. А нужно бы сказать: Бедны те богачи, которые ничего не сберегают на дела благотворительности.

Глава 5

О поведении в банях

А что это за бани у них? Это целая совокупность зал, со всех сторон открытых, устроенных с изысканным художеством, светлых, с муслиновыми занавесками на окнах, с мебелью, блистающей золотом и серебром. Суется в тех пространствах множество слуг: одни подают многочисленную и разнообразную столовую посуду для питья и для еды, другие – вазы для омовения, третьи поддерживают тепло через сжигание угольев в каминах. В своей разнузданности наши женщины заходят столь далеко, что и в банях едят и пьют. И если они являются в столь богатую и столь роскошную обстановку, да в дополнение еще и со своим серебром, то как не подумать, что значит это делают с целью неприличным и пошлым образом себя выставить здесь напоказ? Но, важничая в безмерной наглости своим богатством, а всего больше своей грубой непринужденностью, они этим навлекают обвинение против своих слабых, ими управляемых мужей, и некоторым образом против самих себя, так как без сложного аппарата этих сосудов они даже и в бане пропотеть и вымыться не могут. И бедные женщины,

которым в иных случаях роскошь неизвестна, идут за богачками в те же бани. Так даже при омовении своей грязи люди богатые оказывают действие вредное и проклятое на нравы простые; на свое богатство как бы на приманку какую поддевают и бедных, с разинутым ртом изумляющихся блеску золота. И чтобы этих простых людей еще больше озадачить, устраивают они так, что те и любовникам их должны бывают удивляться, ибо вскоре затем и эти сюда являются, чтобы с ними нагими забавляться. Перед своими мужьями с себя одежды они снимают неохотно, лицемерно отговариваясь стыдливостью, а каждый какой угодно мужчина этих столь скромно дома себя ведущих жен может нагими видеть в бане. Здесь без стыда раздеваются они перед зрителями, как перед торговцами живым товаром этот бывает раздеваем. Но уже Гесиод справедливо советовал

Женам не умачать кожи в бане.

Наши общие для мужчин и женщин бани ведут только к распутству, потому что зрение обнаженного тела собой порождает желание. В бане наши женщины с себя как бы смывают и чувство стыдливости. Те же из них, которые еще не дошли до такой степени бесстыдства, хотя не допускают к себе чужих мужчин, зато моются при пособии своих слуг, донага раздеваются перед рабами, заставляют их мыть себя, робкому желанию позволяя по крайней мере осязание. Приведенный в баню к госпоже служитель в наглости своих желаний торопится раздеться, но несмотря на все своё негодяйство делает это застенчиво. Древние атлеты тоже стыдились совсем обнажать мужское свое тело; они вступали в состязания опоясанные бедренным прикрытием и свидетельствовали таким образом о своем приличии. А нынешние женщины вместе с одеждой освобождаются и от чувства стыда, желают своими прекрасными формами рисоваться, но и сами того не желая, доказывают тем свою нравственную опущенность, потому что именно через обнажение своего тела они свидетельствуют о наполненности своей души страстными желаниями, подобно тому как у одержимых водяной болезнью кожа повсюду переполняется влажностью. У тех и других с первого же взгляда легко признать болезнь. Мужья потому должны подавать женам должный пример, соблюдая перед ними приличие; в их обществе раздеваясь, должны они похотливых взглядов избегать. Потому что, **«кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал»** (Мф.5:28). Дома, следовательно, должны они соблюдать благонравие перед родителями и прислугой, на улице – перед встречными, в бане – перед женщинами, в одиночестве – перед самим собой, а повсюду – перед Логосом, который всюду присутствует и без которого **«ничто не начало быть»** (Ин.1:3). Тот остается без греха, кто верит, что где бы он ни был. Бог повсюду присутствует при нем.

Глава 6

Христианство есть истинное богатство

В пользовании богатством, следовательно, должно разумность соблюдать; из человеколюбия должно щедротательными быть, не скряжничать, но и в расточительность при этом не должно вдаваться; деятельность благородная не должна вырождаться в эгоизм и тщеславие. Пусть никто

между нами не говорит чего-нибудь вроде этого: «Лошадь этого человека стоит 15 талантов или же его поместье, его раб или его золотая утварь; а сам он не дороже трех копеек». Представляй себе жен без украшений, господ без рабов, и ты найдешь, что господин ничем не отличается от слуги ни в походке, ни во взорах, ни по языку: так схожи они с рабами; если чем и различаются они от слуг, то разве сравнительной телесной слабостью, состоя болезненными уже вследствие своего воспитания. Лучшим и славнейшим учением постоянно должно быть считаемо это: “Муж добрый, мудрый и праведный собирает себе сокровища на небе. **«Он обращает** свое земное имущество в деньги и раздает оные бедным», получая за то **«непреходящее»** сокровище там, где **«нет ни моли, ни воров»**”. Такой поистине блажен, хотя бы он малозначителен был, слаб и бесславен; он становится собственником богатства величайшего и истинного. А кто несправедлив и столь же заносчив, как. и богач, одевающийся в золото и пурпур и презиравший Лазаря, то хотя бы он богаче был и Кинюры, и Мидаса, тот несчастен, бытие тот проводит жалкое и истинной жизнью не живет.

Богатство, мне кажется, походит на змея: если кто еще издали различить его верно не сумеет, как он, вися на кончике хвоста, качается в воздухе, не причиняя никому опасности, то он обвивается около руки того и умерщвляет. Точно так же и богатству присуще замечательное свойство: при неискусном и неопытном прикосновении к нему оно змеем изворачивается, обвивается около собственника и его умерщвляет. А если кто им распоряжается великодушно и рассудительно, тот, это ядовитое животное поражая волшебством Логоса, остается невредимым. На эти истины люди богатые не обращают достаточного внимания; оттого они не могут похвастаться истинным богатством. Драгоценны не драгоценные камни, не серебряная утварь, не одежды, не телесная красота, а добродетель. А она состоит в пользовании разумом, в котором Педагог даровал нам принцип для деятельности. Разум же этот не любит роскоши; он является искренним слугой Логоса и славит умеренность, дочь мудрости. **«Примите учение мое»**, говорит Он, а не серебро; **«лучше** знание, нежели отборное золото; потому что мудрость лучше жемчуга, и ничто из желаемого не сравнится с нею» (Притч.8:10-11). И опять: **«Плоды мои лучше золота и золота самого чистого и пользы от меня больше, нежели от отборного серебра»** (Притч.8:19).

Должно различать эти два рода богатств и чем они один от другого отличаются. Можно быть обладателем больших материальных благ, и все же походить на наполненный золотом грязный кошель. Муж же праведный представляет собой поистине прекрасное явление, потому что красота состоит в благоупорядоченности, в распоряжении имуществом и пользовании им смотря по нужде и обстоятельствам. **«Иной сыплет щедро и ему еще прибавляется»** (Притч.11:24); о такого рода людях написано: **«Он расточил, роздал нищим; правда его пребывает во веки»** (Пс.111:9). Не тот богат, кто владеет имуществом и его бережет, а тот, кто им делится; даяние, а не обладание нас осчастливляет. Но щедролюбие есть плод душевной настроенности; истинное богатство заключается, значит, в душе. Только люди добрые могут быть считаемы за истинно богатых; но добрыми могут быть лишь христиане. Чувство человека неразумного и разнузданного не может быть

расположено к добру; не может он поэтому и распространить около себя добра; христиане же способны к тому; их праведность есть истинное богатство и Логос драгоценнее всякого другого сокровища. Он – произведение не стада и полей, а дар Божий, богатство негибнущее, приобретаемое ценой лишь душевной преданности Ему; Он есть сокровище, нас поистине осчастливливающее; нам доставляет Он истинное блаженство. Ибо если Логос (разум) становится чьим-то достоянием, то не стремится тот ни к чему недостижимому; напротив, цели своих стремлений он достигает; по каждому справедливому желанию получает он от Бога удовлетворение. И не становится ли он тогда обладателем многого, даже всего? Сокровища непреходящего, ведь, становится он обладателем, а именно. Бога. «**Просите**», – говорится, – «**и дано будет вам**; стучите, и отворят вам» (Мф.7:7). Но если боящемуся Его Бог ни в чем не отказывает, тогда богобоязливый является, значит, обладателем всей вселенной.

Глава 7

Умеренность – вот верные на жизненном пути
расхожие деньги христианина

В удовольствиях утопающее сладострастие есть злосчастнейший утес для человека. Жизнь изнеженная и бессодержательная, какой преданы столь многие, противоречит чувству истинной красоты и несогласна с простыми, скромными радостями человека, истинно образованного. Человек есть существо, самой природой обращенное горе, себя ставящее выше прочих и стремящееся к обладанию красотой единой и вечной, творением которой он является. Жизнь же, посвященная чреву, не есть что-либо возвышенное; напротив, она постыдна, омерзительна, смешна; погоня за удовольствиями есть нечто, совершенно чуждое Божественной природе; удовольствия чрева напоминают воробьев, половые – свиней и козлов. Грубость крайняя считать такие удовольствия за какое-то благо. А что касается сребролюбия, то оно сводит людей с правого жизненного пути, заглушает в них чувство приличия и отвращения к делам постыдным. Еще бы! Богач подобно животному желает только много есть, много пить, быть не лишенным чувственных удовольствий; он имеет средства к удовлетворению всякого рода желаний. И вот почему столь немногие из них делают наследниками царства Божия, открытого однако же для всех (Мк.10:24). Для них счастье в многоядении. Ибо для какой же иной цели готовится столько кушаний, как не для наполнения желудка одного какого-нибудь человека? Доказательством отвратительности этой гастрономической страсти состоят отхожие ямы, принимающие экскременты обедов. На самом же деле к чему бы держать столько кравчих для разливания разнообразных вин, если для утоления жажды достаточно стакана воды? К чему столько сундуков для сохранения роскошных одежд? К чему эта золотая домашняя утварь? К чему множество других элегантных вещей? Не для удовлетворения ли взоров ненасытных, не для приманки ли воров и других преступников? Лучше пусть «**милость и истина да не оставляют тебя**», говорит Писание (Притч.3:3). В пророке Илии мы имеем прекрасный образец умеренности. Когда он под кустом сидел в пустыне и, умирая от

голода, ждал себе помощи лишь от Бога, то ангел принес ему **«печеную лепешку и кувшин воды»** (3Цар.19:6). Вот какой завтрак послал пророку Господь. Мы же, ходящие путями истины, тем свободнее должны быть от всякой бесполезной ноши. **«Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви»**, говорит Господь (Лк.10:4), т. е. не приобретайте никаких богатств, сберегаемых в кошельках. Не наполняйте хлебом ваших житниц, подобно тому как сеятель наполняет свои пазухи зерном, а разделяйте его между нуждающимися. Наконец, не накупайте себе лошадей и рабов, назначение которых перевозить багаж богатых и затруднять их передвижение, почему аллегорически и назван он обувью. Далеки, следовательно, мы должны быть от обременения себя бесполезной утварью, золотыми и серебряными кубками, кучей бесполезных слуг. Прекрасной и правой нашей свитой должна быть та, на которую наш Педагог указывает нам, уча нас самим себе служить и довольствоваться малым. Если хотим быть принятыми Логосом, то мы должны идти к Нему путем. Им для нас проложенным. А если у кого есть жена и дети, то и они никого не могут затруднять на его святом пути, если он научит их с тем же постоянством, с каким сам следует за своим Путеводителем, и их идти. Жена, любящая мужа, должна приготовиться к совместному путешествию с ним. Умеренность, соединенная с нравственной, никогда себе не изменяющей устойчивостью – вот верные расхожие деньги на пути к небу. Мерой для каждого обладания должна служить потребность, подобно как для обуви мерой служит нога. То же, что выходит за эти пределы – а это так называемая элегантность, будет ли она состоять в утвари или в одеждах – все это в путешествии будет лишь затруднять нас, а не служить нам поддержкой и не быть нашим украшением. Восходя к небу с напряжением (Мф.11:12; Лк.16:16), мы можем опираться при этом на посох благотворительности;

она же, будучи обращена нами в сторону нуждающихся, может быть и нашим отдыхом на пути. **«Богатством своим человек выкупает жизнь свою»**, говорит Писание (Притч.13:8), т. е. если кто богат, то благотворительность спасет его. Как ключевой источник, и, вычерпан будучи, наполняется до прежней своей меры, так и щедролюбие само себя умножает и пополняет. Человеколюбие есть именно никогда не иссякающий источник; сколько бы ни поило оно жаждущих, молоко у него, как к высосанной груди и выдоенному вымени, обыкновенно опять приливает. Тот не беден, кто владыкой мира. Божественным Логосом, покровительствуем; никогда он не нуждается в необходимом. Ибо состоять под покровительством Логоса это именно, ведь, и значит не иметь никаких излишних потребностей и в то же время иметь подле себя постоянный источник для всякого рода довольства. А если кто захотел бы утверждать, что-де он видал, как праведник часто куска хлеба не имеет, то, возражаю я, что бывает это редко и только там, где нет другого праведника (который нуждающемуся помог бы). И все же и на этот случай читаем слово: **«не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»** (Мф.4:4), которое есть истинный хлеб, ибо является пищей, нам посланной с неба (Ин.6:23; и т. д.). Доколе держится Бога, праведник никогда, следовательно, ни в чем не терпит недостатка. В чем он нуждается, всего того он может просить и все то получать от Отца вселенной (Мф.7:7-8), но и сам собой он может питаться, Сына Его в себе имея. Так не ощущает он ни в

чем недостатка. Логос, наш Педагог, наделяет нас богатством и именно богатством, ни в ком не возбуждающим зависти, потому что мы не имеем излишних потребностей. Кто богат этим богатством, тот становится наследником Царства Божия.

Глава 8

О том, что главная сила истинного и здорового учения

в образцах и примерах

Если кто-нибудь из вас от роскоши совершенно откажется и будет вести простой образ жизни, то научится он легче переносить и невольные затруднения, потому что добровольные труды для него сделаются постоянной школой упражнений, подготавливающей его к перенесению ударов судьбы; и если бы кто оказался в нужде среди различных ужасов и печальных обстоятельств, то они уже не будут для него неожиданностью. Потому-то нам и сказано, что своим: отечеством мы не должны считать эту землю: земными благами мы должны пренебрегать. Простота образа жизни есть благонадежнейшее и действительнейшее из всех благ; это – неисчерпаемая касса, из которой выдачи производятся только для удовлетворения крайних нужд и по мере потребности.

О совместной жизни супругов, о том, что должно пользоваться лишь своими собственными услугами, о домохозяйстве, о держании прислуги, равно как о брачных часах и о приличии, какое должны соблюдать женщины, мы подробно рассуждали в беседе о браке. О добром же воспитательном методе мы должны еще кое-что сказать в форме дополнительного эскиза в начертанной нами картине христианской жизни. Большая часть того, что могло быть на этот счет сказано, уже изложено; педагогика набросана; остальное на этот счет мы присоединим здесь.

Немаловажное значение в домостроительстве нашего спасения имеют примеры. Вот, говорится в трагедии:

Супругу Улиссову не убил Телемак;
да и она не уходила от одного мужа к другому;
Брачное ложе ее дома оставалось незапятнанным.

Если кто хочет высказать порицание жаркому заискиванию преступной склонности у чужих жен, тот будет иметь образец воздержанности от вожделений в верной любви этой жены к своему мужу. Лакедемоняне принуждали своих рабов напиваться и, указывая на них детям, пользовались их колобродством в пьяном виде как некоторого рода врачеванием от этого порока и поощрением к воздержанной жизни. При воспитании своих детей лакедемоняне обращали, следовательно, их внимание на безумие своих илотов, и оно становилось для детей предостережением, останавливавшим их от впадения в подобное позорное состояние; отвратительное поведение пьяных рабов для детей лакедемонян тем было полезно, что предохраняло их от этого порока. Одни из людей и поныне достигают спасения при помощи людей же, другие стремятся к добродетели и упражняются в ней самоучками.

Нет того лучше, кто сам собой достиг разумения. Таков Авраам, Бога искавший.

Но благороден и тот, кто мудрое слово слушает. Это ученики, слушающиеся Логоса. Из-за этого один **«другом»** назван (Иак.2:23), другие **«Апостолами»**, одного и того же Бога один ищет трудом, другой о Нем проповедует: и тот, и другой относятся к народу (Божью); и слушатели обоих (стопам их следующие): один осчастлививается исканием, другой находит свое блаженство в обретении. Но кто сам ничего не понимает и на других не замечает, Чтобы то в сердце скрывать, тот человек ни на что не годный. Этот народ языческий, в великом семействе человечества бесполезный, народ, учения Христова не знающий и не желающий узнать.

Но наш Педагог, Друг людей, разнообразными образами приходит к людям на помощь, за одно их хваля, за другое порицая. На чужих падениях Он указывает нам, готовым пасть, позор оных; когда мы готовы совершить преступление, в качестве проводника и руководителя нашей души Он указывает нам на следующее затем наказание, любвеобильно стараясь произвести в нас отвращение к грехам указанием на людей, ранее за них наказанные. Такими примерами Он отклоняет одних от их злых расположений, других удерживает от подобных начинаний – третьих укрепляет в терпении, а некоторых исцеляет этой аналогичной теорией и доводит до улучшения. Потому что кто же, видя другого оступившимся и упавшим в яму, не будет наблюдать, чтобы не подвергнуться той же опасности; кто не будет избегать следования по путям греха? Или какой-нибудь атлет, следуя стезей славы и видя, как его предшественник получил награду за победу, не будет стремиться к венку и соревновать старшим своим Сотоварищам?

Есть много подобных образцов, представленных Божественной мудростью перед нашим взором. Хочу я об одном из таких примеров упомянуть и вкратце его изложить. Несчастье содомитян было судом Божиим, наказующим грешников, а для чад Божиих оно является воспитательным средством. Сodomитяне, в своей извращенности предавшись страстям чрезвычайным, под влиянием своей одичалости сделались бесстыдными искателями у чужих жен склонности, растлителями мальчиков Всевидящий Логос, от которого никакое греховное дело не остается сокрытым, усмотрел это и, будучи недремлющим Стражем человечества, не отнесся спокойно к их непотребству. Чтобы удержать нас от подражания им, чтобы воспитать нас до мудрости своей жизни, чтобы дать некоторым грешникам веское предостережение, чтобы из-за безнаказанности беспутства не допустить усиление роста его до бесстыдства, решил Он уничтожение Sodoma огнем (Быт. 19:1). Лишь немного из того наставительного пламени излил Он на преступление содомитян, дабы страстность ее осталась ненаказанной и чтобы ее врата не отворились слишком широко для рабов сладострастия. Правосудное наказание содомитян, следовательно, служит для людей примером, внимание к которому ведет к спасению. Потому что кто подобным грехам не предается, за которые это были наказаны, того никогда не постигнет и наказание, какое постигло этих грешников; кто избегает греха, тот избегает и несчастья. Я хочу напомнить вам, уже знающим это, говорит Иуда, **«что Господь, избавив** народ из земли Египетской, потом неверовавших погубил, и ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище, соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд великого дня» (Иуд.1:5-6).

И вскоре после этого очень поучительно преподносит Он примеры осужденных: «Горе им, потому что они пошли путем Каиновым, на лживый путь Валаама уклонились и, заразившись духом Кореева упорства, погибают» (Иуд.1:11). Тех, кои свободы чад не могут хранить, должен удерживать от преступлений страх; оттуда наказания и угрозы, дабы из страха наказаний мы избегали греха. Я мог бы тебе привести примеры наказаний и за страсть к нарядам и наказания за суетность, не только за невоздержание, а потом осуждения и за богатство (Мф.19:24; Лк.6:24), которыми Логос пользуется как средствами отвращающими от несправедливостей. Но, обращая внимание на длину моих рефератов, я хочу снова держаться последовательности заповедей Педагога и оставить в стороне речь об угрозах.

Глава 9

Побуждения для пользования банями

Пользоваться банями – ибо от этого предмета в своем реферате я уклонился в сторону – можно по четырем побуждениям: для омовения, для согревания, ради здоровья и, наконец, для удовольствия. Для удовольствия ходить в баню – это не в порядке вещей: удовольствия бесстыдные должны быть совершенно изгнаны из наших нравов. Женщины могут пользоваться банями в интересах чистоты и здоровья, мужчины – лишь в интересах здоровья. Мотив согревания излишен: членам, окоченевшим от холода, можно помочь и иным образом. Частое же пользование банями умерщвляет силы, ослабляет их естественную упругость. Нередко бани бывают причиной изнеможения и обмороков. Потому что тело впитывает в себя влагу некоторым образом так же, как и дерево: не только устами, но и в бане посредством открытия так называемых пор. Доказательством этого служит то, что многие при входе в баню переставали чувствовать жажду. Следовательно, если баня не служит достижению какой-нибудь цели, то для чего себя и обессиливать из-за нее? Древние называли бани «человеческими лежбищами». Бани ускоряют обрюзглость человеческого тела, через выпаривание влаги доводят его до преждевременной старости, потому что тело от тепла, совершенно так же, как и железо, делается мягким; оттого нам необходимо, так сказать, окунать его в холодную воду и холодом его закаливать. И не во всякое время нужно ходить в баню; от бани надо воздерживаться, если кто чувствует себя слишком отошедшим или слишком пресыщенным. Не меньшее внимание надо обращать на телесный возраст и на время года. Бани полезны не всем и не во всякое время, как признается это и людьми, знакомыми с делом.

Для нас же, кто во всем в жизни апеллирует к правой мере, соблюдение ее особенно необходимо и в этом; нам не следует так расслаблять себя банями, чтобы по выходе из них нужно было опираться на чью-либо руку; нам нечего заниматься лишь телесным омовением себя и бегать днем в бани столь же часто, как и на рынок. Далее, это безумие звать многих служителей для обливания себя водой; по отношению же к ближним это оскорбительная напыщенность. Омывать должно прежде всего душу очищающими водами Логоса (разума), а тело – лишь по временам, из-за грязи, которая к нему пристаёт, подобно тому, как и отдыхом мы пользуемся лишь время от времени.

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры», говорит Господь, «что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (Мф.23:27). И опять Он говорит им: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их» (Мф.23:25-26). Наилучшая баня, следовательно, есть та, которая душу очищает, и это есть баня духовная. О ней пророк говорит ясно: «Когда Господь омоет скверну дочерей Сиона и очистит кровь Иерусалима из среды его» (Ис.4:4), т. е. кровь беззакония и убийства пророков. Логос сообщает и о роде, и образе этого очищения, присоединив; «духом суда и духом огня», телесной же плоти очищение может происходить через омовение простой водой, как это и бывает часто в странах, где и бань-то никаких нет.

Глава 10

О том, что посещение гимнастических школ относится к

разумному образу жизни

Вместо бань гораздо полезнее для юношей гимнастические школы; но и мужам зрелого возраста не дурно посещать с большей, нежели бани, охотой эти, иного рода заведения; они укрепляют здоровье молодых людей, пробуждают в них соревнование и честолюбие, направленные на развитие не только телесного, но и душевного здоровья. И если занятиям этим отдаются без отклонения от дел более важных, то это прекрасно и не бесполезно. И женщины не должны уклоняться от телесных упражнений;

пусть только не в борьбе и бегании взапуски они упражняются, а волну прядут и ткут, и кухарке помогают, если то нужно. Кроме того, работой жен должна быть выдача из кладовых необходимого для нас. Ни одна из них не должна считать для себя стыдом и стояние при ручной мельнице; для женщины домохозяйственной и деятельной ничего нет дурного в занятиях на кухне для доставления удовольствия мужу. Вытряхивание одеял, потчиванье мучимого жаждой мужа, собирание ему обеда – для жены приличнейшие и самые здоровые телесные упражнения. Педагог хвалит жену, которая «протягивает» руки свои к прядке, и версты ее берутся за веретено. Длань свою она открывает бедному, и руку свою подает нуждающемуся» (Притч. 31:19-20). Особенно не должна она стыдиться своего главного служения (гостеприимства), а Сарре в оном подражать, которой Авраам говорил: «Поскорее замеси три саты лучшей муки, и сделай пресные хлебы» (Быт.18:6). «Пришла Рахиль», говорится, с «мелким скотом отца своего» (Быт.29:9). Но Писанию было недостаточно этого; изображая, как эта юная дева далека была от всякого чванства и спеси, оно присоединяет: «потому что она пасла». Но Писание приводит множество и других примеров женской простоты, старательности и телесных работ.

Из мужчин же одни могут в нагом виде бороться, другие в мяч играть, особенно на открытом воздухе в так называемую игру фенинду; другие пусть довольствуются путешествием по стране и прогулками по городу; а если

кто и заступ в руки возьмет, то возделывание земли с помощью его не представит собой ничего неблагородного.

Чуть не забыл я, что и Питтак, царь Митиленский, молот на мельнице, т. е. занимался тяжелой телесной работой. Прекрасно, если мужчина воду для себя носит и дрова, им же потребляемые, колет. Иаков же пас оставленных овец Лавана, имея в руках царственный символ, стираксовый посох (Быт.30:37), который своей древесиной предзнаменовал преобразование природы в лучшую. Для многих чтение вслух служит телесным упражнением. Борьба же, дозволяемая нами, должна производиться не ради какого-нибудь суетного состязания, а для вызова испарины на теле; и не с бахвальством своей ловкостью должно приступать к ней, но бороться, схватившись в прямом положении тела, что влияет на развитие рук, спины и туловища с боков. Такое приличное упражнение сил, предпринимаемое в интересах столь необходимого и столь полезного здоровья, прекрасно и совершенно достойно мужчин; другие роды гимнастических упражнений сопряжены с позами и положениями тела вовсе некрасивыми. И все же во всем должно соблюдать меру и цель. Ибо, подобно тому, как в порядке вещей, чтобы работа предшествовала еде, так очень дурно, обременительно и нездорово, если кто напрягается через меру. Не следует поэтому оставаться совершенно бездеятельным, но не следует и быть исключительно лишь работником. И что мы в отношении пищи заметили, то же самое имеет приложение и ко всему и повсюду. Не надо быть рабом желаний и отдаваться разнузданной жизни, но не нужно и в противоположных вещах преступать меру; правое – в середине; это умеренный, мудрый образ жизни, свободный от обеих крайностей: как роскоши, так и скряжничества. Итак, как мы и выше сказали, служение самому себе есть правильное телесное упражнение, например, если кто сам с себя обувь снимает, моет себе ноги и натертую маслом ногу обтирает; и друг другу ноги омыwać представляет собой дело взаимной справедливости, точно так же, как проводить ночь возле больного друга, оказывать беспомощному услуги и доставлять необходимое. И Авраам, говорится, «**взял масла и молока, и тельца приготовленного**, и поставил перед ними; а сам стоял подле них под деревом. И они ели» (Быт.18:8). И лов рыбы относится сюда же, как у Петра (Ин. 21:3), если досугом от необходимых религиозных упражнений это нам дозволяется. Но лучшее рыболовство есть то, которому Господь учеников научил, а именно, людей ловить, как ловят рыб в воде (Мф.4:18-19).

Глава 11

Краткий очерк наилучшего (идеального) образа жизни

Безусловного запрещения носить золотые украшения и тонкие одежды, следовательно, мы не высказываем; мы настаиваем лишь на необходимости обуздывать бессмысленные страсти к такого рода вещам, дабы по совершенном ослаблении узды они не увлекли нас к жизни невозддержанной; потому что чувственное вожделение, если его удовлетворять постоянно и вполне, способно переступать границы, сопротивляться и сбрасывать с себя всадника (разумеется Педагог). -Между тем, Он, туго натягивая узду, побуждает лошадь (здесь человека) идти вперед и направляет к спасению,

если она, подобно тому, как делала это в диком состоянии, отдается безрассудству, желаниям и увлекается стремлениями, достойными порицания, вроде погони за драгоценными камнями, золотом, пестрыми одеждами и другими пустяками. Это достопочтенное слово мы постоянно должны иметь в уме: «И провождать добродетельную жизнь между язычниками, дабы они за то, за что злословят вас, как злодеев, увидя добрые дела ваши, прославили Бога» (1Пет.2:12). Педагог, как мы выше сказали, позволяет нам надевать на себя простые одежды белого цвета, желая, чтобы между нами были в ходу не пестрящие произведения искусства, а простые, естественные. С помощью этого он заповедует нам от всего лживого и поддельного отказываться и стремиться только к простой и прямой истине.

Софокл, порицая преданного пышной роскоши юношу, говорит:

Он как бы в женские одежды наряжен.

Как солдат, матрос, чиновник, так и мудрец, все они одеваются в одежды, лишь им свойственные, – не франтовские, а приличные и чистые. Так и закон по поводу проказы, изданный Моисеем (Лев.13:1), не одобряет разнообразных и разноцветных одежд, признавая их нечистыми. Одежды, отливающие разными цветами, он уподобляет змеиной чешуе; только мясные туши, не имеющие на себе пестрых пятен, но совершенно белые с головы до ног, он объявляет чистыми, дабы, аналогично им, мы и пестротой отливающего и изменчивого вида души береглись и любили простой и ясный цвет истины. И соревнователь Моисея, весьма славный Платон, позволяет употребление лишь тех тканей, на которых нет искусственных работ, какие дельные женщины обыкновенно на них вышивают, и признает приличнейшим белый цвет. В другом месте он говорит, что цветные ткани нужно употреблять не для иных целей, как только для военных отличий. Особенно нам, мужам мира и света, приличен белый цвет. Подобно тому, как знаки, имеющие близкое соотношение с областью причин, указывают своей наличностью на нечто, или, лучше сказать, доказывают собой существующее действие, как, например, дым свидетельствует об огне, хороший цвет лица и пульс – о здоровье: подобно этому белизна одежд свидетельствует о состоянии нравов между нами. Чистота и простота суть свойства мудрой умеренности; чистота, ведь, есть состояние, представляемое чистой и не запятнанной ничем постыдным жизнью, а простота есть состояние, отказывающееся от всего излишнего. Одежда из прочных и особенно не подвергнутых валянию материалов удерживает теплоту в теле; это значит не то, как если бы сама одежда в себе теплоту имела, нет; но она лишь задерживает исходящую из тела теплоту и не допускает ее улетучиваться; значит, если тепло в тело проникает, то оно такой одеждой сохраняется, а при нагревании ее тело еще больше согревается; поэтому в такие-то одежды и нужно, особенно зимой, одеваться. Такая одежда неприязательна. Неприязательность есть состояние, которым все излишнее бывает отклоняемо и которое для предотвращения недостатков столько и только того желает, сколько и чего довольно для жизни Логосу (разуму) угодной, для здоровья и для нашего счастья. – И женщины потому должны одеваться в одежды простые, но приличные; конечно, они могут быть и из более мягкого материала, чем мужские, все же не такие, в какие одеваются женщины, потерявшие всякий стыд и распустившиеся в изнеженности. –

Одежда должна и возрасту соответствовать, физиономии, фигуре, росту, жизненному призванию. Св. апостол столь прекрасно советует нам: «**Но облекитесь** в Господа (нашего) Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти» (Рим.13:14). – Логос (разум) не позволяет нам также и природу оскорблять прокалыванием ушных мочек, а также, по той же самой причине, и носа, дабы не исполнилось над нами слово Писания: «**Что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая** и безрассудная» (Притч.11:22).

Вообще, если кто-нибудь думает, что золото украшает его, тот сам малоценнее золота. Но кто себе присваивает меньшее значение, чем золоту, тот не господин над ним. Объявлять же себя за нечто менее важное и менее ценное, чем песок лидийских рек, не есть ли величайшее безмыслие? Как золотое кольцо, если вдеть его в нос свиньи, будет запачкано ею в нечистотах, потому что она своим рылом роет навоз: подобно этому и роскошествующие жены, став в своей сладострастности ненасытимыми, пятнают грязью внешних пожеланий истинную свою красоту. Логос (разум) позволяет им носить золотое кольцо на пальце, но не для украшения, а для наложения им в доме в хозяйственной заботливости печатей на то, что требует охраны. Конечно, если бы все люди были добрыми питомцами (Логоса), тогда не нужно было бы никаких печатей; были бы тогда одинаково добросовестны все: и господа, и слуги; но так как вследствие невежества и дурной воспитанности у людей часто развиваются склонности к дурному, то употребляем мы печати.

Впрочем, эту строгость должно немного ограничивать. Женам, живущим в достаточной брачной обстановке, иногда можно и снисхождение оказывать и позволять наряжаться с целью нравиться мужу. Но пределом их желаний при этом должно оставаться именно желание нравиться только своему мужу. С личным же моим вкусом несогласно, когда женщины много хлопочут об украшении своего тела; лучше пусть они очаровывают своих мужей искренней любовью, этим действительнейшим и столь естественным волшебным средством. Однако же, так как многие мужья о своей душе заботятся мало, то задача женщин, если они желают быть честными их женами, укрощать неразумные страсти и пожелания своих мужей, постепенно обращать их к простоте, приучать к несложным потребностям и к умеренности. Значение жизни состоит ведь не в обладании грубыми материальными благами, а в очищении себя от излишнего. Подобно подрезанию перьев маховых крыльев должно подрезать, следовательно, и затей жен, отзывающие роскошью; они доставляют им преходящее удовольствие и суетную радость, а, между тем, увлекаясь и занятые ими, они часто из клетки брака улетают. Поэтому жены, хотя и могут в надлежащее время наряжаться, но должны при этом в границах оставаться, руководствуясь чувством приличия, дабы через спесь от истины не уклониться. Но надлежит также, чтобы и мужья доверяли своим женам и все домохозяйство им предоставляли, поскольку они и даны им именно для той цели, чтобы быть помощницами в этом деле.

А так как и нам, мужьям приходится иное припечатывать для более верного охранения то при отправлении своих общественных обязанностей, то при своей деятельности в полях, куда мы часто без жен удаляемся, то и нам Логос (разум) позволяет на этот случай ношение перстня

с печатью, но только одного. От ношения же остальных колец мы должны отказаться, потому что по Писанию уже **«воспитанность для мужа разумного, есть золотое украшение»** (Сир.21:24). Обремененные золотом жены, кажется, страшатся, что сочтут их за рабынь, если они снимут с себя золото, оставшись без украшений. Но благородным чувством истины, пробой которому являются прекрасные душевные свойства, рабское клеймо раба усматривается не в покупаемости и продаваемости кого-либо, а в душевных расположениях. Нам же следует не казаться только свободными, но состоять такими на деле; в качестве питомцев Божиих мы являемся и усыновленными чадами Божиими. Оттого при стоянии, в движениях, в походке, в костюме, короче, во всей жизни, следует нам нечто такое соблюдать, что прилично лишь совершенно свободному человеку. – А кольцо мужчины должны носить не на других пальцах, а одевать его на мизинец, т. е. на самый крайний из пальцев; потому что тогда рука остается способной к исполнению свойственных ей работ, да и само кольцо, держась на нем крепче, нелегко соскальзывает с него. – Для печати же мы должны пользоваться изображением голубя или рыбы, или корабля с надутыми парусами, или же музыкальной лиры, какая изображена была на перстне Поликрата, или же корабельного якоря, какой на своем перстне приказал вырезать Селевк. Если кто рыбак, то перстень должен тому напоминать об апостолах или же о детях, воспринятых от вод крещения. Идольских же изображений на своих перстнях мы не должны гравировать; не должно и с каким-то почтением относиться к таким перстням; и перстней с изображением меча или лука не должны мы носить: мы, ведь, состоим друзьями мира; не должны мы иметь на своих перстнях и изображений различного рода кубков: мы, ведь, люди воздержанные. Многие носят перстни с изображением на них в нагом виде своих возлюбленных или из мужчин, или из женщин, как будто для невольного напоминания себе о своих любовных удовольствиях, чтобы не забывать о них, но постоянно вызывать их в своем воспоминании: это разнузданность.

Касательно волос нужно соблюдать следующее. Волосы на голове мужчинам следует носить коротко остриженными, за исключением случая, если они были бы курчавыми; на подбородке же должна быть отпускаема борода. Будучи причесаны, волосы не должны слишком спускаться с головы на манер женских локонов; для мужчин достаточно бороды. А если кто бороду подстригает, то не следует, по крайней мере, совершенно ее до гладкости состригать; мужчине сообщается этим вид отвратительный, и состригание бороды даже до кожи собой напоминает выщипывание и выглаживание. Псалмопевец говорит: **«Как драгоценный елей на голове, стекающий на бороду, бороду Ааронову»** (Пс.132:2). Повторением слова **«борода»** радостно воспевают он украшенное бородой лицо, блистающее елеем радости Господней. Но так как стрижка волос предпринимается не ради украшения, а вызывается обстоятельствами, то волосы на голове нужно стричь, чтобы, выросши очень длинными, они не препятствовали зрению. А на верхней губе волосы нужно подрезать, чтобы при еде не пачкались; но не следует их все остригать, – это было бы некрасиво, – а только ножницами. Бороду, которая никаким образом не может беспокоить, нужно без малого цельной оставлять; она сообщает лицу достопочтенность и некоторого рода отеческую авторитетность.

Многие бывают удерживаемы от греха и внешним видом своим, потому что их тогда легко узнать; для тайных же грешников внешность, могущая быть предательской, характеристика ее не очень желательна; они и отдаются своим делам в темноте потому, что характерного боятся; от большинства же ничем не отличаться, это представляет для них ту выгоду, что получают они тогда возможность бесстрашно грешить.

Голова остриженная посему не только пристойна человеку нравственно серьезному, но предупреждаются тем несколько и головные боли, ибо голова тогда и к холоду, и к жаре привыкает; и другого рода вредные влияния влажности от нее устраняются, которые длинными волосами как будто губкой какой вбираются в себя и передаются мозгу.

Для жен же достаточно волосы слегка причесывать и сдерживать косу на затылке какой-нибудь простой и дешевой булавкой; и при простой прическе длинные волосы для жены разумной служат истинным украшением. Завиванием же волос в пукли на манер, как это делается у гетер, и распусканием их по плечам локонами и плетками лицо бывает безобразно; для составления этих искусственных косичек срезаются и выщипываются волосы; из страха прическу испортить такие женщины не смеют дотронуться до своей головы; из-за заботы как бы, забывшись, не сбить своей прически, они не осмеливаются даже спать спокойно. Накладывание же чужих волос на голову совершенно должно быть оставлено; украшать свою голову волосами другого, накладывать на нее мертвые косы поистине нечестиво; потому что на кого же пресвитер тогда возложит руку; кого благословит он? Не украшенную жену, а чужие волосы и из-за них другую голову. Если мужу **«глава Христос, жене глава – муж»** (1Кор.11:3), то не нечестиво ли в таком случае в двойной грех впадать? Мужей обманывают такие женщины своей на манер башен надстройкой из волос; у Бога, насколько это от них зависит, славу отнимают рассчитанным на обман и употребительным у гетер убором своих волос; да и истинную красоту головы они лишь безобразят из-за этого. Не нужно и помадить волос, а седых подкрашивать: нам, ведь, и крашенные в разные цвета одежды запрещено носить.

Тот же самый мотив запрещает нам и высший возраст с его достопочтенностью скрывать; следует это даруемое Богом украшение являть, особенно для молодого поколения, в качестве предмета почтения во всем блеске. Потому что иногда появление седой головы действует на разнузданных равносильно появлению педагога и блеском седой головы юношеские пожелания бывают сдерживаемы.

И лиц своих женщины не должны пачкать вводящим в обман средствами обольстительного искусства, украшаться же должны красотой жены мудрой. Нечто весьма прекрасное представляет из себя, о чем я уже часто упоминал, первое всего красота душевная, когда душа бывает украшена Святым Духом, а жена – если блистает исходящим от Него светом праведности, рассудительности, великодушия, умеренности, любви к добру и стыдливостью; никакая из вещественных красок не может уподобиться красоте этих свойств. И уже только потом должно заботиться и о телесной своей красоте, о соразмерности одежды и обуви своим членам и частям тела, а равным образом

и о цвете волос. Для украшения себя этой красотой особенно необходим здоровый уход за телом, который производит то, что и искаженный обольщающим этим косметическим искусством образ восстанавливается в истинном своем виде, согласно с образом, данным от самого Бога. Телесная красота в крайне значительной мере обуславливается правильным соблюдением меры в еде и питье. Это способствует не только здоровью тела, но через него начинает тогда просвечивать и красота, как бы какая лучезарная. Из огнеподобных элементов пищи развиваются свет и блеск, из водянистых – мерцание и мягкость, из сухих – крепость и плотность, из воздушных – легкость дыхания и равновесие соков. Но это – составные части, из которых слагается стройный и прекрасный образ Логоса. Красота есть благородный цвет здоровья; здоровье действует внутри тела и производит то, что на поверхности тела кожа цветет прекрасными красками.

Наилучший и всего полнее способствующий здоровью образ жизни есть тот, которым поддерживается деятельность тела; и он порождает собой красоту истинную и прочную, потому что телесной теплотой все водянистое и весь холод вдыхаемого воздуха всасывается, а через телесное движение и сама теплота развивается. Но, всасывая влажность из пропитанных ею и постепенно согревающихся частей тела, теплота производит испарение излишних питательных соков, вследствие чего организм чувствует потребность и от прежней пищи себя опорожнить. В неподвижном же организме принятая пища вовсе не ассимилируется, проходя через него, подобно непропеченному хорошенько хлебу, или в том же виде, в каком и принята, или же с оставлением после себя некоторых осадков. Естественно теперь, что при столь неудовлетворительном выделительном процессе получается излишек мочи, кала и иных соков; и при этой недостаточной ассимиляции пищи телом пот вместо того, чтобы выходить на поверхность тела, изливается в эти же излишние соки; из них-то потом возникают чувственные желания вследствие прилива этого излишка соков к половым частям. Должно, следовательно, этот излишек соков истощать и способствовать вливанию его в пищеварительные органы: тогда и лицо будет цвести живыми и здоровыми красками. Но нелепо нам, созданным **«по образу Божию»** (Быт.1:27), этот первообраз как бы не ценить и еще внешние украшения к нему присоединять, дополняя украшающим искусством человеческим Божие художественное творение. Педагог заповедует, чтобы жены ходили **«в приличном** одеянии, со стыдливостью и целомудрием, как приличествует женам, посвятившим себя благочестию». Подчинялись бы своим мужьям, **«чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жен** своих без слова приобретаемы были». Их украшением должно быть не **«внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность** в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом» (Ср. 1Тим.2:9, 10; 1Пет. 3:1-4). Самодеятельность жен сообщает им истинную красоту; они упражняют свое тело ручными работами и сами готовят себе все, в чем нуждаются, одеваясь не в фабрикаты, приготовленные трудами других, и не украшения на себя налагая, вовсе и не украшающие, употребительные лишь у рабынь и гетер, а украшения, свойственные благоприличной женщине, сработанные и вытканые ее собственными руками. Гражданки Божественного царства

должны показываться в обществе в материях, купленных не на рынке, а дома сработанных и украшенных искусством их собственных рук.

Нечто чрезвычайно прекрасное представляет собой деятельная домохозяйка; она одевает в одежды своей работы и самую себя, и мужа. Все около нее дышит радостью: дети радуются, на мать глядя, муж – на жену, она сама, смотря на них, все вместе о Боге думая; короче говоря:

«Уста свои открывает с мудростию, и кроткое наставление на языке ее. Она наблюдает за хозяйством в доме своем, и не ест хлеба праздности. Встают дети – и ублажают ее, – муж, и хвалит ее: «Много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их». Миловидность обманчива и красота суетна», как говорит Божественный Логос устами Соломона (Притч.31:26-30). **«Жена, боящаяся Господа, достойна хвалы».** И опять: **«Добродетельная жена – венец для мужа своего»** (Притч.12:4). Вполне благоупорядочен далее весь внешний вид ее, взор, походка и голос, – не как у некоторых женщин, которые нечто театральное в себе имеют, ломанные движения танцоров принимают, при разговоре действуют подобно сценическим артисткам, подражая им в сладострастности своих движений, в плавности своей походки, в вычурности своего голоса, в обольщении маслянистостью своих глаз. **«Ибо мед источают уста чужой жены, и мягче елечь речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый; ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней».** (Притч.5:3-5)

Благородного Самсона победила обольстительница, (Суд.14:1, 2; и д.) и жена непотребная лишила его мужской крепости и сил (Суд.16:17). Иосифа же другая жена не могла обмануть так: египетская преступная женщина была побеждена, и воздержанность, на себя налагающая оковы, оказалась сильнее разнузданного вождения (Быт.39:1).

Но разумно, мне кажется, сказано и это слово:

«Вообще не умею я шептать,
Ни в завлекательных позах прохаживаться
С шеей изгибающейся в разные стороны,
Как я вижу в этом городе иных кинедов прохаживающимися,
Себя позволивших насмолить».

Движения женственные, не проникнутые единством и любострастные должны быть совершенно чужды нам. Некоторая мягкость походки, виляние при этом хвостом, как называет такую походку Анакреон, вообще свойственны лишь гетерам. «Время, полагаю я, как говорится в одной комедии, игривым одеждам, нравам и забавам сказать последнее прости». Шаги жены обольщающей опираются не на истину; она не ходит путями жизни; скользок путь ее и опасно познакомиться с ним.

Но особенно за глазами нужно нам наблюдать и за нашими взорами, потому что лучше ногами спотыкаться и с ног падать, нежели глазам допускать быть причиной нашего падения. Господь предупреждает этого рода падения и от них исцеляет словами весьма краткими и сильными: **«Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его»** (Мф.5:29), с корнем исторгая самое пожелание. Маслянистые взоры, подмигивание, т. е. подача знаков через моргание ресницами, это не иное что есть, как то же заискивание у чужих жен преступной склонности, но совершаемое лишь глазами; это –

перестрелка желаниями. Глаза – первый из членов, с которого начинается повреждение, разливающееся потом и по всему телу. «Светлый взгляд радуется сердцу» (Притч.13:30), т. е. если кому-нибудь удастся обстоятельно рассмотреть что-либо для нравственно доброй цели, то это доставляет сердцу рассматривающего радость. Но если «кто мигает глазами, тот причиняет досаду» (Притч.10:10). Так последний царь ассирийский, женоподобный Сарданапал, изображается сидящим на подмостках с растянутыми ногами, подобно женщине, пурпур щиплющим и вскидывающим белки своих глаз. Женщины, то же делающие, себя сватают своими собственными глазами. «Светильник для тела есть око», говорит Писание (Мф.6:22); он освещает собой и своим светом озаряет и внутренности. «Любострастность жены видна по поднятию глаз» (Сир.26:9). «Итак умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления», взывает апостол (Кол.3:5-6). А мы еще сами возбуждаем в других пожелания и того не краснеем?. Так, некоторые из женщин постоянно жуют мастику, прохаживаются взад и вперед, улыбаются проходящим; другие придают себе интересность тем, что подолгу возятся, как если б у них пальцев не было, с зашлифовыванием своих локонов булавкой для волос, прекрасно сработанной или из черепахи, или из слоновой кости, или другого какого трупного останка. Другие, опять-таки, стараются иным образом понравиться публике, разрисовывают себя различными красками и пачкают себе лицо, как если бы у них на нем цветы какие росли. «Безрассудной, шумливой» Логос называет у Соломона «женщину глупую, ничего не знающую». Она «садится у дверей дома своего на стуле, на возвышенных местах города, чтобы звать проходящих дорогою, идущих прямо своими путями» (именно через всю свою манеру держать себя, видом своим зазывает и всем своим поведением говорит: «Кто глуп, обратись сюда. И скудоумному сказала она: (Притч.9:4) “Воды краденые сладки, и утаенный хлеб приятен”». (Она понимает тайные удовольствия любви. С отношением к этому беотийский поэт Пиндар говорит о приятности тайного служения богине Кипрской.) Но несчастный не знает, «что мертвецы там, и что в глубине преисподней зазванные ею. Но, ты отскочи», говорит Педагог, «не медли на месте, не останавливай взгляда своего на ней; таким образом ты пройдешь воду чужую» (Притч.9:14-18) и Ахерон перешагнешь. Оттого Господь говорит у Исаии: «за то, что дочери Сиона надменны, и ходят подняв шею и обольщая взорами, и выступают величавою поступью, и гремят цепочками на ногах, оголит Господь темя дочерей Сиона, и обнажит Господь срамоту их» (Ис.3:16-17): отвратительное зрелище.

Я держусь того мнения, что нечего служанкам, следующим за знатными женщинами, напоминать об их обязанности не позволять себе в речах или поведении какого-нибудь неприличия, когда от своих барынь они не могут перенимать воспитанности. Весьма сильно выражает негодование против этого комический поэт Филимон, говоря:

«Иногда приходится наблюдать, как позади осматривающейся благородной жены следует красивая горничная, а вслед за ней с Платоникума пристаёт кто-нибудь и глазами делает ей знаки». Беспутство служанки падает на госпожу; позволяя себе малое, служанка подвергается опасности не

охранить себя и от большего; господа, смотрящие сквозь пальцы на малые проступки, дают тем понять, что они их не порицают. Но опущение порицания против распушенности есть ясное доказательство такого же образа мыслей в самих господах; «какова госпожа, говорит пословица, такова и собачка».

Далее, нам должно быть чуждо всякого рода неприличие в походке. Важностью и медленностью должна отличаться она, но не быть при этом и вразвалку. Не следует выступать на путях павлином; не следует с откинутым назад затылком осматривать встречающихся, если бы кто-либо из них обратил на него свое внимание; это неистовство – самодовольно расхаживать по улицам как бы по сцене, так, что люди на него пальцами указывают. Не следует также, если в тесноте кто-нибудь будет столкнут с тротуара, снова стремиться занять на нем место при помощи слуг, как делают это господа изящные и разборчивые, желающие казаться энергичными, на самом же деле оказывающиеся женоподобными. Муж благородный ни в Нем не должен обнаруживать признаков женственной изнеженности, ни в лице, ни другой какой-либо части тела. Следовательно, ни в движениях его, ни вообще во всей манере держать себя не должно быть ничего такого, что с достоинством мужчины было бы несогласимо. Человек здравомыслящий и со своей прислугой не должен обращаться, как с подъяремным скотом. Петр хотя и заповедует слугам «**со всяким** страхом повиноваться господам, не только добрым и кротким, но и суровым» (1Пет.2:18), но, с другой стороны, и господам приличествует ровность, терпеливость и дружелюбность. «**Наконец**», продолжает Петр, «**будьте единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосердны, дружелюбны, смиренномудры**» и т. д., «**чтобы наследовать благословение**» некоторого прекрасного и достолюбезного (1Пет.3:8-9).

Зенон Киттийский, кажется, хотел нарисовать идеал девицы, когда набросал следующий образ: «Лицо у нее должно быть чистое, брови не должны быть опущены, но не должен быть глаз и совершенно открыт, однако же и не рассеян; затылок не должен быть назад откинут и не представляться как бы застылым; члены тела не должны быть вялыми, но выпрямленными и напряженными. Ухо ее должно быть восприимчиво для говоримого, а воспоминание верно передавать из слышанного все хорошее. Вся манера держать себя и все движения должны быть таковы, чтобы у беспутников отпадала всякая охота к пошлостям; стыдливость и степенность должны быть запечатлены на ней. С парфюмерами и цирюльниками она не должна иметь дел, а также с ювелирами, ткачами и продавцами шерстяных материй и множества других разорительных изобретений, в магазинах которых женщины, подобно наряженным куртизанкам, по целым дням проводят, сидя здесь как бы в каком простибуле». – Но и мужчины не должны по цирюльням, кабакам и трактирам слоняться, пустословя с ничтожными личностями, западни измышляя женщинам и для возбуждения смеха тысячи непристойных вещей злоречиво о ближних рассказывая. И игра шестисторонними кубиками нам недозволительна, а также и игральными костями, каковым играм многие столь усердно предаются ради корысти. Такие безрассудные удовольствия свойственны лишь праздношатающейся лени; причиной их – ничегонеделание. Эти суетные вещи, не имеющие простоты и естественности, также изобретает нечистая любовь, которую те люди поддерживают и питают

в себе. Но не следует радовать сердце удовольствиями, от которых можно получить вред. Внешний образ жизни у всех людей служит выражением их внутренних расположений. Но, что и естественно, общение только с людьми добрыми может сопровождаться пользой для нас; обращающиеся же с людьми дурными скоро сами становятся такими.

Божественная премудрость Педагога называет через Моисея общение с людьми дурными свинством, почему она и запретила древнему народу употребление свинины в пищу (Лев.9:7; Втор.14:8), показывая этим, что для признающих Бога недозволительно вращаться между людьми нечестивыми, которые, подобно свиньям, предаются плотским желаниям, принимают нечистые, страсти питающие кушанья и, возбуждая чувственный зуд, со злой радостью предаются служению Афродите. Но и употребление в пищу ястребов и быстрокрылых птиц плотоядных (хищных) и орлов запрещает Педагог (Лев.11:13; Втор.4:12). Не касайся того, говорится, что хищностью свою жизнь поддерживает. Но Педагог подобной же аллегорией выражает и положительную заповедь. Итак, с кем же нужно поддерживать общение? С праведными, что аллегорически выражено так: «**Всякий скот, у которого раздвоены** копыта и на копытах глубокий разрез, и который жует жвачку, ешьте» (Лев.11:3; Втор.14:12). Двукопытной называется здесь сохраняющая равновесие праведность, отрывающая Логоса – истинную пищу праведности. Эта пища, как и всякая другая, входит внутрь тоже извне, через выслушивание огласительного учения; но изнутри она опять обращается вовне как бы из желудка, т. е. воспринятая сначала познанием, потом воспроизводится рассудительным припоминанием. Праведный есть отрыватель духовной пищи и имеет в устах Логоса. Но, без сомнения, праведность и двукопытна, поскольку она освящает нас для этой стороны жизни, но она вводит нас в состояние блаженное и по ту сторону гроба.

Наш Божественный Педагог далее не велит нам и на зрелища ходить. Не без права можно назвать ристалища и зрелища «**собраниями** развратителей» (Пс.1:1). Ибо здесь против Мужа праведного как бы злой совет составляется; посему это собрание и проклятию предается. Они полны беспорядочности и беззакония; и предлоги к составлению их – пошлого рода. На этих собраниях перемешиваются между собой и мужчины, и женщины, чтобы взаимно себя видеть; и так бывают они причиной беспорядочности. Здесь говорит и действует собрание совета нечестивое. Взоры чувственностью питаются, желания разгораются, и праздные глаза, случай имея соседей пристальнее рассматривать, воспаляются чувственными желаниями. Воспрещенными для себя поэтому должны считать мы публичные зрелища и представления с их вздорным кривлянием и пустословием. Потому что каких только грязных деяний на этих сценах не представляется; каких только бесстыдных слов здесь скоморохи не произносят! Но кто в этих пошлостях находит удовольствие, тот приносит образы их с собой и домой. Те же, напротив, кто не соприкасаются с чародейством этого рода и душевный мир кого остается не затронутым ими, не могут и в легкомысленные удовольствия вдаваться. Но даже и в том случае, если бы кто такие зрелища считал за шуточные, за устраиваемые для развеселения духа, я утверждаю, что немного же ума у заправил тех городов, где обеспокоены, как бы делом каким важным,

забавами. А кроме того, тщеславные забавы эти и жестокосердны, для столь многих смертью сопровождаясь. Да и не суетное ли это дело – серьезно заниматься вещами пустыми и ничтожными? Они питают собой честолюбие безрассудное, силы же здесь расходуются бессмысленно. Но и волнения, и возмущения на этих зрелищах вовсе не шутка и не развлечение. Тем более не следует устраивать такие удовольствия другим по побуждениям суетности. Человек разумный никогда не предпочтет приятного доброму. Но говорят: «Не всем же быть философами». Неужели? А разве не все мы стремимся к вечной жизни? Что скажешь ты на это? Зачем же ты и веру принял? Можешь ли Бога любить и ближнего не философствуя? «Да я и читать-то не умею», – быть может, скажет кто-нибудь. Если читать не умеешь: чем ты защитишься, если не слушаешь? Слушанью, ведь, не нужно учиться. Впрочем, вера вовсе и не есть достояние мудрых сего мира (1Кор.1:26-27), а мудрых в Боге. Бога и не зная грамоты можно познавать; свиток, содержащий положения этой веры и обращенный к людям, хотя и к простым и несведущим, есть однако же Божественный; это – Божественное самосвидетельство, именуемое Божественной любовью, это – книга печати духовной.

Но можно быть слушателем Божественной мудрости и вместе своему гражданскому положению соответствовать; ничто, ведь, не препятствует и дела мирские вести правильно и Богоугодно. Кто что-либо покупает или продает, поэтому пусть не назначает тому цены двоякой, одну – для продажи, другую – покупную; пусть называет он только одну истинную; через это останется он верным истине и хотя не получит прибыли, зато богат окажется справедливостью. Особенно от клятвы при делах торговых пусть всякий воздерживается, но и при других случаях. Такова должна быть философия как крупных торговцев, так и мелких. «**Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно**; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя его напрасно» (Исх.20:7). Вопреки же сему поступающих, как то: сребролюбцев, лжецов, лицемеров, через игру истиной мелкие барыши получающих (2Кор.2:17), извергает Господь из дома своего Отца (Мф.21:12, 13; Мк.11:15-17; Лк.19:46), ибо Он не хочет, чтобы святой дом Божий был местом несправедливой торговли или перепродаж, или вещественных барышей.

В церковь муж и жена должны идти прилично одетые, походкой не напускной, храня молчание, к ближним пламенея «**нелицемерной** любовью» (Рим.12:9; 2Кор.6:6), чистые телесно, чистые сердцем, настроенные к молитве. От жены в особенности желательно, чтобы она выходила из дома совершенно закрывшись. Это сообщает ей вид степенности, но и для высматривателей она остается невидимой, так что никакого преткновения из сего не выйдет ни для нее самой, ибо ее глаза нравственной стыдливостью и покрывалом будут прикрыты, но и никакому постороннему мужчине собой она греха не навяжет, доколе лица не откроет. Так хочет этого Логос; для женщины это прилично, чтобы она молилась с покрывалом на лице (1Кор.11:5). О жене Энея рассказывается, что она была столь скромна и столь благопристойна, что и по взятии Трои не забылась и покрывала с себя не сбросила, оставшись под ним даже при бегстве из объятых пожаром города.

И мужчины, посвятившие себя Христу, во всей своей жизни должны не казаться лишь, а и быть столь же степенными и благопристойными, в каком

виде и в церквях они оказываются: столь же скромными, богобоязливymi, любвеобильными. Но я недоумеваю, отчего это с переменой места они меняют и внешний вид свой, и поведение, подобно полипам, которые уподобляются камням, к которым присасываются, соответственный цвету этих и своей коже цвет сообщая. Оставляя церковное собрание, отлагают они в сторону и святые чувства, навеянные в церкви Духом Божиим, и уподобляются большинству, среди, которого возвращаются. Или, лучше сказать: как скоро отлагают напускную и лицемерную эту степенность, делается очевидным, что она была лишь маской на истинной их духовной физиономии. По-видимому, с благословением выслушав слово Божие, они оставляют его там, где выслушали, а вне церковного собрания, как бы утомившись, в обществе нечестивцев себя не помнят от удовольствия; внимая игре арфистов и арфисток, из себя они выходят при выслуживании их любовного чириканья, приходят в исступление от пения под игру на флейте, хлопают в ладоши, выпивают, позволяя себя осыпать и пакостить всякого рода и другим сором и мусором, наметанным, натащенным и накиданным течением и веянием времени.

Только что певшие перед тем гимны в прославление бессмертия, попеременно теперь, то на каком-нибудь инструменте себе подыгрывая, то с другим чередуясь, они себе на гибель поют повторно песню: «Будем есть и пить, потому что утром умрем» (Ис.22:13; 1Кор.15:32). Нет, не завтра умрете вы; вы уже теперь мертвы перед Богом, своими «мертвецами» занимаясь (Мф.8:22; Лк.9:60), т. е. себе самим вы могилу копаете в пропастях преисподней.

Апостол со всей энергией противопоставляет им такие слова:

«Не обманывайтесь: ни блудники, ни идодослужители, ни прелюбодеи, ни малахи, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые» и иные, перечисленные у апостола, «Царства Божия не наследуют» (1Кор.6:9, 10). Но если мы в Царство Божие призваны, то должны быть и гражданами этого царства, звания этого достойными. Бога любя и ближнего. Любовь же эта состоит не в целовании мира, а в благорасположенности. Некоторые же свой поцелуй мира с таким бесстыдством в церковных собраниях дают и принимают, что производят шум и смятение, самой любви в сердце вовсе и не имея. И это обстоятельство дает повод заподозрить, что столь разнузданное практикование целования мира происходит с целями постыдными и нечестивыми, тогда как оно должно было бы иметь таинственное значение. Апостол называет его «СВЯТЫМ» (Рим.15:16). Давая этим самым целованием мира доказательство, что пользуемся гражданскими правами в своем царстве правильно и для целей добрых, будем свидетельствовать о своей душевной благорасположенности к ближним целованием мира скромным и при устах сомкнутых; такого рода целование особенно и соответствует нравам кротким. Но есть другое, преступное целование, ядовитое, на себя лишь личину благочестия накидывающее. Или вы не знаете, что некоторые пауки человеку боль причиняют, лишь только садятся на уста? Точно так же и поцелуями часто вливается яд чувственности. Для нас теперь, следовательно, ясным становится, что христианская любовь состоит вовсе не в целованиях мира. Она есть любовь Божественная (1Ин.4:7). Но эта любовь Божия, говорит Иоанн, состоит в том, чтобы мы «соблюдали заповеди Его» (а не во взаимных лобызаниях); «и заповеди Его нетяжки» (1Ин.5:3). Но и открытые объятья на

улицах людей, близких между собой, глупая непринужденность, с какой они этими внешними доказательствами свидетельствуют друг другу свою любовь, не представляют собой ничего достолюбезного. Если Богу должно молиться «**втайне**» даже и в доме-то нашем, в месте, куда не всякому позволено входить (Мф.6:6), то последовательно, чтобы и ближнего, которого после Бога мы более всего должны любить (Мф.22:39), обнимали мы любовью внутренне и таинственно, «**пользуясь временем**» (Кол.4:3; Еф.3:13, 16), ибо «**вы – соль земли**» (Мф.3:13). Говорится: «**кто громко хвалит** друга своего с раннего утра, того сочтут за злословящего» (Притч.27:14).

Сверх того, должно избегать присутствия в обществе женщин и старательно уклоняться от встречи с ними; для внесения в свою душу греха вовсе не необходимо прикосновение; может быть греховным уже и простой взгляд. «**Глаза твои пусть прямо смотрят, и ресницы твои да направлены будут прямо пред тобой**» (Притч.4:23). Возможно, конечно, и, видя, твердым оставаться, все же опасности следует остерегаться. Возможно и зрением поскользнуться; но невозможно, чтобы в ком родилось желание без усмирения того, что может быть предметом оно. Для мудрых не довольно сердце чистое иметь; они должны к тому стремиться, чтобы и во внешнем поведении быть выше всякого порицания и устранять всякий повод заподозрить себя, чтобы безупречность их была полной; нам следует быть не только верными, но и оказываться такими, и, притом, оказываться достойными верными. «**Остерегайтесь**», – говорит апостол, – «**чтобы нам не подвергнуться от кого нареканию**, ибо мы стараемся о добром не только пред Господом, но и пред людьми» (2Кор.8:20, 21). И Писание говорит: «**Отвращай око твое от женщины благообразной, и не засматривайся на чужую красоту**» (Сир.9:8). А дабы ты знал и причину этого, оно присовокупило: потому что «**многие совратились с пути чрез красоту женскую**; от нее, как огонь, **загорается любовь**» (Сир.9:9); обращаясь же в грех, она ведет в огонь даже неугасимый; та склонность от этого огня возгорается, которая называется «любовью».

Глава 12

Дальнейший очерк наилучшего (идеального) образа христианской жизни,

составленный на основании различных мест священного Писания

И женатым мужчинам я советовал бы (Гал.7:10) своих жен никогда не целовать в присутствии слуг. Аристотель господам не дозволяет даже и улыбаться перед прислугой; тем непозволительнее обнимать жен в их присутствии. Гораздо лучше даже и дома, начиная с брачных отношений, вести себя степенно. Святые нравы в супружеских отношениях у хозяев распространяют благоухание чистых радостей и по всему дому. Прекрасно говорится об этом в одной трагедии:

Увы, как мало влияете вы, жены, на наше счастье! В совместную жизнь людей ведь не золотом, не властью и не блеском богатств Вносится полное изобилие чистых радостей, А дельного мужа честностью

И нравственной жены заботливой к нему любовью. Почему у нас пренебрегают этими заповедями мудрости и праведности, которые

выражаются питомцами даже и мирской мудрости? Поймите каждый свою обязанность и **«со страхом проводите»**, говорит Петр, **«время странствования вашего, зная что не тленным серебром** иди золотом искуплены вы от суетной жизни, переданной вам от отцов, но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого агнца» (1Пет.1:17-19). **«Ибо невольно, что вы в прошедшее время жизни»**, продолжает апостол, **«поступали по воде языческой, предаваясь нечистотам, похотям (мужеложеству, скотоложеству, помыслам), излишеству в пище и питии и нелепому идолослужению»** (1Пет.4:3). Жалкому образу прежней нашей жизни противопоставлена преграда, крест Господа; через который мы как бы каким палисадником отгорожены и отделены от наших прежних грехов. Возрожденные, поэтому пригвоздим мы себя к кресту жизни, соответствующей истине (нашему имени, нашей двойкой природе, согласию между словом и делом); войдем в самих себя и поревнуем о святости жизни. Ибо **«очи Господни обращены на праведников и уши Его – к воплю их. Но лице Господне против делающих зло»** (Пс.33:16, 17). **«И кто сделает вам зло, если вы будете ревнителями доброго»?** (1Пет.3:13)

Наилучший образ жизни есть благоупорядоченность, т. е. безупречная во всем благопристойность и полная во всем красота, вошедшая в определенные нормы, и нравственная сила, устойчивая сама в себе, вследствие чего все в образе мыслей и действий получает подобающее ему место, и добродетель человека становится непобедимой. «И если Я говорил вам о сей истине несколько сурово, говорит Педагог, то единственно из ревности о вашем благе и улучшении. Строгость Моих слов есть величайшее доказательство благодати Моего сердца, ибо **«кто с откровенностью порицает, тот готов и на мировую»** (Притч.10:10). Итак, если вы Меня слушаетесь, то спасетесь. А если сказанному не последуете, то Я от того ничего не потерплю; или нет: все же это будет заботить Меня, как написано: **«Разве я хочу смерти беззаконника? говорит Господь Бог. Не того ли, чтоб он обратился от путей своих и был жив?»** (Иез.18:23). Снова посему Педагог повторяет: **«Если захотите и слушаетесь, то будете вкушать блага земли»** (Ис.1:19). Под **«благами земли»** понимает Он человеческое счастье: красоту, богатство, здоровье, телесные силы, материальные средства к жизни. Но кроме этих благ нас ожидает истинное счастье, о котором **«написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку»** (1Кор.2:9), счастье истинное у истинного Царя, который есть Раздаватель, но и Страж этого счастья. Но, побуждая нас стремиться к достижению этого счастья по ту сторону гроба. Он говорит о счастье земном: Божественный Логос в качестве Педагога возводит, ведь, нашу человеческую слабость к умозрению духовному через образы чувственные.

Итак, Божественный Педагог научает нас всему: и тому, какие добродетели мы особенно должны любить и соблюдать, и тому, к каким из пороков мы должны питать отвращение и их избегать. Чтобы нас исправить. Он проникает даже внутрь наших домов, преподавая нам правила, как и здесь должно вести себя и свою жизнь устроить. Обращается Он с нами, прежде всего, также как обращаются с малыми мальчиками, когда ведут их в школу. Как им по пути обыкновенно внушаются главные из правил их поведения во время предстоящего им учения: подобно этому и нам в Писании изложены и в

нем предлагаются соответственно краткости пути (земного странствования) правила лишь короткие и главные, дальнейшее развитие которых предоставляется Учителю (на небе). Действительно, Педагог немного желает. Разрешая узы закона. Он желает лишь одного, чтоб мы не боялись Его (Рим.8:15), но чтобы Его любили, следуя с этих пор за Ним охотно и без сопротивления, по силе предоставленной нам свободы добровольной веры. «Если хочешь быть благовоспитанным, говорит Он, то выслушай, дитя Мое, выслушай и узнай главные из спасительных законов. Я раскрою перед твоими очами заповеди Моего нравственного закона и изложу главные его положения перед лицом твоим: соблюдением их ты достигнешь неба. Путь, каким Я поведу тебя, есть единственно спасительный; поэтому оставь пути заблуждения. **«Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибает»** (Пс.1:6). Итак, следуй, дитя Мое, доброму пути, тебе Мной указываемому. **«Приклони ухо твое»** (Пс.44:11) для выслушивания Меня, и **«отдам тебе хранимые во тьме сокровища»**, от язычников сокровенными и утаенными (Ис.45:3), нам же известными, **«сокровищами»** мудрости **«неоскудевающими»** (Лк.12:33). Удивляясь им, апостол взывает: **«О бездна богатства и премудрости»** (Рим.11:33). Дарованием бесчисленных сокровищ взыскивает нас единый Бог. Одни Он открывает нам через закон, другие – через пророков, третьи – устами Своего Божественного Сына, о четвертых в седмиголосном аккорде поет нам Дух Святой (Ис.11:2, 3). Но во всем этом открывает себя единый Господь всех людей, тот же самый Педагог их. Так одна из Его заповедей содержит как бы в зерне все правила и положения Его Божественной морали: **«я как хотите, чтобы с вами посту-пади люди, так и вы поступайте с ними»** (Лк.6:31). В двух нижеприводимых заповедях содержатся, равным образом, и все другие, как нам сказал об этом Сам Господь в таких словах: **«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою** твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях», присовокупил Он, **«утверждается весь закон и пророки»** (Мф.22:37, 39, 40; Лк.10:27). И когда некто спрашивал Его: **«Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную»**. Он, в свою очередь, спросил: **«Знаешь заповеди?»** А когда вопрошатель отвечал утвердительно. Он сказал: **«Так поступай, и будешь жить»** (Лк.18:18, 20; Лк.10:25-28). Но нам следует познать еще и особенное человеколюбие нашего Педагога, сказавшееся в бесчисленном количестве различных спасительных заповедей, рассеянных по всему Писанию, чтобы тем легче и во всем изобилии можно было находить нам здесь все, что необходимо нам для спасения и чтобы тем: охотнее пользовались мы совокупностью Писаний, всякий раз находя в них для себя нечто спасительное. Особенно важно здесь Десятисловие, данное через Моисея, которое простой однородной десятирицей заповедей описывает область спасения через наименование грехов, от которых нужно уклоняться. Таковы: «Не нарушай супружеской верности, не предавайся идолослужению, не посягай на мальчиков (Лев.18:22), не кради, не произноси ложного свидетельства, чти отца и мать» и т. д. (Исх.20:13-16; Втор.5:1). Таковы заповеди, соблюдение которых для нас обязательно, но и многое другое, исполнение чего в иных местах заповедует нам Писание. Устами еще Исаии-пророка Бог обращался к нам с такими словами: **«Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; переставьте делать зло; научитесь делать добро;**

ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за вдову; тогда придите и рассудим», говорит Господь (Ис.1:16-18).

Различные заповеди находим мы в Писании, приложимые в различных состояниях. Так здесь находим мы заповеди касательно молитвы, ее природы, образа и плодов. «Молитва Богу благоприятная есть доброе дело», говорит Писание. Но и род, и образ молитвы здесь показывается. «Раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом»; говорит Писание, «когда увидишь нагого, – одень его, и от единокровного твоего не укрывайся». Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя» (Ис.58:7-8). А что за плод сей молитвы? «Воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: “Вот Я!”». Но и относительно поста также дается заповедь: «Таков ли тот пост, который Я избрал», говорит Господь, «день, в который томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник, и подстилагает под себя рубище и пепел? Это ли назовешь постом и днем, угодным Господу?» Какой же пост угоден Богу? «Вот пост, который Я избрал», говорит Господь, «разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, – одень его». (Ис.58:5-7). То же самое и относительно жертвоприношений. «К чему Мне множество жертв ваших?» говорит Господь. «Я пресыщен всесожжениями омов и туком откормленного скота; и крови тельцов, и агнцев, и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лице мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы Мои? Не носите больше даров тщетных; курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие – и празднование» (Ис.1:11-13). Какие же жертвы должны мы приносить Господу? «Жертва Богу», говорится, «дух сокрушенный» (о грехе) (Пс.50:19). К чему мне, следовательно, себя венком украшать, себя благовониями умащать и перед Господом курения возжигать? «Благоуханно перед Господом уже сердце, своего Творца прославляющее», говорит Писание. Вот венок, вот жертва, вот благоухание и аромат цветов перед Богом.

Есть изречения в Писании, нам внушающие терпение. «Если же согрешит против тебя брат твой», говорит оно, «выговори ему» (наедине), «и если покается, прости ему. И если семь раз в день согрешит против тебя и семь раз в день обратится и скажет: «каюсь», – прости ему» (Лк.17:3, 4). Солдатам далее устами Иоанна Господь возвещает, чтобы они «довольствовались своим жалованьем» (Лк.3:14); сборщикам податей, чтобы они ничего «не требовали больше определенного им» (Лк.3:13); судьям: «Не различайте лиц на суде» (Втор.1:17); «даров не принимай: ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых» (Исх.23:8), вместо освобождения угнетенных (Ис.1:17), освобождая совершителей злодеяний. Далее домохозяевам говорит Писание: «Богатство от суетности истощается» (Притч.13:11); и о христианской любви: «Любовь покрывает множество грехов» (1Пет.4:8); и об обязанностях гражданских: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф.22:21). О клятве и злопамятстве: «Ибо отцам вашим Я не говорил и не давал им заповеди в тот день, в который Я вывел их из земли Египетской, о всесожжении и жертве» (Иер.7:22); «но такую заповедь дал им: никто из вас да

не мыслит в сердце своем зла против ближнего своего, и ложной клятвы не любите» (Зах.8:17).

Лжецам и высокомерным грозит Он так. Первым: «Горе тем, которые горькое почитают сладким, и сладкое горьким» (Ис.5:20). Последним: «Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою» (Ис.5:21); ибо «всякий, возвышающий сам себя, унижен будет; а унижающий себя возвысится» (Лк.14:11; Лк.18:14). Милосердных называет Он блаженными, «ибо они помилованы будут» (Мф.3:7); на гнев же Мудрость жалуется, потому что «(гнев губит и разумных)» (Притч.15:1). Она повелевает нам и врагов любить, и тех благословлять, кто нас проклиняет, за тех молиться, кто нас обижает. «Ударившему тебя по щеке подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку» (Мф.5:40; Лк.6:27-29). И о вере: «И все, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Мф.21:22); «недоверчивый же, и по Пиндару, не заслуживает доверия». Со слугами Он вменяет нам в обязанность обходиться так же, какого обхождения мы желали бы для себя самих, потому что и они такие же люди, как и мы; и Владыкой своим и господа, и слуги имеют одного и того же Бога (Кол.4:7; Еф.6:9). Заблуждающихся братьев не наказывать следует, а порицать (2Тим.4:2). В этом смысле говорится: «Кто падки жалеет, ненавидит сына своего» (Притч.12:24). И погоню за суетными отличиями осуждает Он: «Горе вам, фарисеям, что любите председания в синагогах и приветствия в народных собраниях» (Лк.11:43). Раскаяние же грешника принимает Он охотно (Иез.18:23); раскаянию Он радуется как эпилогу греховного дела. Безгрешен (т. е. по природе), ведь, только Логос. Грех есть некое общее наследство; обратиться же после греха, на это способен не всякий, а только честный.

Он побуждает нас к добру также и наградами. «Придите», сказал Он, «благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира, ибо алкал Я, и вы дали мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф.25:34-6). А когда мы что-либо из этого Господу оказали? Опять-таки сам Педагог пусть нам скажет об этом. Относя любвеобильное благодеяние братьев к Своему Собственному Лицу, Он говорит: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне: и пойдут праведники в жизнь вечную» (Мф.25:40, 46). Таковы заповеди Логоса, таковы напоминания Его. «Не на скрижалях каменных» (2Кор.3:3) перстом Господним начертаны они, но «на полотняных скрижалях сердца» написаны, лишь бы эти были не разбиты. Жестокосердых же иудеев скрижали именно потому и разбиваются, что эти истины веры имели быть напечатлены на сердцах юных христиан. Но и тот, и другой закон служат Логосу в воспитании человечества, один – через Моисея, другой – через апостолов.

Посему я нахожу необходимым представить теперь в общих чертах педагогику и апостолов, или, лучше сказать, говорит через меня сам Педагог, предлагая здесь зерна заповедей. «Отвергнувши ложь, говорите истину каждый ближнему своему, потому что мы члены друг Другу. Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем; и не давайте места дьяволу. Кто крал, вперед не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное,

чтоб было из чего уделять нуждающемуся» (Еф.4:25-28). «**Всякое** раздражение и ярость, и гнев и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас. Но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас» (Еф.4:31-32). Итак, «**будьте мудры**» (Мф.10:6), «**подражайте** Богу, как чада возлюбленные и живите в любви как и Христос возлюбил нас» (Еф.5:1-2). «**Жены, повинуйтесь своим мужьям как Господу**» (Еф.5:22). «**Мужья, любите своих жен, как Христос возлюбил церковь**» (Еф.5:25). Соединившиеся брачными узами должны любить друг друга «**как свои тела**» (Еф.5:28). «**Дети повинуйтесь** своим родителям в Господе. Отцы не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем. Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души» (Еф.6:1, 4-3). «**И вы, господа, поступайте с ними так же, умеряя строгость**, зная что и над вами самими, и над ними есть на небесах Господь, у которого нет лицепрятия» (Еф.6:9). «**Если мы живем духом**, то по духу и поступать должны. Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать». (Гал.5:23-26). «**Носите** бремена друг друга и таким образом исполните закон Христов» (Гал.6:2). «**Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает**» (Гал.6:7). «**Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем**». (Гал.6:9). Будьте в «**мире между собою**. Умоляем также вас, братия: вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем. Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло» (1Сол.5:13-15). «**Духа не угашайте. Пророчества не уничижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь. Удерживайтесь от всякого рода зла**» (1 Фес. 5:19-22). «**Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением**» (Кол.4:2). «**Со внешними обходитесь благоразумно. Слово ваше** да будет «**всегда с благодатию, приправлено солью**, дабы вы знали, как отвечать каждому» (Кол.4:5-6). Питайтесь «**словами веры и добрым учением. Упражняй себя в благочестии**. Ибо телесное упражнение мало полезно, а благочестие на все полезно, имея обетование жизни, настоящей и будущей» (1Тим.4:6-8). «**Те, которые имеют господами верующих, не должны обращаться с ними небрежно**, потому что они братья, но тем более должны служить им, что они верные» (1Тим.6:2). «**Раздаватель ли**», раздавай «**в простоте; начальник ли**», начальствуй с «**усердием**; благотворитель ли», благотвори «**с радушием. Любовь**» да будет «**непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру**; будьте братолюбивы друг к другу с нежностью, в почтительности друг друга предупреждайте, в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; утешайтесь надеждою; в скорби» будьте «**терпеливы**, в молитве постоянны; в нуждах святых принимайте участие; ревнуйте о странноприимстве» (Рим.12:8-13).

Это немногое из многого, быстро пробегая по священным Писаниям, Педагог предлагает ради примера своим чадам, с помощью этого исторгая из них, так сказать, с корнем зло и заключая грех в границы. Но есть в священном Писании множество заповедей, предназначенных для отдельных лиц: для епископов, пресвитеров, дьяконов, для вдов, о чем речь может быть поведена у нас в другой раз. Многое в Писании и символически выражено, многое – и в притчах; такие притчи очень полезны для тех, кто при случае на

них наталкивается. «Но не Мое дело, говорит Педагог, еще и об этом беседовать; для изложения тех святых учений нужен Учитель, к которому теперь и предстоит нам обратиться (идти)» Задача Педагога теперь для меня окончена; предстоит теперь Учителя слушать. С вами, наставленными в добрых учениях Педагогом, теперь будет беседовать Учитель научным образом. Прекрасной же руководительницей в разумении сих духовных вещей состоит церковь, и единственным Наставником в них является ее Жених, (олицетворенная) воля Отца, истинная мудрость, освящение всех наших познаний. «И Он есть грех за наши грехи», как говорит о Нем Иоанн. Он наш дух и тело исцеляет, целого человека. Это Иисус, «(умиловствление) за грехи наши, и не только за наши, но и за» грехи «всего мира. А что мы познали Его, узнаем из того, что соблюдаем Его заповеди. Кто говорит: «Я познал Его», но заповедей Его не соблюдает, тот лжец и нет в нем истины. А кто соблюдает слово Его, в том истинно любовь Божия совершилась; из сего узнаем мы, что мы в Нем. Кто говорит, что пребывает в Нем, тот должен поступать так, как Он поступал» (1Ин.2:3-6).

О, питомцы сладостной педагогики! Все больше, все теснее и полнее будем присоединяться к прекрасному этому телу Св. Церкви; побежим в нее, как малые дети бегут к своей доброй матери. Став слушателями Логоса, прославим домостроительство нашего спасения, нас блаженными делающее; им человек воспитывается до состояния чада Божия и освящается в него; через воспитание, получаемое на земле, становится он гражданином неба (Флп.3:20); на небе получает он Отца, которого учился познавать здесь на земле. Логос есть всего Творец; и Педагог Он, и Учитель. Лошадью управляют посредством узды, волом – при посредстве ярма, дичь сетями ловят, а человеческая жизнь преобразовывается Логосом. Он дикого коня обуздает, животных, плавающих в воде, уловляет на прикормку, летающих по воздуху, очаровывает. Это Он образует узду для коня, ярмо для вола, уду для рыб, силки для птиц. Он сам гражданами Своего Царства управляет, но Он же и Земледелец; Повелитель Он, но и Министр; сам Он все творит.

Он землю образовал, небо и море
И все прекрасные звезды, какими увенчано небо.

О дела Божественные! О Божественные заповеди! «Пусть эта вода (Божественных откровений и заповедей), говорит Логос, подобно приливам и отливам моря, волнуется безостановочно и беспрепятственно, взаимно нас соединяя! Пусть этот огонь (Божественных откровений и заповедей) приносит с собой и гнев. Пусть воздух (этих откровений и заповедей) разливается по эфиру, очищая его. Пусть эта почва (Божественных откровений и заповедей) упрочивается; и, будучи ими оплодотворяема, постоянно и далее растительностью покрывается. Если бы Я и еще (нового) человека захотел создать, и еще материи для этого пожелал, то имею ее в этих элементах. В этом своем творении живу Я. Если ты уверуешь в Меня, огонь (вечный, но и судов здешних) будет служебным тебе». Таков Логос и таково Его величие. Он – Педагог и Учитель. Он – Творец мира и человека. А через это Он состоит Педагогом и Вселенной. Дух и материя равно Ему покорны; и это их Он имеет на последнем суде разделить. Ибо не скоротечным каким-либо

словом Логос оглашает нас в этих откровениях своих и заповедях, а мудростью вечной, как говорит Бакхилид. «**Чтобы вам быть неукоризненными и чистыми, чадами** Божиими непорочными среди строптивого и развращенного рода, в котором вы сияете, как светила в мире», говорит Павел (Флп.2:15).

Теперь после столь торжественного признания славы Логоса, что остается нам сделать, как не обратиться к Нему с такой смиренной молитвой: «Будь милостив к Твоим чадам. Божественный Педагог, Отец, Вождь Израиля, Сын и Отец, оба – единый Бог, наш Господь. Даруй нам, исполнителям Твоих заповедей, быть полным подобием Твоего образа, Тебя любить, насколько сил у нас есть, оказываться достойными Твоей благодати и не подвергнуться строгости Твоего грозного правосудия на Последнем Суде. Между тем до его наступления проникни всех желанием собраться под мирное знамя Твоего царства, под кроткие крылья Святого Духа, преобрази всех в мирных граждан Твоего святого града, дабы под действием тихого веяния благодати Духа силой Его тихо плыть нам по направлению к мирной гавани, не терпя на море этой жизни вреда от прибоя к нам волн греха, напротив, в Нем, Святом Духе, мудрости неизреченной, ночь и день даже до последнего часа жизни благодаря славословите, а славословя, благодарить единого Отца и Сына, Сына и Отца, Тебя Сына в качестве Педагога и Учителя, со Святым Духом, Который собой представляет все в едином, в Котором все, через Которого все едино, через Которого вечность, Которого все мы состоим членами. Которому принадлежит слава, (история во все) века. Который есть совокупность всех благ, всей красоты, всей мудрости, всей праведности. Которому слава ныне и во веки веков. Аминь.

Заключение

Так как Педагог ввел нас в церковь и Сам с Собой соединил, то совершенно естественно, чтобы этому Учителю, всевидящему Логосу, Господу, каждый раз как здесь бываем, приносили мы в дань хвалы и благодарности. Людям, хорошо воспитанным, совершенно и прилично это делать.

Гимн Христу Спасителю

Узда для жеребят неразумных,
Крыло птиц в полете не блуждающих,
Прочное кораблей Кормило,
Пастырь агнцев царских!
Твоих простых
Детей собери
Славить свято,
Воспевать бесхитростно
Устами невинными
Христа – детоводителя.
Царь святых,
О, Логос, Смирение дарующий,
К мудрости Отца Всевышнего Водитель,
В трудах Опора,
Жизни Радость вечная,

Смертного рода
Спаситель, Иисусе,
Пастырь, Пахарь,
Кормило, Узда,
Крыло небесное святого стада!
Ловец человеков,
Спасаемых
Из моря нечестия!
Рыб чистых
Из волны враждебной
к сладостной жизни уловляющий!
Веди нас, овец
Пастырь разумных!
Царю Святый, веди
Твоих чад непорочных,
Стезями Христа,
Путем небесным!
О Слово вечное!
О Вечность бесконечная!
О Свете вечный!
Источник милосердия,
Содеатель добродетели,
Жизнь безупречная
Бога прославляющих! О Христе Иисусе!
Млеко небесное
От сосцов сладостных
Девы благодатной!
Твоей мудрости струящееся.
Мы – дети малые,
Нежными устами
Питаясь,
Сосца одушевленного
Нежным дыханием
Проникаясь,
Хваления простые,
Гимны неложные
Парю Христу,
В воздаяние благоговейное
За учение жизни,
Поем мы вместе,
Поем просто
Отрока Державного.
Мы – хор мира,
Христом рожденные,
народ разумный!
Бога мира в псалмах да восхваляем все купно.

Посвящение творения

О Педагог, тебе сие творение
Я приношу с Писаний луга чистого,
Собрав его, как мед трудолюбивая

Пчела, когда весь день жужжит над нивою.
Подобно ей изо всех сил старался я Тебе,
Владыке моему, собрать прекрасный мед.
Я, из твоих рабов поистине ничтожнейший,
Благодарить тебя за благодатные
Стремлюсь Законы, благ податель. Господи.
Благих водитель и все созидающий
Отец, который небо утвердил один
И Логосом Своим устроил мир,
Нам показавший день и свет, кто дарует
Пути для звезд на небе непреложные.
Тобою море и земля устроены,
Премудро в круг времен весь год связующий,
Весну и зиму, лето и богатую
Плодами осень. Ты из состояния
Воззвал весь мир материи бесформенной
И все привел в порядок безупречнейший.
Прошу о благодати непрестанно я
Твои Законы исполнять и помнить их
И славить и Тебя, и полный Мудрости
Твой Логос, что с Тобою вечно царствует.
Ни бедности я не прошу, ни, Отче мой,
Богатства у Тебя, но об одном молю,
Чтобы и жить, и умереть без ропота.
